

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ LXVIII.

М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ,

1 8 1 3.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по опечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министрства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Москва
Апрѣля 24 дня 1813 года. *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Деигубскій.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 5 и 6.

М А Р Т Ъ 1813.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

У д о в о л ь с т в і е.

С к а з н а.

Удовольствіе не всегда обитаетъ на Олимпѣ; сей богъ имѣетъ свои прихопы. Иногда низходитъ онъ на землю, гдѣ сами безсмертные съ спрудомъ ищутъ его.

Едва богъ удовольствія слезишь съ высоты неба — и амброзія лишается сладкаго вкуса, нектаръ аромаша, Геба свѣжести и проворства; Граціи помятся; кажутся, что сама Киприда утратила прелестный свой поясъ; вдохновеніе Аполлоново перестаетъ дѣйствовать; наконецъ жало оспрыхъ щупокъ прищупляется на ухахъ Мома.

Съ небесъ сокрылось Удовольствіе. Посланникъ боговъ, Меркурій, лезишь ис-

жасть его, и на быспрыхъ крылахъ низпускается въ подсолнечную.

Первый взоръ его обращается на блескъ царскаго двора, и на пышность великаго пира, для Царя пригошьяемаго. Въ устахъ работниковъ гремитъ слово: удовольствіе! На лицъ народа, съ неперпрнїемъ ожидающаго часа пиршества, блеститъ образъ веселости.

Меркурій вспуаетъ въ преддверіе царскихъ чертоговъ; у дверей вспрвчаютъ его Епикетъ и Церемонїаль. Тотчасъ посланникъ боговъ удаляется. Можеть ли Удовольствіе поселиться въ жилищъ явныхъ и жестокихъ враговъ его?

Вдали предспавляюся очамъ бога стѣны великолѣпнаго града: тамъ избытокъ распочаетъ свои сокровища; тамъ роскошь проливаетъ золотыя рѣки; тамъ гульбища, гдѣ искусство споритъ со вкусомъ, и гдѣ чувства наслаждаются искусственными водопадами, укашанными дорожками, насаженными аллеями. На обширномъ полѣ мелькаютъ колесницы, блестящія знапомъ; искусный возничій правитъ, вспрвчается съ другими, и уклоняется отъ грозящаго удара оси. Рысшлице застпмается пилью; конь пышетъ огнемъ, бьетъ копыщами и

рвешся за шѣсныя предѣлы , ограничивающіе нуть его.

Меркурій примѣчаетъ въ полпѣ шумъ, блескъ и суешу одѣтыхъ пышными покровами ; а не находить Удовольствія. Онъ ищетъ его въ глазахъ красавицъ, которыхъ присутствіе оживляетъ мѣсто бѣга, и видитъ въ нихъ облако задумчивости, разсѣянія, спраспей бурныхъ и вредныхъ. Можешь быть оно въ сердцѣ ихъ, говоришь Меркурій? И какъ Удовольствію не сопутствовать красавицамъ? Кажется, что женщины сотворены на то, чтобы раждать Удовольствіе. Онъ заглядываетъ въ ихъ сердца: и тамъ Удовольствія не бывало.

Толпа бѣгущаго въ театрѣ народа раздвигается и пропускаетъ Меркурія. Въ амфитеатрѣ видно неперпѣніе зришелей. Наконецъ занавѣсъ поднимается. Драма прогашельная, заманчивая и краснорѣчивая ; музыка прелестная, балетъ блестящій, декораціи несравненныя, шаланшы акшеровъ рѣдкіе: все кажется очаровательнымъ. Меркурій ожидаетъ, что богъ удовольствія посѣтитъ собраніе; но Меркурій ошибается. Въ собраніи царствуютъ зависть, предубѣжденіе, скуна раждаемая прирычкою, и наконецъ союзъ злоумышленниковъ; едва показывается легкая улыбка

на лицахъ нѣсколькихъ младенцевъ и опроковъ.

Далѣе, Меркурій заспаетъ кругъ гостей за самымъ роскошнымъ ужиномъ, котораго видъ одинъ раздражаетъ чувства и льститъ вкусу. Упоеніе любви и роскоши общаетъ двойное удовольствіе, неисчислимыя забавы; но что же видишь и что слышишь Меркурій? Веселость холодную и принужденную, рѣзвость прищворную, вѣжливостъ скучную, остроуміе пустое состоящее въ игрѣ словъ и въ блескѣ фразъ. Давно бы мершвая скука овладѣла всѣми, если бы не оживлялась немного рѣчь колкими наветами злословія. Блюда приносятъ на столъ, блюда со стола сносятъ; всѣ желудки пусты; а приправы кушанья производятъ несвареніе. Каждый говоритъ другому на ухо: я зѣваю; мнѣ тяжело; побдемъ на балъ. — Одни боги, безумцы и модные люди, думаетъ Меркурій, могутъ выдерживать пищу сего рода. Онъ является въ маскарадъ.

Какое множество обманчивыхъ лицъ! какія чудныя одьянія! какіе нескладные разговоры! Меркурій, вспрѣчаясь съ тѣми и съ другимъ, и чистая скуку на лицѣ каждаго, спрашиваетъ: но гдѣ же Удовольствіе? Передо мною музыка гремитъ, огни

свѣтъ; цвѣтъ юношей лепаетъ зефиромъ по обширной галлерей и выспавляетъ искусство свое передъ зрителями: но гдѣ же Удовольствіе? Передо мною шеапральныя прелеспицы заманиваютъ взорами и тѣлодвиженіями; шунейдцы перебѣгаютъ изъ мѣста въ мѣсто; злые насмѣшники подсматриваютъ за всѣми: но гдѣ же Удовольствіе?

Къ Меркурію является чета влюбленныхъ. Оба молоды, оба любезны по наружности; часъ любовнаго свиданія назначенъ. Счастіе ожидаетъ ихъ, говоритъ Меркурій; скоро посольство мое будетъ съ концемъ: у нихъ найду я Олимпійскаго бѣглеца.

Быспрая колесница мчитъ любовниковъ во храмъ, посвященный, кажется, брачнымъ шайншвамъ. Изъ храма ведутъ ихъ въ черпогъ убранный Роскошью и Вкусомъ. Тамъ приневоливаютъ красавицу къ исполненію обязанностей хозяйки; съ языка ея слезаетъ слово укоризны и ропота на домашнія заботы; на ропотъ другъ ея отвѣчаетъ колкою насмѣшкою; раждается досада; досаду побѣждаютъ; дерзкія ласки отражаются холодноспію хипрою; истинному безстыдству уступаетъ стыдливость припворная; наконецъ прежде наслажденія припупленные чувства прибѣгаютъ къ

всѣмъ понюхнямъ сластолюбїя: слѣдуетъ упомленїе, и въ заключенїе любовники зѣвающъ другъ съ другомъ.

Меркурїй не естъ новичекъ въ любовномъ дѣлѣ; но такая любовь и его изумляетъ: все имъ видѣнное кажется ему оскорбленїемъ любви. Онъ удаляется.

Слѣпой случай ведетъ Меркурїя на сей разъ. Домъ, ярко освѣщенный во мракѣ ночи, обращаетъ на себя взоры посланника боговъ. Онъ вспускаетъ въ домъ, но почти безъ надежды.

За ужиномъ, не столько упоеннымъ, сколько сыпнымъ, пьяные господа веселились безъ памяти. То Удовольствїе, котораго искалъ Меркурїй, бѣжитъ равно отъ суетныхъ забавъ свѣтскаго круга, и отъ шумной веселости мѣщанской бесѣды: ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ Удовольствїя.

Наконецъ исчезающъ ночные сумраки. На упренней зарѣ Меркурїй видитъ себя въ чистомъ полѣ. Цвѣтущая природа является въ сельской простотѣ своей. Онъ идетъ въ сладкой задумчивости, и приближается къ хижинѣ. Тамъ подъ соломеннымъ кровомъ предстаетъ ему Демофонъ и Мелисса.

Демофонъ въ двадцатой весѣ своей, а Мелиста въ пятнадцатой: ничего не производитъ природа совершеннѣе ихъ красоты, ничего чувствительнѣе и невиннѣе сердецъ ихъ; взаимная спрасъ ихъ соединяетъ, и они готовы заключить союзъ любви и добродѣтели. Въ присутствіи Меркурія разцвѣтающъ на лицѣ ихъ розы стыдливости, и тѣмъ возвышающъ дѣйствіе ихъ прелестей. Они чувствуютъ смятеніе; они боятся, чтобы не воспретивали ихъ союзу: но Меркурій успокоиваетъ ихъ. Въ очахъ добродѣтельныхъ любовниковъ присутствуетъ потъ богъ, котораго онѣ ищутъ; надлежало, не пугая бога удовольствія, подкрасься иъ нему съ осторожностію.

Меркурій опсупаетъ на минушу, и потъ часъ возвращается. Удовольствіе покоится на ложѣ, усланномъ мохомъ и розами; онъ похищаетъ его, связываетъ цвѣточными цѣпями, и опводитъ на небо.

Удовольствіе не навсегда распалось съ Демофономъ и Мелистою. Оно посѣщаетъ ихъ ежедневно въ жилищѣ, и только въ часъ ихъ разлуки само отъ нихъ скрывается.

Съ Франц. В. И.

Авторъ и книгопродавецъ.

. . . *Misce stultitiam consiliis brevem.*

Horat.

„Да, государь мой, я хочу написать книгу,“ сказалъ мнѣ высокопарно молодой новопріѣзжій провинціалъ, съ которымъ прогуливался я около Московскаго Университета. — Я указалъ ему на развалины сего храма наукъ — и молчалъ. — „Ничего!“ ошвѣчалъ онъ равнодушно: „это слѣды полишическихъ бурь; но ихъ не бываетъ въ мирной области наукъ.“ — Какъ, государь мой! развѣ не извѣстно вамъ, что ученый свѣтъ имѣетъ свои войны? — „Войны?“ — Да, конечно. Не сражаются ли у насъ на полѣ словесности подъ различными знаменами? Есть у насъ старобрядцы въ языкѣ и въ народныхъ обычаяхъ; есть опшпунники отъ старины въ помѣ и въ другомъ; есть, на конецъ, когда можно ихъ шакъ назвать въ епомѣ опношеніи, деисшы, копорые, исповѣдуя вѣру въ древнему языку и къ праопеческимъ обычаямъ, суть однакожь въ обоихъ случаяхъ православныя, а не ерешки, и не атеисшы. . . Но дѣло не о томъ. Какого рода книгу хотите вы написать? — „Романъ.“ — Не совѣтую. — „Для чего?“ — Для того что все истощено въ семъ родѣ. Ваши предшесивенники, романисты, пе-

вѣсповали о своихъ герояхъ все, что вы повѣсповашъ будете о вашихъ: пѣрвчи, которыя вложише въ уста ващихъ дѣйствующихъ лицъ, были давно произнесены и напечатаны; вамъ уважущъ книгу, спраницу, мѣсто. Не лзя вамъ придумать ничего новаго; самыя пѣни были вызываемы, и мерпвецы поднышы изъ гроба. Если воскресите одно лицо, то будыше увѣрены, что оно всѣмъ знакомо, и что его видѣли въ какомъ нибудь подземельи. Многие посѣщали луну; опкрышыя и *несоткрытыя* земли давно извѣсны. Едва напишете книгу, и шысячи голосовъ повторащъ: *но — любезный нашъ авторъ! мы знаемъ это также хорошо какъ и ты.* Въ самомъ дѣлѣ, найдите мнѣ подземелье, которое не уподоблялось бы *Радклифину*, и перещегодало бы замокъ *Удольфскій*? Давно написаны поршрешы всѣхъ женщинъ и всѣхъ влюбленныхъ; спрасши, ихъ дѣйствія, ихъ свирѣпости вычерпнушы до самаго дна; испочникъ *чувствительности* высохъ. — „Извините; остается еще для меня *аеросталь*.“ — Какъ! воздушный шаръ? Но развѣ новый и старый *Хромовой бѣсъ* не пущешествовали по воздуху? Повѣрьте, что вы прудитесь напрасно, и оставыте ето въ прудѣ. Я бьюсь даже обѣзакладъ, что вы не придумаете новаго пишуща для ващего шворенія. На примѣрѣ

положимъ, что вы хошите сочинить жизнь
вашего предка. Но есть давно *Жизнь мо-
его отца, Жизнь моей прабабушки,*
даже *Перелиска моихъ прадедовъ,* и
проч. Гдѣ взять имя для отца, вашего ге-
роя? Известно, что есть *Дитя отца
моего, Дитя льва, Дитя аббатства,*
и проч. Задумаете ли основать вашу за-
вязку на *таинственности*? Но опѣ *жи-
зни* до *палатъ* все въ романахъ *та-
инственное*. Не лзя бытъ новымъ и въ
описаніи мѣстъ и предметовъ: *башни* на
западѣ, *воспоя*, *сѣверъ* и проч. выспро-
ены съ давняго времени; *попаенныя лѣспи-
ницы, зубцы каменныхъ стѣнъ,* все извѣ-
стно. — „Вы правы; но со всѣмъ тѣмъ
горю желаніемъ произвеси на свѣтъ и
выдашь въ публику сочиненіе?“ — Когда
такъ, то сочиняйте *трактатъ о поли-
тихъ*. Теперь политика во всѣхъ устахъ
и во всѣхъ журналахъ: вашу книгу пош-
часъ раскупятъ до послѣдняго экземпля-
ра. — „Хорошо; но если въ моемъ сочи-
неніи найдутся предложенія и основанія не
согласныя съ правилами *Наполеонова Ко-
декса*, и если случится бытъ въ пѣвну
у Галловъ, то великій герой, изъ Москвы
бѣжавшій, величій разможитъ мнѣ голо-
ву, какъ Ангюену и Пальму, для оправда-
нія челоуколюбивыхъ своихъ намѣреній и
благодѣянаго правленія.“ — Ну, такъ на-

ниціише *практалъ о морали*. — „Боже мой! по ли время? Всѣ досадуяють, что сколько ни писали о морали, сколько ни проповѣдывали любовь къ челоѳчеству, сколько ни доказывали неприкосновенность собственности: однакожъ нравоченіе оспалось только въ книгахъ, а руна грабишельская похишила у насъ имущество, предала огню дома, села, вещи и проч. безъ суда и расправы моралистовъ. . . Но мнѣ пришла теперь мысль. . . Я могу написать теапральную пѣсу?“ — Изъ худаго лучшее. Однакожъ вообразите себѣ шу минушу, въ которую должно предспаить себѣ низкимъ поклономъ, себѣ теапрядью въ рукѣ, на судѣ теапральной Дирекціи, которая можетъ принять и можетъ откинуть вашу пѣсу. Предспавьте себѣ другую ужаснѣйшую минушу, когда между страхомъ и надеждою вы услышите въ партерѣ и въ ложахъ неприспойной хохотъ, а можетъ быть и свистъ, который доводитъ нерѣдко до отчаянія. Имѣете ли столько философическаго духа, чтобы отразить всѣ удары случая, равно перенести упоеніе торжества, и стыдъ паденія? Нѣтъ другой средины. Васъ ожидають критика, зависть и проч. Прости спокойствіе, прости сладной сонъ! —

Молчаніе, которое слѣдовало за симъ разговоромъ, было, какъ мнѣ казалось, обра-

щеніемъ моего автора. Но я ошибся; всегда самолюбіе уклоняется отъ совѣштовъ разсудка. Мы гуляли еще нѣсколько часовъ. Я примѣшилъ, что во время нашего разговора сочинитель (ибо онъ былъ уже, а не готовился бытъ сочинителемъ, какъ я воображалъ себѣ) клалъ руку на сердце, и крѣпко прижималъ къ груди пайную рукопись. „Не угодно ли вамъ,“ сказалъ онъ „зайди со мною къ одному книгопродавцу, о которомъ говорили мнѣ приятели. Онъ хорошій человекъ, и умѣешь цѣнить достоинство. Его знакомство пригодно.“ — Мы идемъ къ нему. Дорогою авторъ колебался, казалось, и подносилъ руку къ пайному манускрипту, какъ будто имѣя намѣреніе изорвать его; но безъ сомнѣнія любовь опеческая побѣдила страхъ и безпокойство самолюбія. Всѣ авторы и всѣ опцы походятъ на *Волдырева*, говорящаго Сбиеньщику :

Какіе маленькіе цыплятки!
А всѣ они мои робашки!
Въ нихъ нѣтъ ничего чужова!
Въ маленькіе Волдырки
Большаго Волдырева!

На конецъ мой авторъ вынулъ изъ потаеннаго убѣжища шептрадку съ золотымъ обрѣзомъ, съ розовыми и голубыми ленточками, въ палевой оберткѣ, и я увидѣлъ, какъ возмелѣнно любимое дитя его.

Мы пришли къ дому книгопродавца. О книгопродавцахъ можно написать цѣлую книгу. Нѣкопорыхъ сравниваютъ съ поддѣльщиками монетъ, и они подлежатъ суду ученому, подобно какъ ихъ собратія гражданскому. Одни пускаютъ въ обращеніе подложные деньги вмѣсто истинныхъ, а другіе выдаютъ дурныя сочиненія за хорошія: одно и то же. Насъ впустили къ маленькому человѣчку, который сидѣлъ за столикомъ, и передъ которымъ лежали аршинъ и вѣсы. Онъ принялъ изъ рукъ автора манускриптъ его, вымѣрилъ длину и ширину, взвѣсилъ пепрадку, и попомъ — имѣя пошъ даръ слова, съ которымъ рѣзко говорятъ многіе люди въ обществѣ, и самомъ хорошемъ — обратился къ сочинителю съ предисловіемъ, и слѣдующимъ заключеніемъ :

„Титулъ вашего романа мнѣ понравился, и конечно понравится публикѣ. Мы можемъ пошчасъ сладить, если вамъ угодно объявить ваши условія и если цѣна будетъ не слишкомъ дорога для меня.“ — О! я новъ въ этомъ дѣлѣ, опѣчаль а шоръ. Что вы дадите мнѣ за манускриптъ? — „Вамъ должно назначить цѣну.“ — Но какъ автору цѣнить самому свои произведенія? . . .

При семъ словѣ книгопродавецъ поднесъ къ сочинителю носу прекрасную спикляночку, коея ароматъ сильно дѣйствуетъ на душу; и сказалъ: „принимай, но для васъ видѣнь свой трудъ въ печати.“ Потомъ онъ распространился объ удовольствіи выставить имя свое въ печатной книгѣ; сказалъ нѣсколько словъ объ авторской славѣ, объ авторской учености и проч.; легонько поднялъ моего провинціала на воздухъ; и мало по малу изъ темной безвѣстности переносилъ въ лучезарную выпренность; гдѣ цвѣтуть лавры неувядаемыя, гдѣ курится еиміамъ облакомъ прозрачнымъ и благовоннымъ, гдѣ соплезающа вѣнки мирповые рукою Музъ и Грацій . . . Вы угадываете, что мой авторъ, упоенный дымомъ; готовъ былъ самъ заплашить книгопродавцу за честь бытъ напечатаннымъ. Бѣдный стоялъ молча и неподвижно. Не помню, сколько книгопродавецъ предложилъ ему; но знаю, что ему достало только заплашить за бумагу рукописи и за ленточки розовыя и голубыя. . . . —

В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н Ъ

великому Вождю героевъ.

Маслишый сынъ Беллоны!

Могучій Сѣвера Перунъ!

Всемощна счассія разрушивый законы!

Сквозь стоны, молній прескъ внуши бряцанье
спрунъ

Твою поющихъ славу,

Разбитый испуканъ Европы подъ ярмомъ,

У ногъ раздавленну гордыню величаву

И Росскій всепалаящій громъ!

Изъ ила ржавыхъ блатъ, изъ пины не-
извѣстной,

Возникъ внезапно исполинъ:

Шагнулъ, льещъ ужасъ повсемѣстный,

Взмахнулъ мечемъ Европы власпелинъ —

Занимъ лежатъ въ пыли прѣсполы раздробленны,

Чернѣютъ веси, грады опаленны,

Несется всюду плачь и стонъ.

Герои отъ его блѣднѣютъ взора,

Владыки отъ него ждуть славы и позора;

Судбины колесомъ вертитъ Наполеонъ.

Гдѣ край тотъ неизвѣстной,

Куда бы силою чудесной

Злодѣи не доспунилъ?

Достигъ — за нимъ возможны кары,

Разбои, грабежи, пожары!

Тамъ шарецъ палъ; шутъ мечъ младенца оба-
гриль

На персяхъ матери полмертвой, осрамленной! . .
Какъ шигръ, алчною развяренный,
Въ Россію ворвался;
Со скрежетомъ зубовъ чрезъ холмы, доли ры-
щеть,
Какъ вепрь очьми грозитъ, какъ змій прель-
щеньемъ свещемъ;
Въ обманѣ неуспѣлъ — шокъ крови полился.
Безстрашный, твердый Россъ въ волшебномъ
изумленьи
Тѣснится въ отшупленьи.

„Колоссъ полночный палъ!“ Вѣсть скорб-
ная лезишь:
Европа въ ужасѣ дрожитъ,
И сперту выю протягаетъ.
„Погибло все!“ гласишь:
„Москва пылаетъ!“ . . .

Спокойпесь, робкіе! — еще Купузовъ живъ.
Не вѣрште — слухъ шотъ лживъ,
Что все предъ Галломъ погибаетъ,
И Сѣверный не палъ колоссъ;
Онъ только уязвленъ глубоко.

Дивись, сколь въ бѣдствіяхъ великъ, чу-
десенъ Россъ;
Въ немъ чувствіе высоко,
Какъ кедръ подъ бурями, твердеетъ и расщепъ;
Какъ кедръ, пусть сломитъ вихрь, но къ
долу непогнетъ;
Пусть грянетъ громъ — скала лишь озарится,
Не дрогнетъ, не смутишься.

Таковъ, Смоленскій, ты!
Отъ ярости громовъ твоей бодрый духъ крѣп-
чеишь,

Умъ невозможности считаешь за мечты,
И въ гибели врага махины созидаетъ.
Въ змѣнный вьется ль клубъ, иль страшно ры-
четъ львомъ,
Глядишь — и жмешь въ десницъ громъ;
На шлемъ пвой сыплются удары
И искры вкругъ летяшь,
Какъ на гранишь перуны яры;
Зубчашы молніи съ чела его скользятъ:
Такъ шы лица неизмѣняешь,
Ни вбъжей не смежаешь;
Но быстрый устремивши взглядъ,
Всѣ мбришь вражески и взмахи и движенья,
Ждешь буйныхъ силъ изнеможенья,
Чтобъ изверга послать во адъ. . .
Присѣлъ твой часъ — пустилъ перуны;
Грохочешь ехо по горамъ.
Врагъ гуломъ изумленъ, погибли мысли буйны,
Спасенье не мечу ввбряетъ ужь — ногамъ.

Широки степи тѣсны стали
Для бѣгства — о злодѣй!
Тебя корысть и злость въ Россію звали;
И се мзда лютощій пвоей. . . .
Очнулся поздно, кровопійца!
Гдѣ грѣзы льстивіи? неслыханный убійца!
Гдѣ горы золоша? — давай!
Гдѣ слава? — лавры гдѣ? — вбщай! . .
Безчисленны полки послыша Росски грома,
Узнали ихъ (они вселенной всей знакомы),
И люшый спрахъ
Завылъ въ сердцахъ.
Не смбютъ ужь въ лицо увидѣшь Росса въ полѣ,
Поспѣдно тылъ предавъ его всемошной волѣ,
Закрывъ глаза бѣгутъ;
Досѣхи, колесницы,

Дышащи смертію бойницы,
Бросающъ все — лишь срамъ несущъ.

Усѣялись поля несчетными тѣлами,
Пируешъ черный вранъ, играющъ псы коспями
Воипелей своихъ, вождей.

А ты! шворецъ ихъ бѣдства и позора,
Ты къ нимъ не обращаешь взора!

Бѣжишь — и слезы брызжутъ изъ очей,
Остатки ярости, дань сраму и боязни!
Бѣжишь — куда, злодѣй? — Тебя ждутъ всю-
ду казни,

И нѣтъ нигдѣ оправдъ.

Впреди проклятіе встрѣчаетъ,
Въ пылу Смоленскій ужасаетъ;
Убѣжище — единый адъ!

Разверсты челюсти его къ тебѣ зияютъ,
Батый и Тамерланъ и Неронъ восклицають:

„Приди, дражайшій братъ!

„О превозшедшій насъ во злобѣ!

„Довольно — отдохни — ужь пол-
вселенной въ гробъ!

„Се ты достигъ желанья своего!

„Живущіе тебя во вѣки не забудутъ,

„Тираны имени ужасна твоего

„Какъ поношенія стыдятся будутъ.“

А ты! Мужъ доблестный, непобѣдимый
Ни клеветною, ни мечомъ!

Ты оживилъ полки побой водимы,
И возвратилъ орлу его поляцій громъ.

Онъ при тебѣ взмахнулъ крылами,
Налегъ на облака — давнулъ — и вихрей свислъ,
Какъ осенью опадшій, листъ
Погналъ клубя полями.

Такъ злобный врагъ, швоей развѣянный десницей
За лютость, грабежи и въ селахъ и градахъ,
Бѣжашъ, прильши мзду достойну со шпорицей.

Мужайся, доблій Мужь! и при закатѣ дней
 Сверши пвой подвигъ исполинскій:
 Даруй спокойствіе подлунной всей,
 И да Герой чудесный Ишайскій
 Въ тебѣ воскреснетъ для полковъ.
 При имени швоемъ обвѣметъ страхъ враговъ,
 И да смяшуся ихъ совѣшны;
 Да славы швоея не потемнятъ навѣшны,
 И клевета у ногъ безмощная шипитъ,
 Какъ люшая змія ярящася на гранитъ.
Ө. Ивановъ.

С Т И Х И

*въ день Свѣтлаго Хрїстова Воскре-
 сенія, матери отъ дѣтей.*

Не бушуютъ грозны бури,
 Не шуматъ хладъ лазури,
 Замолчалъ борей;

Вьюги къ Норду уклонились,
 Съ шумомъ рѣки распустились,
 И журчатъ ручей;

Зеленѣютъ холмы, горы,
 Пшичекъ слышны громки хоры
 Въ честь весеннихъ дней.

Не гремятъ вблизи перуны,
 Не бѣжитъ и спаръ и юный
 Хижины родной.

Страшная гроза промчалась ; —
Тамъ вдали еще осталась ;
Тамъ лишь слышенъ бой !

Расцвѣла природа снова : —
Мы избавясь рока злова,
Расцвѣли душой !

Ктожь намъ радости виною ?
Кто проведъ отъ бѣды къ покою ?
Кто насъ воскресилъ ?

Тотъ , Кто самъ воскресъ изъ мертвыхъ ,
Тотъ , кому приносимъ жертвы,
Кто самъ жертвой былъ .

Онъ былъ жертвой Галловъ лютыхъ !
О ужасныя минушы !
Ликъ Христовъ погранъ !

Отсутъли Божьи храмы ,
Не курятся еиміамы , —
Трѣпещи пиранъ !

Богъ воскреснетъ — *расточатся* ;
Громомъ молнией поразиши
Всѣ полки швы .

Богъ воскресъ — и гдѣ сей злобный ?
Цапи всѣ ему подобны , —
Торжесшвуемъ мы !

Торжесшвуемъ — но извѣстны ль
Намъ концы судебъ небесныхъ ? . . .
Боже , судъ Твой правъ !

Будь, какъ былъ, щипомъ Россіи
И во образъ Мессіи

Миръ намъ даровавъ,

*

Укрѣпи насъ новой силой! —
А любезной нашей, милой
Маменькѣ съ небесъ

*

Низтошли благословенье!
Мы же скажемъ въ утѣшенье
Ей: *Христовъ воскресъ!*

Надлись на полѣ Бородинскомъ.

Стой Россѣ! ты подошелъ къ полямъ Боро-
дина!

Здѣсь грозные лежатъ полки надмѣнна Галла.
Они бросали громъ — вселенна препенала; —
Но здѣсь ихъ встрѣшила граничная стѣна.
Не ратниковъ число, не рядъ огромныхъ ба-
шенъ,

Ихъ встрѣшила любовь къ Отечеству, къ Царю.
О Россѣ! въ ней мощь пвоя, ты ею силенъ,
спрашенъ,

Ты ею засвѣшилъ спокойствія зарю.

Она пылала здѣсь, и гласъ ея священный
Носился межъ рядовъ: „о Россѣ! самъ Богъ
швой щипъ!“

Умри, умри, иль будь спасителемъ вселенной!
Будь вѣренъ мнѣ: тебя никто не побѣдитъ.“
И Русскія сердца рвались съ кровавой кляпвой,
Иль сбить врага, иль всѣмъ костыми въ по-
ляхъ сижъ лечь.

Здѣсь утомилась смерть споль новой, пуч-
ной жапвой!

Здѣсь бились Русскіе! здѣсь ихъ носился мечь!
Ревѣли грома здѣсь — и долъ и холмъ спонали!

Зашмился солнца свѣтъ, земля шряслась, и
дымъ

Нагналъ на Россювѣ мракъ; но въ нихъ сердца
пылали!

Сквозь дымъ, сквозь мракъ врага указывали имъ.
Но въра ихъ свѣшочъ, и вѣрность вождь на-

дежный,
Вели безспрашныхъ въ бой — и Россѣ врага

сломилъ;
И врагъ, погибели спрашася неизбѣжной,

Содрогся, и съ спыдомъ съ полей сихъ оп-
спунилъ.

Здѣсь робко на поля иноплеменникъ взглянешъ,
И мимо сихъ холмовъ со спрахомъ поспѣшишь;

Но Россѣ здѣсь мощь свою и славу воспомина-
нешъ,

И скажешъ съ гордостью: „Кто Русскихъ по-
коришь?“

Сюда придетъ старикъ и внучатъ за собою
Съ благоговѣніемъ, какъ къ храму, приведетъ.

„О дѣти! слушайте.“ И повѣстью проспою
Въ ихъ юныя сердца жаръ доблестный про-

лѣшетъ;
„Я помню, приходилъ врагъ съ силой испо-

линской,
И жегъ и грабилъ все: — здѣсь Русскихъ

встрѣшилъ онъ
Я помню славный день, день битвы Бороди-

нской!
Здѣсь дрогнулъ въ первый разъ злодѣй Напо-

леонъ!
Здѣсь онъ почувшвовалъ, что можешъ горсть

херомъ

Противъ несчетныхъ ордъ, со всѣхъ скоплен-
ныхъ странъ.

Сей безпримѣрный бой изъ всѣхъ извѣстныхъ
боевъ

Явилъ, что можетъ духъ великихъ Россіанъ!
Здѣсь бился *Божій мечъ* (*), Князь Русской
Михаилъ.

Я помню, какъ онъ шелъ украшенъ сбдинами,
Какъ онъ предъ битвою съ полками говорилъ.
Онъ спрашенъ былъ, когда сражался со врагами.
Тогда на мѣстѣ семъ парилъ надъ нимъ орелъ;
Въ часъ сѣчи роковой надъ старцемъ опу-
стился;

Вождь обнажилъ чело и духомъ ополчился.
Ура! воскликнулъ Россъ, ударилъ, загремѣлъ!..
Тогда на мѣстѣ семъ и Русскихъ много пало.
О дѣпи, кланяйтесь! они легли за насъ;
Паденьемъ славнымъ ихъ Опечество возстало.
Во вѣкѣ священнымъ ихъ да будетъ прахъ для
васъ!

Россійскій Мараѳонъ! село Бородино!
Ты славою Славянъ въ безсмертьи заблеще-
ешь;
Твоимъ святымъ холмамъ опнымъ суждено
Вѣщать: О смертный, стой! безсмертныхъ
попираешь!

Ник. Иванчинъ - Писаревъ,

(*) Такъ названъ сей Великій Полководецъ въ
Одѣ Павла Ивановича Г. Купузова. Желатель-
тельно, чтобъ потомство въ своихъ преда-
ніяхъ говорило: *Князь М. Л. Г. К. С.*
прозванный Мечъ Божій. — Сочинъ.

Къ Ж.

Ты, копорой съ равной легкостью,
Съ равнымъ даромъ пишешь сказочки,
Оды, пѣсни и елегіи;
Музъ любимецъ и учитель мой
Въ описательной цюезіи!
Добрый другъ, опкрой мнѣ шаинства!
Гдѣ ты взялъ паланшъ божественный
Восхищать, обворожать умы,
Нѣжить сердце, воображеніе?
Не Зевесъ ли положилъ печать
На челѣ твоёмъ вазвышенномъ?
Не Минерва ль обрекла тебя
При рожденіи чистымъ Музамъ въ даръ?
Намъ паланшовъ приобрѣсть не лзя;
Мы съ паланшами раждаемся.
Всѣ пѣшики, риторики,
Всѣ Лагарпы, Аристотели,
Не содѣлаютъ поемами.
Что наука? кормчій смысленный,
Искушенный и воспитанный
Въ школъ времени и опытовъ;
Но безъ вѣтра моремъ плышь не лзя,
И писать безъ дарованія.
Ты поетомъ родился на свѣтѣ;
Въ колыбели повитъ лаврами.
Родился — и улыбнулася
Мать природа сыну милому:
И всѣ виды для очей твоихъ
Въ красоту преобразилися,
И всѣ звуки для ушей твоихъ
Въ сладкогласіе небесное.
Представляешь ли Фанпазію,
Какъ она по свѣту рыскаетъ,
Подославши самолетъ - коверъ,

Алый макъ держа въ одной рукѣ,
 А въ другой ширинку бѣлую,
 Преворъняетъ въ пурпурѣ рубища,
 Въ пышный храмъ шалашъ соломенный;
 Узы шажкія желѣзныя
 Въ вязь легчайшую, цвѣточную.
 Всѣ блестящи краски радуги
 На полипру натираешь ты,
 Всѣ цвѣтцы въ поляхъ распуціе
 Разноцвѣтныя, разнообразныя
 Рвешь, плещешь изъ всѣхъ одинъ вѣнокъ;
 И вѣчаешь имъ прелестную
 Дщерь Зевесову — Фанпазію.

Со друзьями ли бесѣдуешь
 Подъ кокровомъ кленовъ свѣчатымъ,
 На коврѣ луговъ узорчатомъ,
 Гдѣ ручей журчишь по камышкамъ,
 Гдѣ шумъ сладкой бродитъ по лѣсу;
 Ты сливая голосъ съ лирою,
 Поощряешь къ наслажденіямъ,
 Къ сладострасшію изящному.
 О друзья мои! вѣщаешь ты,
 Жизнь есть мигъ; она пройдетъ, какъ сонъ,
 Какъ улыбки слѣдъ прелестныя,
 Какъ минушній филемелы гласъ
 Умолкаетъ за долиною.
 Посмотрише, какъ за часомъ часъ,
 Ославляетъ насъ украдкою.
 И какъ знать? Быть можетъ завтра же
 Мы уснемъ въ могилѣ праотцовъ;
 Такъ почто же дни споль крашкіе
 Отправлять еще заботами,
 Подлой спрасшью сребролюбія,
 Домогашься пресмыканіемъ
 Мзды за низкость жалкихъ почастей?
 Насладимся днемъ сегодняшнимъ!

Въ чашѣ радости попоимъ грусть,
И стаканомъ обѣ стаканъ стуча,
Смерть попросимъ, чтобъ нечаянно
Посѣтила среди пиршества,
Такъ какъ добрый, но неожиданный другъ. —
Иль съ Людмилою поску дѣлишь
О пошерѣ друга милаго. —

Иль съ Свѣтланой прелестною,
Вечеркомъ Крещенскимъ рѣзвисься,
Топись въ чашу бѣлый ярый воскъ,
И бросая свой золотъ перстень,
Ты поешь подблюдны пѣсенки. —

О соперникъ Гете, Бюргера!
Этой сладкою поезіей,
Этой милой философіей
Ты плѣняешь, восхищаешь насъ;
Превосходенъ и въ бездѣлицахъ,
Кисль Альбана въ самыхъ мѣлочахъ.
Но почто же, мой почтенный другъ,
Ты съ цвѣтка лишь на цвѣшокъ лепишь,
Такъ какъ пѣлка златокрылая,
Такъ какъ рѣзвъ мотылекъ весной?
Ты умбешь соколомъ парись,
И конемъ летѣшь чрезъ поприще.
Состязайсяжь съ исполинами,
Съ увѣчанными поетами;
Соверши двѣнадцать подвиговъ:
Наниши чепыре части дня,
Напиши чепыре времени,
Напиши поему славному,
Въ Русскомъ вкусѣ повѣсть древнюю:
Будь нашъ Виландъ, Аріостъ, Бальвъ!
Мы имѣли славныхъ виписей,
Святослава со Добрынею;
А Владиміръ — Русско солнышко,

Нашъ Готфредъ , или Великій Карлъ ;
А Димитрій — босурмановъ бичъ ;
Петръ — Самсонъ раздравшій челюсть льва ,
Великанъ между великими ;
А Суворовъ — мечъ Опечесства ,
Затемнившій славою подвиговъ
Александра , Карла , Цесаря ;
А Купузовъ — щипъ Опечесства ,
Мышцею крѣпкою высокою
Сокрушившій шты и тысячи
Колесницъ , коней и всадниковъ ,
Такъ какъ въпрѣ великій Сѣвера
Испребляетъ пруги алчныя ,
Губитъ жабы ядовитыя ,
Изъ гнилыхъ болотъ излѣзшія ,
И на нивахъ возмердѣвшія ;
А Платовъ , которой , шакъ какъ волхвъ ,
Сѣрымъ волкомъ рыщетъ по лѣсу ,
Сизымъ орломъ по поднебесью ,
Щукой зоркой по рѣкѣ плыветъ ,
И въ единой мигъ и шамъ и адѣсь ,
Колетъ , говитъ и въ полонъ беретъ ! —

Выбирай , соображай , твори !
Много славы , много прудностей .
Слава цѣнится опасностью ,
Одолѣнными препятствіями .
Въ колыбели сынъ Юпитеровъ
Задумилъ змѣй черныхъ зависти ;
Но за то Иракль на небо взялъ ;
И шевъ , орелъ поезіи !
Подлѣ Грея , подлѣ Томсона
Мѣсто на небѣ гошовишя .

Января 7 .

Воейковъ .

Иъ свлпующей Нинѣ.

Вѣчно ли, Нина, другъ мой, крушишься ?
 Вѣчно ли слезы горькія лишь ?
 Розвь въ весною вянушь, помншься ?
 Льзя ли слезами груеть ушолншь ?

Лвзя ли, о Нина, плачемъ, рыданьемъ
 Мнлыхъ усолнхъ пражъ оживншь ?
 Небо гнбемъ лишь дерзкимъ роптаньемъ ;
 Волю не должно ль Промысла чпнншь ?

Смертнаго доля въ мнрѣ перпбнъе ;
 Вѣчный уставъ сей что премннншь ?
 Лучшій въ сей жизни вождь Провнднъе ;
 Вбра отъ бѣдешвнй нверднй намъ щнпнъ.

Зрншь ли ? — въ природѣ все унываетъ,
 Все въ ней согласно стъ грустнью швоей ;
 Ннжная манера шустнъ раздбляетъ
 Ннны, любимой дщери своей.

Свбшлаго солнца шушко снанье,
 Грнзный ревъ вѣтра вышенъ въ поляхъ ;
 Въ блномъ прнрода все одвннъ,
 Быстрыя воды хлада въ цбпяхъ.

Тлбнно и крашко все подъ луною ;
 Мнгу наслажденій, Нина, ловн !
 Пользуйся жизнью, красной весною ;
 Мнгу намъ еднннй данъ для любви.

Разъ лишь весною розн албнотъ ;
 (Въ мнрѣ подлунномъ дологъ чей вѣкъ ?)
 Разъ и ланншы юностью рднншь ;
 Тбнн подобенъ здѣсь человекъ.

Тѣни подобна наша здѣсь младость;
Жизни блаженство, Нина, любовь!
Мигомъ приспѣетъ скучная спарость,
Въ жилахъ застынетъ хладная кровь.

Все невозвратно, Нина, промчися
Въ вѣчность на быспрыхъ Крона крылахъ!
Поздно жалбые въ сердце родится,
Поздно о красныхъ юности дняхъ!

Кострома.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

*Шиллеровы мысли о томъ, что низ-
ко и обыкновенно въ изящныхъ
искусствахъ.*

Называю *обыкновеннымъ* все то, что не приноситъ удовольствія душѣ, и дѣйствуетъ только на чувства. По сему опредѣленію есть множество вещей обыкновенныхъ по своей матеріи; но какъ искусство можетъ украсить матерію, давъ ей особенную форму: то въ изящныхъ искусствахъ рѣчь идетъ только о томъ, что

обыкновенно или *низко* въ отношеніи къ формѣ.

Обыкновенный умъ можетъ испорчить предметъ самый благородный; умъ возвышенный, напрошивъ того, умѣетъ облагородствовать предметъ самый обыкновенный, сдѣлавъ его привлекательнымъ для души нашей, и представивъ въ нѣкопоромъ блескѣ. Такъ испорикъ обыкновенный расскажетъ незначущія дѣла своего героя столько же подробно какъ и знаменитѣйшіе его подвиги; посвятитъ столько же страницъ его генеалогіи, костюму, домашней жизни, сколько его предпріятій и намѣреній; и наконецъ опишетъ великія вещи такъ, что мы будемъ искать ихъ величія. Напрошивъ того писатель съ обширнымъ умомъ и благородною душою заставитъ насъ принять участіе въ самыхъ малѣйшихъ дѣлахъ своего героя, во всѣхъ подробностяхъ его приватной жизни, и придастъ имъ цѣну необыкновенную. Фламандскіе и Голландскіе живописцы имѣютъ вкусъ обыкновенный. Вкусъ Испаліанской школы есть — благородный и великій. У Грековъ сей вкусъ былъ въ превосходной степени; они стремились всегда къ изящному, отвергали черны обыкновенныя и всегда избирали предметы благородныя.

Живописецъ поршрешный можетъ быть великимъ или обыкновеннымъ. Онъ будетъ *обыкновеннымъ*, если выразишь случайныя подробности также рачительно какъ и особенныя черпы своего подлинника; если изобразишь не великое, но мѣлое и недоспойное вниманія. Онъ будетъ *великимъ*, если умѣешь означить пѣ великія черпы, копорыя приносящъ испинную цѣну его подлиннику; если опдѣлишь случайныя подробности отъ подлинныхъ особенностей человекъ; если укажешь только на первыя, и со всѣмъ стараніемъ испиннаго дарованія изобразишь послѣднія; если не забудешь, что безъ души нѣтъ ничего великаго въ лицѣ, въ осанкѣ, въ пѣлдвиженіяхъ человѣческихъ.

Тотъ есть *обыкновенный* поетъ, кто описываетъ мѣлочи и не обращаетъ своего вниманія на важное; но тотъ великъ, кто возвышаетъ предметъ свой, и дѣлаетъ его пѣипическимъ. Работа и опдѣлка щипа есть самая обыкновенная вещь; но Ахиллесовъ щипъ, опработанный Вулканомъ, въ Иліадѣ имѣетъ величіе и благородство.

Степеню ниже обыкновеннаго находящся *низкое* или *подлое*, копорое опличаетъ ся отъ обыкновеннаго пѣмъ, что оно не

достоинствъ, какъ послѣднее, въ одномъ недостаткѣ вкуса и благородства: обыкновенное есть нѣчто *отрицательное*, а низкое, напротивъ того, нѣчто *положительное*. Низкое показываетъ грубость мыслей, чувства и нравовъ. Можно желать себѣ нѣхъ достоинствъ, въ которыхъ опущеніе составляетъ обыкновенное, а чего недостаетъ низкому, на что всякой можетъ имѣть требованіе. Такъ злопамятство и мстительность будутъ, во всѣхъ случаяхъ, обыкновенными спутниками; ибо онѣ предполагаютъ недостатокъ великодушія. Но есть и низкое мщеніе, которое себѣ въ удовлетвореніе употребляетъ способы презрительныя. Слово *низкое* всегда означаетъ нѣчто грубое, и только простому народу свойственное. Но человекъ высокой породы и хорошаго воспитанія можетъ быть обыкновеннымъ въ дѣлахъ, словахъ и мнѣніяхъ, если имѣетъ посредственные качества. Тотъ обыкновенный человекъ, кто дѣйствуетъ только для общественной пользы, и нѣмъ различенъ отъ великодушнаго человека, забывающаго себя для выгоды другихъ. Но человекъ обыкновенный сдѣлается низкимъ съ того часа, какъ онъ предпочтетъ пользу чести, безъ всякаго уваженія къ долгу добродѣтели и благоприспособленности. И такъ все обыкновенное противоположно благородному;

а низкое противоположно и благородному и благоприспособленному. Уступать всемъ спрашаньямъ своимъ, удовлетворять всѣ желанія, не смотря на препятствія, и не внимая законамъ чести или нравственности, есть доказательство и знакъ души низкой.

Поэты и художники могутъ также впасть въ низкое, избирая для себя предметы противные чести и благоприспособленности, или обрабатывая неблагородно какойнибудь другой предметъ; что случается всякой разъ, когда они выводятъ передъ глаза ту часть предмета, которая преобладаетъ; или представляють такія черты, которыя возбуждаютъ неблагородныя мысли. Въ жизни великихъ людей бывають низкія обстоятельства; но чистый вкусъ не позволяеть изображать ихъ.

Есть картины, на которыхъ представлены праведные и святыя съ такими лицами, какъ будто бы ихъ писали по образцу, взятому въ полъ подлой черни. Сія картина показываетъ низкой вкусъ, и мы заключаемъ изъ того справедливо, что живописецъ имѣлъ чувства грубыя и простонародныя.

Есть однакожъ случаи, гдѣ позволяется употреблять низкое въ искусствахъ, а

а именно когда хошимъ возбудишь смѣхъ. Человѣкъ, хорошо, воспитанный, можетъ иногда, не измѣняя чистоты вкуса, заниматься грубымъ, но забавнымъ представленіемъ природы, и сравненіемъ нравовъ проспаго народа съ нравами свѣтскихъ людей. Пьяный человекъ въ хорошемъ обществѣ не понравится никогда, какъ бы его искусно не представили; но пьяный почталіонъ, машросъ, извощикъ можетъ насъ занять приятно. Несносная шушка въ успахъ воспитаннаго человека кажется намъ забавною въ просполудимъ. Таковы многія сцены въ Аристофанѣ; но иногда сей комикъ переступаетъ за границы, и подвергается осужденію. По той же причинѣ забавляемся мы пародіями, гдѣ рѣчи, мысли и поступки площадныя даны тѣмъ лицамъ, коихъ эпическій или прагматическій поетъ заставлялъ говорить и дѣйствовать величаво.

И такъ, когда поетъ хочетъ насъ разсмѣшить, ему можно простишь низкое; но ему надобно осперегаться, чтобы не возбудишь въ насъ негодованія, или опущенія. Онъ возбуждаетъ негодованіе, когда приписываетъ низкия мысли или поступки тѣмъ людямъ, оныхъ коихъ ожидаемъ совсѣмъ другаго; ибо черезъ шо онъ оскорбляетъ наше нравственное чувство, и

сверхъ того нарушаешь истину. Если сѣ неприятное дѣйствіе не имѣешь мѣста, какъ выше сказано, ни въ *пародіи*, ни въ *фарсахъ*, по главная причина есть та, что въ сихъ родахъ сочиненія истина почищается безполезною; и нѣкоторымъ образомъ она исключена по тайному условію между сочинителемъ и зрителемъ. Никогда читатель не ожидаетъ въ пародіи Ореста или Дидоны найти истинную Дидону, или истиннаго Ореста. Сего рода спихопворцы уволены отъ подражанія истинѣ; и не лзя имъ опказать въ семъ преимуществѣ, если хотимъ, чтобы они смѣшили насъ; ибо комическое дѣйствіе есть только представленіе чудесъ сверхъ естественныхъ. А какъ опклонишься отъ истины, и въ то же время пребыть ей вѣрнымъ?

Въ прагическомъ родѣ есть также случаи, хотя очень рѣдкіе, гдѣ позволяется низкое. Но тогда надобно перелить его въ ужасное; надобно, чтобы минущное оскорбленіе, нанесенное нашему вкусу, скрадывалось подъ сильными движеніями чувствительности, и чтобы сѣ дѣйствіе разрушалось дѣйствіемъ прагической силы. Напримеръ, кража есть ничто совершенно низкое, такъ что вопреки всемъ извиненіямъ, приносимымъ иногда общошель-

ствами и сожалѣніемъ челоѣколюбїя, вѣчною
 пѣпно покрываетъ вора; и въ отношенїи къ
 искусству, кража есть и будетъ всегда пред-
 метомъ низкимъ. Въ этомъ случаѣ вкусъ
 безпощаднѣ морали, и судъ его есть гораздо
 строжайшїй; ибо искусство отвѣтствуетъ
 за всѣ принадлежащія идеи, производимыя э
 насъ изображенїемъ его предмета, тогда какъ
 мораль, въ своихъ рѣшенїяхъ, оставляетъ
 безъ замѣчанїя идеи отвратительныя и
 неприятныя. И такъ ворующїй челоѣкъ
 есть такое лицо, котораго искусство не
 позволяеть вводить въ важныя сочине-
 нїя. Но представь вора убійцею; сей
 характеръ, осуждаемый моралью, можетъ
 быть одобренъ вкусомъ и представленъ
 искусствомъ. Въ семъ отношенїи, и по-
 лно въ отношенїи къ одному искусству,
 челоѣкъ, унижившїй себя безнестїемъ,
 можетъ вывыситься преосупленїемъ, и
 обратитъ на себя вниманїе поэта и арти-
 ста. Сей различный судъ, въ отношенїи
 къ искусству и морали, достоинъ замѣча-
 нїя. Разсмотримъ причины сего различїя.

Во первыхъ; я замѣтилъ уже, что
 въ искусствахъ судъ нашъ, отъ изображе-
 нїя зависящїй, необходимо измѣняется
 окружными, такъ сказать, понїїями, про-
 будаемыми предметомъ. А если идеи
 низки, то и главный предметъ унижается.

Во вторыхъ: въ дѣлахъ, представляемыхъ искусствомъ, мы смотримъ на силу и разительность; а въ дѣйствительныхъ дѣлахъ человеческихъ, на справедливость или нравственность. Тотъ достоинъ презрѣнія, кто не имѣетъ душевной силы; и мы презираемъ малодушныхъ: всякая низость, всякая подлость возмущаетъ наше нравственное чувство. Если подлость обращается въ злодѣйство; если преступникъ обнаруживаетъ духъ смѣлой предприимчивости и душевной силы: то она радуется насъ нѣкоторымъ образомъ въ произведеніяхъ искусства. Кража показываетъ только подлость и низость; смертоубійство имѣетъ по крайней мѣрѣ наружный и обманчивый видъ душевной силы; особенное участіе, нами принятое въ произведеніяхъ искусства, размѣряется тогда по степенямъ и силѣ того преступления, которое намъ представляють.

Третье: когда идетъ дѣло о преступленіи, наше вниманіе обращается не столько на мерзость, сколько на слѣдствія сего преступленія; сильнѣйшимъ движеніемъ заглушаетъ ее другое гораздо слабѣйшее. Мы не заглядываемъ далеко въ душу преступника, но смотримъ ближе на судьбу его, на обстоятельство его преступления. Когда ужасъ овладеваетъ нами,

сомнѣнія чистаго вкуса умоляли. По ешой причинѣ воровство молодаго человека въ одной Ифландовой пьесѣ (*) не имѣетъ на сценѣ ничего прошивнаго вкусу, но имѣетъ много прагическаго. Поешь умѣль шакъ успроишь всѣ обстоятельство, что зритель не имѣетъ времени опдохнуть. Нищенское состояніе семейства молодаго человека, опчаяніе его отца и другіе подобныя предметы опвлекаютъ наше вниманіе опъ пресшупника, и обращаютъ его на судьбу, и побужденія сего пресшупника. Мы распроганы до того, что не размышляемъ о поспыдномъ дѣлѣ воровства. Однимъ словомъ, низкое переливается здѣсь въ ужасное.

Надобно еще опличать подлыя чувства опъ подлаго состоянія. Первое недостойно бытъ предметомъ изящнаго искусства; а другое не имѣетъ во многихъ случаяхъ ничего прошивнаго чистому вкусу. Рабство есть низкое состояніе; но однѣ рабскія чувства въ свободномъ человекѣ презрительны, тогда какъ рабство при благородныхъ чувствахъ не унижительно. Ешого не довольно. Низкое состояніе, соединенное съ высокою душою, можетъ имѣть величіе. Такое величіе оказалъ

(*) ВЪ *Ferbrechen aus Ehrsucht*.

Епикшешъ, когда господинъ его ударилъ. Низость и бѣдность могутъ также возвысить истинное благородство. Искусство можетъ смѣло представить въ рубищѣ своего героя, если видно душевное его величье.

Но что позволится поэту, то не всегда позволяется живописцу. Первый представляетъ сѣи предметы воображенію, а другой чувствамъ. И такъ не только картина производитъ впечатлѣніе сильнѣйшее нежели поема, но живописецъ не можетъ раскрыть передъ нами душу героя, подобно поэту; а въ предположенномъ здѣсь случаѣ, однѣ внутреннія качества могутъ примирить насъ съ наружностію презрительною. Когда Гомеръ представляетъ намъ Улисса въ нагошѣ нищаго, наше воображеніе дописываетъ картину; и никогда рубище его не произведетъ въ насъ непріятнаго чувства или опвращенія. Но онъ возбудился бы неминуемо въ душѣ нашей, если бы живописецъ или актеръ хотѣлъ вѣрно представить намъ Гомерова Улисса. Здѣсь сила впечатлѣнія зависитъ не отъ одного воображенія; мы принуждены видѣть, что показываетъ живописецъ; и нельзя намъ отклонить отъ себя вещей, которыя возбуждаютъ въ насъ его картина.

В. И.

Исследование о розѣ.

Цвѣтъ розы, которую древнѣе именовали *звѣздою цвѣтовъ*, имѣетъ такую красоту и такой приятный запахъ, что она служилъ всемирною эмблемою. Образъ сердечныхъ склонностей различныхъ и вещей совершенно противоположныхъ есть цвѣтущая роза: ею украшаютъ храмы рука благочестія; ее вплетаютъ въ паспущескіе вѣнки любовь и веселость; ее надъ могилою рассыпаешь печаль; для невинности и чистыхъ нравовъ раздають ее въ награду: цвѣтокъ единственнѣйшій по его блеску и виду, всѣми любимый, и какъ вѣжными, такъ и самыми горделивѣйшими душами себѣ присвоеннѣйшій; цвѣтокъ, на конецъ, столь свѣжій и яркій, что молодость смѣетъ только имъ украшаться, тогда какъ другой позднѣйшій возрастъ, неподвергаясь насмѣшкамъ, можетъ увѣнчать себя всѣми другими цвѣтами.

Роза, оскверненная баснословіемъ и языческимъ богослуженіемъ, имѣла нѣкогда благороднѣйшее назначеніе; храмъ истиннаго Бога украшался ею; и на главу первосвященника возлагали розы. Во многихъ религіяхъ сохранился сей древнѣйшій обрядъ; при торжественныхъ ходахъ рассыпають розы передъ святыми дарами.

Въ жизни святой Доротеи сказано, что Ангелъ поднесъ ей розы; по сему преданію живописцы представляющъ праведную Жену съ нѣсколькими въ рукѣ розами.

Въ Римѣ свящящъ розу въ день извѣстный подъ именемъ *dominica in Rosa*. Тамъ дѣлается золошая роза, или справедливѣе розовый кустъ золошой, кошорый, по шоржешвенномъ освященіи, опсылаещя Папою къ Государямъ. Иногда сими превеликолѣпными розами Папа даритъ Царей, посѣщающихъ Римъ: за шридцать лѣтъ передъ симъ, Государь, награжденный симъ великимъ подаркомъ, имѣлъ обязанность опдариць пяшью спами лундоровъ шого, кпо вручалъ ему розу опъ имени Папы. Роза, по своему вѣсу, шпоила вдвое болѣе.

Въ Индіи повѣшвуютъ, что Зороаштръ, въ присутствіи Дарія, шощчасъ произрашилъ пышный кипарисъ. Симъ чудопвореніемъ изумленный Дарій, шребовалъ новыхъ опышовъ чудопворной силы, и Зороаштръ, для исполненія его желанія, проиводилъ волшебныя заклинанія съ помощію розы и гранаца.

Когда древнїе предавались ванкическимъ забавамъ, они убирали себя розами;

но сей уборъ пропировѣчилъ ихъ намѣренію, или эмблемъ, представляя шавъ сказаць *наизворотъ*; ибо Миеологія произвела начало розы отъ самаго прагическаго случая и отъ крови Адониса. Гораздо припнѣ басня, что роза родилась отъ укулу богини любви; припна также и слѣдующая басня, изъ древнихъ авшоровъ почерпнушая, а ни въ одинъ Миеологическій Словарь не внесенная (*): Роданфа, Царица Коринеская, отъ роя гонящихся за нею любовниковъ бѣжишь и скрывается во храмъ Аполлона и Діаны; вокругъ храма обспугаешъ толпа ея любовниковъ; Роданфу вызываютъ: на ея голосъ стекаешъ многочисленный народъ, который до того плѣняется ея красопою, что разрушивъ изваянный образъ Діаны, объявляетъ царшвенную красавицу богиню храма; тогда Аполлонъ превращаешъ Роданфу въ розу.

Древніе авшоры повѣспвуютъ еще, что Амуръ на Олимпѣ среди рѣзвости, игры и пляски уронилъ махомъ крыла своего чашу съ нектаромъ, и что ароматическое и румяное пишіе боговъ, пролившись на

(*) Она взята изъ старинной поемы *Раликс* *О садахъ*, на Лашинскомъ языкѣ. Рапинъ выносилъ на поляхъ спраницъ имена авшоровъ, изъ которыхъ онъ излекъ сію басню.

бѣлыя розы, сообщило имъ шопъ запахъ и цвѣтъ, которые онѣ теперь имѣютъ.

Геснеръ сочинилъ *Првращеніе* розы довольно приятное.

Воашюръ, Французскій стихотворецъ, написалъ въ прозѣ скучное и холодное превращеніе розы; Госпожа Рекламъ, Нѣмка, сочинила прекрасное превращеніе того же цвѣшка.

Сафо сочинила оду на розу; Анакреонъ также.

Геродотъ говорилъ, что въ садахъ Мидія, сына Гордіева, были шестидесяти-лиственныя розы, которыя росли сами собою, и разливали чрезвычайное благоуханіе.

Извѣстный Сибаритъ, по имени *Сминдридъ*, не могъ заснуть опъ одного розоваго листочка; сей листочъ беспокоилъ его, когда лежалъ подъ нимъ на постели.

Маркѣ-Антоній, при смерти, молилъ Клеопатру курить ароматы надъ его могилою, и сыпать на нее розы.

Островъ Родосъ обязанъ своимъ именемъ великому множеству распускающихъ на немъ розъ.

По баснословному преданію, въ Индіи, *Пагода-Сира*, одна изъ жёнъ бога *Вилъсну*, была найдена въ розѣ.

Въ одномъ Рыцарскомъ романѣ сама Королева, послѣ ристалища, вручаетъ побѣдишелою проспую изъ розѣ шляпу, говоря: *это кладъ для влюбленныхъ*.

Въ *Амадисѣ*, въ семъ старинномъ романѣ, пѣвица *Орїана* неимѣя случая ни говорить съ любовникомъ, ни писать къ нему, бросаетъ къ нему съ вышины башни розу, ея слезами омоченную.

Въ Англіи, въ правленіе *Генриха VI*, въ 1453 году, былъ потомокъ *Едуарда III*, котораго колѣно почишалось ближе къ первоначальному Царскому роду, нежели колѣно царствующаго тогда дома. Сей Принцъ, *Герцогъ Йоркскій*, носилъ на гербѣ своемъ бѣлую розу; а *Король Генрихъ VI*, изъ *Ланкашперскаго* дому, имѣлъ на гербѣ алую розу. Въшъ происхожденіе сихъ великихъ именъ, извѣстныхъ по междоусобной войнѣ между обоими домами.

Есть въ Римѣ, въ церкви *Св. Сусанны*, древняя мозаика, на которой представленъ *Карлъ Великій* на колѣняхъ передъ *Святыхъ Петромъ*; *Карлъ* принимаетъ изъ рукъ его знамя, усѣянное розами.

Прежде во Франціи розы были въ такомъ уваженіи, что во многихъ мѣстахъ не позволяли разводиться сихъ цвѣткѣмъ.

Нѣкогда, вмѣсто скатерти накрывались столы розовыми листьями. Также въ парламентахъ въ торжественный день, называвшійся во Франціи *подборъ розъ*, раздавали ихъ великое количество.

Во Персіи, вмѣсто пробки запыкающа бутылки съ виномъ, когда ихъ ставяли на столъ, розой, или гвоздикой.

Марія Стюартъ, Шотландская Королева, такъ любила Французскаго стихотворца Ронсара, что прислала ему въ подарокъ великолѣпный серебряный кустъ съ розами, который стоилъ 2,000 червонцевъ, съ надписью:

à Rousard, l'Apollon de la source des Muses.

п. е.

Ронсару - Аполлону, богу источника Музъ.

Сей Поетъ написалъ на розу стихи очень пріянные, хотя онъ сочинилъ много стиховъ очень странныхъ.

Древле, при обрядѣ крещенія носили чаши или сосуды съ розовою водою. Вельмищелъ по етому случаю, что при ро-

жденіи упоминающаго Ронсара . кормилица передъ церковью уронила младенца на кучу цвѣшковъ, и отъ сего движенія та женщина, копорая несла чашу съ розовою водою, пролила, ее на поета новорожденнаго. Заключаящъ, говоритъ Бель, что сіе произшествіе предзнаменовало тогда рожденіе поэта, котораго стихотвореніямъ надлежало нѣкогда *благоухать въ міръ*.

Марія Медицисъ ненавидѣла розы и въ самой живописи; а Шевалье де Гизъ падалъ въ обморокъ, увидя розу. Такое чудное отвращеніе естъ конечно уродливость и гнѣвъ природы.

Древніе полагали, что жукъ имѣетъ антисипатию къ розамъ, и что запахъ сего цвѣшка наноситъ ему смерть; поному древніе, для изображенія чловѣка изнуреннаго сладострастіемъ, представляли его въ аллегорическомъ видѣ жука, издыхающаго между розами.

Въ самомъ дѣлѣ роза можетъ быть разительною эмблемою вреднаго злоупотребленія вещей самыхъ приятныхъ; ибо естъ многіе примѣры скоропостижной смерти, отъ того случившейся, что въ комнатахъ, гдѣ спалъ чловѣкъ, было много розъ или другихъ цвѣшковъ душистыхъ. Изъ истеснво

обращаешь во вредъ самыя безвинныя вещи. Пошому мудрый Арисшипъ, чувшвуя близко благоуханіе розы, воскликнулъ: *будь проклятъ тотъ женонравный сластолюбецъ, который подвергнулъ осужденію столь пріяпнбля наслажденія чувствъ!*

Въ Польшѣ укладывають розами гробъ младенца, и когда шло выносящъ на улицу, изъ оконъ сыплющъ множество розъ.

Въ Турціи вырѣзываютъ розу на гробницѣ юной дѣвы.

Въ Поашье, въ нѣкошоромъ Аббашспѣ, поставили надгробный памятникъ надъ могилою одного любезнаго юноши. Преданіе говоритъ, что на другой день его погребенія на самой могилѣ выросъ розовый кустъ съ благоухающими цвѣтами.

Сен-Медаръ въ 530 году опредѣлилъ вънчашъ розовою короною шу сельскую дѣвушку, которая была всѣхъ скромнѣе и добродѣтельнѣе. Трогательная награда, поднесенная благочестіемъ добродѣтели! Первая дѣвушка, увѣнчанная розами, была его сестра.

Въ исторіи Могола, сочиненной Взуишомъ Намру, написано, что Принцесса Нур-

магала наполнила розовою водою цѣлый каналъ, по которому напалась съ великимъ Моголомъ. Солнечная, теплота опдѣлила отъ розовой воды ея масляныя часпицы; онѣ всплыли на верхъ воды — и съ того времени сдѣлано опкрышїе *розовой эссенци*.

Слѣдующая черта о розовомъ листочкѣ достойна замѣчанїя: Абдулкадри, знаменитая у Турковъ особа, приближался къ Вавилону, съ намѣренїемъ поселиться въ семъ городѣ. Главные жиители не желали имѣть его въ спѣнахъ своего города; но уважая права госпепрїимспва, не смѣли опказать явнымъ образомъ; чптобы дать ему чувспвовать свое расположенїе, они выступили къ нему на вспрѣчу съ чашею полною воды, въ знакъ того что не лзя ничего прибавить въ чашу, не переполнивъ ее выше краевъ, и что равномерно въ ихъ городѣ, занятомъ поешами и учеными, нѣтъ для него мѣста. Абдулкадри разумѣлъ шаймый смыслъ гѣроглифскїй, вмѣсто опвѣта наклонился, поднялъ лежащїй на землѣ листочекъ розы, и осторожно положилъ его на воду въ чашѣ, показывая имъ черезъ то, что вода не переливается черезъ край отъ розоваго листочка, и что для него довольно есть мѣста. Сей опивѣтъ показался Вавилонянамъ такъ остроуменъ, что они сочли его

за великаго мужа, и съ шоржествомъ приняли въ городъ.

Бернарв сочинилъ на розу прекрасный романсв. Аббатав де ла Шасанв написалъ слвдующіе стихи:

Rosés, en qui je vois paraître
Un éclat si vif et si doux
Vous mourrez bientôt; mais peut-être.
Dois-je mourir plutôt que vous!
La mort que mon ame redoute,
Peut m'arriver incessamment.
Vous mourrez en un jouz sans doute,
Et moi peut-être en un moment!

У насв Богдановичв въ прекрасной Поэмв своей очень хорошо заставляетв розу блвднвшь передв Душенькою и лбызатъ ея ноги въ чертогахв Амура. Пьеса Дмипріева на розу; обвиняю польнню; заключаетв въ себв приятную и нравоучительную аллегорію.

Розы составляютв развязку Апулеевой сказки о Золотомв ослв.

Бомарв говоритв, что естъ въ Италіи голубыя розы, а въ окрестностяхв Турина розовые кусты безв колючихв иглв, на которыхв цвѣточныя блестящія имвють зеленныя крапинки.

Госпожа Жанлисъ, изъ которой мы перевели сію спашью, говоришъ, что она первая привезла изъ Англїи во Францію *лѣ- нислыя розы*; но что сіи величавыя цвѣ- ты разводяшся съ успѣхомъ только въ Гер- манїи, а особливо вокругъ Берлина.

Одинъ извѣстный охотникъ въ Па- рижѣ собралъ рѣдкіе ихъ виды: *розы съ голубыми листочками*, *розы съ на- лустылыми листочками*, *розы - звез- дики*, на которыхъ блеспочки вызубрены какъ у гвоздикъ, и множество другихъ.

Заключаемъ сію спашью неприяшными чертами. Магомешане вѣряшъ, что розы, какъ и пшено, родились отъ пошу ихъ пророка. Жиды, въ знакъ презрѣнїя, были обязаны нѣкогда во Франціи носить на гру- ди розу; а въ Германїи обезщеченная дѣву- шка принуждена была надѣвать, въ день свадьбы, розовый вѣнокъ на голову.

В. И.

Судъ о Вольперѣ.

Справедливые кришники замѣтили, что въ Вольперѣ были два человека: одинъ бо- гатый оспроумѣмъ, ввусомъ, ученоспїю,

а другой съ качествами прошивными. Едва ли гений Вольшера могъ равняться съ Расиновымъ; но разумъ его былъ разнообразнѣе, и воображеніе гибче. Къ сожалѣнію, мѣра нашихъ способностей и силъ не всегда соотвѣтствовала мѣрѣ исполненія и дѣламъ нашихъ. Если бы духъ Вольшера пылалъ любовію къ вѣрѣ, по изящному примѣру Расина; если бы онъ посвящалъ себя, подобно ему, спорогому изученію древности и священнаго писанія; если бы онъ не писалъ во всѣхъ родахъ и о всѣхъ предметахъ: то его поэзія имѣла бы несравненно болѣе силы, а проза его приобрѣла бы шу благоприспособность и шу важность, которыхъ нѣтъ въ его сочиненіяхъ. По несчастію, Вольшеръ провелъ жизнь свою въ кругу ревностныхъ почишателей, которые, осыпая похвалами его дарованія, не остерегали его отъ пороковъ. Въ обществѣ Паскаля, Арно, Николая, Боало, Расина онъ былъ бы принужденъ перемѣнить языкъ и тонъ: шамъ общее негодованіе осудило бы его дерзкія шушки прошивъ вѣры; шамъ не любили сочиненій невыработанныхъ и наскоро написанныхъ; шамъ, безпрестанно вычищая слогъ и мысли, авторы спыдились выдавать въ публику такую поему, которая бы не стоила по крайней мѣрѣ двѣнадцатилѣтняго неусыннаго шруда.

Не въ такой школѣ образовался духъ Дольпера. Сей двойкій духъ заспавляешъ ему удивляшся, и его ненавиждшъ. Онъ шворитъ и разрушаешъ; подаешъ примѣры и наспавленія однѣ другимѣ прошиворѣчащія; до небесъ возносишъ вѣкъ Людовика XVI, и въ то же время опровергаешъ славу великихъ мужей того столѣтїя; то хвадишъ, то осмѣиваешъ древнихъ; въ продолженїи шестидесяти Томовъ не пересташъ вооружаться странными угрозами, на христіанскую религію; а лучшія мѣста, лучшія красоты своихъ швореній почерпаешъ въ ученїи святой вѣры. Тотъ часъ послѣ его очаровательнаго воображенія, васъ пѣвнющаго, сыплюшся пущыя блески ложнаго умствования, которое разрушаешъ волшебство, опускаешъ духъ и ограничиваешъ зрѣніе. Кромѣ нѣкоторыхъ превосходныхъ швореній, онъ имѣешъ даръ повзывать только смѣшную спорную вещь и временъ, и не рѣдко представляшъ въ безобразно-веселомъ видѣ человека человека. Его легкошь пѣвнѣшъ и упоминаешъ васъ; вы любуетесь и скучаете; не лзя опредѣлишь его свойствъ и мыслей; онъ былъ бы совершенный бѣзумецъ, если бы не являлся въ немъ такой остроумный мудрецъ, и былъ бы злодѣемъ, если бы въ жизни его не оказывались многія черты благошворенія. Среди его богохуленій ви-

дно, что онъ ненавидѣлъ софистовъ. По его пламенной любви къ изящнымъ искусствамъ, къ словесности, къ наукамъ, ко всему великому, обнаруживающа въ немъ не рѣдко уваженіе къ Римскому двору. Одно самолюбіе побудило его принять на себя и во всю жизнь свою играть такую роль, для которой природа его не сошлорилла; душа его была гораздо выше сей низкой роли. Онъ неимѣлъ ничего общаго съ Дидеропами, Ренаями, Гелвеціями. Свѣпскость его, шонкость въ обращеніи, чистота вкуса въ общежитіи, а особливо духъ челоѵколюбія сдѣлали бы его безъ сомнѣнія врагомъ революціонныхъ мнѣній. Вездѣ примѣтна его склонность въ пользу гражданскаго порядка, хотя онъ самъ не подозреѵаетъ того, что изѵявляемое имъ безѵрѣе подсѵкаетъ столпы гражданскихъ обществъ. То истина несомнительная, что безѵрѣе не позволило ему достигнуть до высоты, на которую шаланшъ могъ возѵести его, и что его сочиненія (кромѣ мѣлкихъ стихотвореній) недостойны споль превосходнаго дарованія: примѣръ спрашный для того, кто идетъ спезею писателя. Вольперъ носился среди заблужденій и неравносшей слога, онъ того что неимѣлъ великаго перѵвса религіи; и доказалъ примѣромъ своимъ, что Музы любятъ не сполько бле-

спящее дарованіе, сколько здравые нравы
и благочестивыя мысли.

Шатобріанъ, В. И.

О Греческомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.

Греческой языкъ (*Ῥοιή ἑλληνική*), ко-
рой во времена глубокой древности господ-
ствовалъ не только собственно въ Греціи,
но въ большей части Малой Азіи, въ юж-
ной Италіи, въ Сициліи и въ другихъ мѣ-
стахъ, Греками заселенныхъ, подобно всѣмъ
прочимъ языкамъ имѣлъ разные нарѣчія
(*διλεκτοί*), раздѣлявшіяся на два главные,
а именно: на *Дорическое* (*ἢ δωρική, δωρῆς*)
и *Ионійское* (*ἢ ἰωνική, ἰωνῆς*), по двумъ гла-
внымъ племенамъ Греческаго народа.

Дорическое племя было многочислѣн-
нѣе, и имѣ наиболѣе заселены были мно-
гія страны вѣршнія; отъ того и нарѣчіе
Дорическое господствовало во всей Греціи,
въ Италіи и въ Сициліи. Оно было гру-
бо и необработано; но опрасль его, *Еолий-*
ское нарѣчіе (*ἢ αἰολική, αἰολῆς*), очень рано
начало процвѣтать въ поселеніяхъ Малой
Азіи и на островахъ соседственныхъ, *Лес-*
босъ и проч.

Ионійское племя съ древнѣйшихъ временъ обитало большею частію въ сѣверѣ, поелѣ названной Ашшиною, откуда оно посылало колоніи свои на берега Малой Азіи. А какъ сіи переселенцы образовались гораздо прежде кореннаго племени и даже прежде всѣхъ прочихъ Грековъ, то и нарѣчіе ихъ удержало при себѣ собственное названіе Ионійскаго, коренные же Ионійцы въ Ашшической обласи спали называпыся *Амтиками*, *Авиньянами*. Нарѣчіе Ионійское мягче всѣхъ, опъ частаго соединенія буквъ гласныхъ. Однакожь *Амтическое* нарѣчіе (*η ἄττικη, ἄττις*), которое послѣ уже обработалось, превзошло всѣ другія въ употребленности; ибо оно гибкостию своею предохранило себя опъ Дерической жесткости и опъ мягкости Ионійской (*). Хотя же Ашшическое племя одѣлалось чюслѣ главнымъ; не смѣшря на то, нарѣчіе Ионійское почипается было корнемъ Ашшическаго, поному чю оно образовалось гораздо ранѣе.

Другія опрасли сего нарѣчія, какъ то: Віопійское, Ланоническое, Θεοσαλί-

(*) Гибкость сія наиболѣе очевидна въ словосочиненіи, гдѣ Ашшическое нарѣчіе не только передъ всѣми Греческими, но даже передъ всѣми вообще языками имѣетъ преимущество по своей *краткости и точной выразительности*.

ское и проч. извѣстны только по иѣношорымъ словамъ и особеннымъ окончаніямъ словъ, находимымъ въ разныхъ оставшихся сочиненіяхъ.

Источникомъ всѣхъ нарѣчій предположишь надобно одинъ коренной древній языкъ Греческій; но точныя формы словъ его опыскивать можно не иначе какъ посредствомъ философическаго изслѣдованія, или лучше сказать посредствомъ догадокъ. Само собою разумѣется, что каждое нарѣчье удержало при себѣ болѣе или менѣе словъ сего древняго языка, и что въ одномъ нарѣчій остались такія слова, которыя въ другихъ мало по малу исчезли. Симъ только однимъ извѣстишь можно, и очень просто, ошъ чего Грамматики въ Іонійскомъ пѣнопѣвцѣ Гомерѣ находятъ Дорическія, Еолическія и даже Аппическія слова и окончанія. Надобно знать также, что формы словъ всегда или весьма часто находимыя въ одномъ нарѣчій, вообще называемы были его именемъ, хотя бы пѣже формы изрѣдка попадались и въ другихъ нарѣчійхъ. Такимъ образомъ понятно, ошъ чего доризмы встрѣчаются у Аппиковъ (*), и Аппическія формы въ другихъ нарѣчійхъ (**).

(*) На прим. дорической род. падежъ на «.

(**) На прим. такъ называемое Аппическое склоненіе на «.

Къ тому же древнему Греческому языку принадлежатъ и такъ называемыя *стихотворческія формы и вольности*. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ сподовишся образованнымъ не иначе какъ въ рукахъ стихотворца, то есть пѣишы дѣлаютъ языкъ благозвучнымъ, выразишельнымъ и богатымъ. Но стихотворецъ вводитъ новыя слова и перемены не самъ собою и не по своей только прихоти; ибо такимъ образомъ онъ ни кому бы не понравился. Такъ и первые пѣвцы Греческіе *выбирали* нужныя для себя слова изъ числа бывшихъ тогда *дѣйствительно* въ употребленіи. Послѣ многія изъ сихъ словъ и формъ устарѣли; несмотря на то, другіе стихотворцы позднѣйшіе, имѣя передъ глазами у себя своихъ предшественниковъ, нерассудили за благо лишаться приобретеннаго богатства. Такимъ образомъ у нихъ называлось уже *стихотворческими вольностями* то, что первоначально взято было изъ употребительнаго языка, и попомъ не безъ основательной причины причислено къ нарѣчіямъ (*).

(*) Не надобно представлять себѣ, будто всѣ слова, находимыя у древнихъ пѣишовъ, были употребительны и въ общежитіи. Если новѣйшимъ стихотворцамъ дозволено составлять новыя слова, то древнѣйшіе имѣли на то еще болѣе права по бѣдности

У каждаго народа просвѣщеннаго одно изъ нарѣчій служишъ основаніемъ общаго языка письменнаго и упошребляемаго въ разговорѣ людьми хорошаго общества. У Грецовъ было иначе. Просвѣщеніе заспало ихъ, когда они раздѣлены были на разныя политическія общества по мѣстному положенію и другимъ причинамъ. До временъ Александра Македонскаго, каждой писалъ и спихонворспивовалъ на своемъ природномъ нарѣчій, или на шомъ, кошорое болѣе другихъ ему нравилось (*); ошъ шого появи-

языка. Разница шолько, что новой пишѣ не самъ шворитъ матерію и форму слова, но шо и другое замѣстивуетъ изъ гомоваго запаса и соображается съ аналогію. Разумѣется также, что онъ упошребительныя въ общежитіи формы иногда еспорожно смягчаешъ, принуждаемый къ шому благозвучіемъ спиха и мѣрою.

(*) Отсюда выключаются однакожъ произведенія словесности, всеобщее вниманіе на себя обращающія, каковы на примѣрѣ эпическія и драматическія поемы. Первые шворцы ихъ конечно сочишяли на природномъ своемъ нарѣчій; но подражатъ имъ на другихъ нарѣчійхъ было бы вовсе бесполезно (не говорю уже о пошребномъ къ шому творческомъ дарованіи), ибо Греки вообще всѣхъ племенъ приучили уже слухъ свой къ *известнымъ* тонамъ въ *известномъ* родѣ сочиненій, шакъ что нарѣчіе и родъ сочиненій были для нихъ нераздѣльны. Нарѣчіе, им кошо-

лись пѣицы и прозаики Іонійскіе (*), Дорическіе (**), Еолійскіе (***) и Ашшическіе, отъ которыхъ и до насъ дошли разныя сочиненія.

Между пѣмѣ Авинская республика вознеслась до такой вышины полишической, что наконецъ присвоивала себѣ и въношорое

ромъ написано было какое-либо славное швореніе въ своемъ родѣ, навсегда уже оставалось собственно ему принадлежащимъ.

(*) Къ *Іонійскому* нарѣчію принадлежатъ древнѣйшіе пѣицы, какъ то *Гомеръ*, *Гезіодъ*, *Феогнисъ* и проч. Языкъ ихъ есть смѣшанный, ближайшій къ первобытному, и содѣлавшійся потомъ особливимъ стихотворческимъ языкомъ для многихъ родовъ сочиненій. Собственно же Іонійское нарѣчіе, младшее перваго, сохранилось въ прозаикахъ, между коими знаменитѣйшіе суть *Геродотъ* и *Гиппократъ*, хотя оба они были Дорійцы по происхожденію. Іонійское нарѣчіе по мягкости своей и раннимъ успѣхамъ въ образованности сдѣлалось тогда почти общимъ, особливо же въ Малой Азіи.

(**) Отъ *Дорической* прозы осталось нѣсколько сочиненій, болѣе математическаго и философическаго содержанія; а изъ стихотворцовъ того времени главнѣйшій есть Пиндаръ.

(***) Отъ *Еолійскаго* нарѣчія сохранилось очень мало лирическихъ отрывковъ. Важнѣйшіе изъ нихъ суть стихи *Сафы* и *Алцелъ*.

господство надъ всѣми Греческими областями; въ то же самое время Аѳины содѣлались средоточіемъ наукъ и образованности. Греки всѣхъ племенъ спекались шуда учиться; и произведенія Аѳинской словесности были вездѣ читаемы (*). Изъ того произошло, что Аѳинское нарѣчіе, которому уже принадлежало первенство передъ всѣми другими; скоро послѣ того, когда вся Греція составила полипическое единство подъ Македонскимъ владычествомъ, сдѣлалось придворнымъ и общимъ *книжнымъ языкомъ*; на немъ писали уже поэты всѣхъ Греческихъ племенъ и областей, почти безъ исключенія. Сему языку учили въ школахъ; грамматики и ученые люди судили по образцовымъ сочиненіямъ, что написано *чисто аѳински*; и что написавъ. Главнымъ мѣстомъ позднѣйшей учености Греческой при Птолемахъ была Александрія въ Египтѣ.

Но съ распространеніемъ Аѳинскаго языка началась и поспешенная порча оного; ибо писатели иногда примѣшивали къ нему слова отечественнаго своего нарѣчія, иногда вмѣсто неправильнаго, но свойст-

(*) Превосходнѣйшіе писатели въ прозѣ золотого вѣка Аѳинской словесности суть: *Сократъ, Ксенофонъ, Платонъ, Исократъ, Демосвенъ* и прочіе ишіи.

веннаго Аѳинянамъ выраженія, спавили правильное, или вмѣсто проспаго, изв упопробленія вышедшаго слова вводили въ языкъ производное тогда упопробляемое (*) Грамматикн старались, и часто съ излишнимъ педантическимъ усердіемъ, воспрепятствовашъ сей порчѣ; въ учебныхъ книгахъ своихъ, вмѣсто порицаемыхъ или по крайней мѣрѣ не такъ хорошихъ выраженій, совѣщовали они спавить другія, извлекаемыя изъ старыхъ Аѳинскихъ писателей. Такимъ образомъ оспало въ упопробленіи Аѳинское нарѣчіе, основанное на примѣрахъ писателей древнихъ классическихъ; но изъ сего нарѣчія произшелъ уже новой языкъ, всѣми образованными людьми упопробляемый, которой назывался *общимъ* (*κοινῆ*), или *Еллинскимъ* (*ἑλληνικῆ*); самые даже писатели позднѣйшихъ временъ (**), извѣстны были подѣ

(*) Наприм. *ἡχώδαι* вмѣсто *ἡἰ* слышь.

(**) Поелику рядъ сихъ писателей начинается отъ перваго не-Аѳинянина, сочинявшаго на Аѳинскомъ нарѣчіи, и поелику къ нему же принадлежатъ позднѣйшіе авторы, природные Аѳиняне; то сюда причислять должно *Аристотеля*, *Теофраста*, *Аполлодора*, *Полубія*, *Плутарха* и другихъ послѣ процвѣтавшихъ; но между ними были такіе, которые старались присвоить себѣ чистое Аѳинское нарѣчіе, на примѣрѣ *Лукиана*, *Елиана* и *Арриана*.

именемъ *общихъ* (*οἱ κοινῶι*) или *Эллиновъ* (*οἱ Ἕλληνες*), въ противоположность настоящимъ Ашшикамъ. Надобно впрочемъ замѣшить, что подъ симъ *общимъ* языкомъ не разумѣется какое-либо особое нарѣчье, ибо грамматическія правила его сообразны были съ правилами нарѣчья Ашшическаго, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ и уклонялся отъ чистоты сего послѣдняго.

И такъ нарѣчье Ашшическое сдѣлалось всеобщимъ. Нельзя однакожъ сказать того объ его поэзіи; ибо Ашшики почивались образцами только въ *драматическомъ* родѣ. Поелику драматическая поэзія, и въ самыхъ даже трагедіяхъ, говоришь не иначе какъ нарѣчьемъ употребляемымъ въ обществѣ; по и на Аѣинскомъ театрѣ естественное господствовало тамошнее нарѣчье, которое принято было и всеми прочими Греками. При томъ же драматическіе пѣишы мало употребляли стихотворческихъ вольностей языка (*).

Въ другихъ родахъ стихотворства, а особливо въ эпическомъ, дидактическомъ и елегическомъ, навсегда оставались об-

(*) По сей части сохранились только творенія настоящихъ древнихъ Ашшиковъ: трагедіи *Есхила*, *Софокла* и *Еврипида*, и комедіи *Аристофана*.

разцами Гомеръ и прочіе древніе пѣишы Іонійскіе; ихъ читали въ школахъ, и съ ними сохранился языкъ *Гомерово-Іоническій*, который, подобно какъ Аншическое нарѣчіе для прозы, содѣлался господствующимъ или общимъ языкомъ для стихотворцовъ Александрійскихъ, и позднѣйшихъ (*). Его могли разумѣть только ученые люди, заблаговременно приготовавшие себя наслаждаться красотами поэзіи.

Однакожь и въ позднѣйшія времена *Дорическое* нарѣчіе имѣло участіе въ стихотворствѣ. Оно присвоило себѣ мѣлкія сочиненія, и особливо въ родахъ сельскомъ и шупливомъ, опчаспи пошому что основались примѣры древнихъ пѣшовъ, а опчаспи что упомянутымъ родамъ сочиненій приличенъ языкъ поселянъ и проселюдиновъ, и сіе нарѣчіе, по многочисленности Дорическаго племени, разбѣяннаго на великомъ пространствѣ, было почти всеобщимъ (**).

(*) *Аполлонія, Каллимаха, Арата, Ованіана* и проч.

(**) Дорическимъ нарѣчіемъ стихотворствовали *Теокритъ, Мосхъ и Вѣонъ*, хотя новѣйшій слогъ ихъ во многомъ несходенъ съ Пиндаровымъ. Древнія *эпиграммы*, или надписи, сочиняемы были иногда на Іоническомъ нарѣчьи, а иногда на Дорическомъ.

Еще надобно замѣтить, что языкъ, употребляемый въ поржесивенной поэзіи *хоровъ*, называется вообще *Дорическимъ*; но все его опличіе состоишь въ выговорѣ *α* вмѣсто *η*, удержанномъ въ пѣсняхъ опъ сшариннаго языка для большей важности; а сей выговоръ былъ нѣкогда въ употребленіи у *Дорійцевъ*. В.

Ш. К Р И Т И К А.

Плутарховъ сравнительныя жизнеисписанія славныхъ мужей (*).

Чтеніе древнихъ писателей необходимо нужно для всякаго благовоспитаннаго человека. Ученые и пишерапоры могутъ удовлетворить своему любопытству, прибѣгая въ самымъ подлинникамъ или въ чужестраннымъ книгамъ; но вообще для публики пошребны хорошіе переводы на

(*) Переводъ съ Греческаго. Въ С. Петербургѣ, въ тип. Шнора 1810. Томъ I на 432 стран. и II на 320 страницахъ, въ 8 долю листа.

общечественномъ языкѣ. Чѣмъ болѣе выходишь въ свѣтъ такихъ переводовъ; тѣмъ болѣе доказываются и благонамѣренность писателей и расположеніе публики къ содѣйствію успѣхамъ здоровой словесности. Творенія древнихъ пребудущъ источникомъ всѣхъ познаній человѣческихъ; пребудущъ навсегда, или по крайней мѣрѣ дошолъ, пока неугаснешъ послѣдній лучъ нынѣшняго просвѣщенія на земномъ шарѣ, и пока люди не увидяшь себя въ необходимости вновь изобрѣтать искусства и составлять науки. И такъ всякой любитель здоровой словесности, посвящающій время свое на переложеніе древнихъ сочиненій и слѣдственно распространяющій истинно полезныя свѣдѣнія между своими согражданами, имѣетъ справедливое право на уваженіе чистописателей. Почтенныхъ трудовъ его не должно ставить на ряду съ нѣкошорыми упражненіями другаго рода, предпринимаемыми по различнымъ побужденіямъ, иногда невиннымъ, но большею частію недостоинимъ уваженія.

Плушархъ родился въ Херонѣ, Восточномъ городѣ, прославленномъ въ исторіи несчастнымъ сраженіемъ, на которомъ властолюбивый Филиппъ рѣшилъ судьбу Эллады, и которое поработило свободныхъ Грековъ Македонскому владычеству. Не лѣтъ

ничего почнаго сказаць о времени рожденія и кончины сего знаменишаго философа; но извѣстно, что онъ процвѣталъ при Императорѣ Траянѣ въ концѣ перваго столѣтїя по Р. Х. Онъ былъ счастливымъ супругомъ и опцемъ семейства. Послѣднїе годы жизни провелъ онъ въ опечесшвенномъ городѣ, всѣми любимый и оплично почитаемый за мудрость свою и душевныя качества. Лучшїе граждане часно собирались слушать полезныя его бесѣды. Уваженіе въ нему было споль велико, что Руспикъ, знашый Римлянинъ, получивши письмо отъ Императора, тогда уже началъ чинать его, когда Плупархъ окончилъ свое наспавленіе. Самъ Императоръ Траянъ, въ знакъ душевнаго почтенія къ Плупарху, облекъ его въ достоинство Консула и повелѣлъ начальникамъ Иллирійской провинціи ничего недѣлать, не испросивъ у него мнѣнїя и совѣта. Нѣкоторые полагають, что Плупархъ былъ наспавникомъ и Адриана, Траянова преемника. Достошно примѣчанїя, что мудрецу сему воздавали споль опличное уваженіе въ то время, когда празднующїеся Греческіе философы были у всѣхъ благомыслящихъ Римлянъ въ общемъ презрѣнїи, и когда ихъ иначе не называли какъ *болтливельми гречонками* (graeculi loquaces). Они, какъ до сего времени у насъ Фран-

цузы, впершись въ богатой домъ, подъ предлогомъ воспанія дѣшей, сшарались овладѣшь хозяйномъ и хозяйкою, угождали имъ ласкашельствомъ и болшаньемъ, опправляли должности шуповъ, надзирашелей, собесѣдниковъ, повѣренныхъ.

Плушархъ былъ ученикомъ славнаго въ его время Аммонія. Польза, извлеченная имъ изъ наспавленій своего учителя, ничего незначитъ въ сравненіи съ шюю, которую приобрѣлъ онъ собственнымъ своимъ спараніемъ. Чшобы удостовѣриться въ шомъ, надобно заглянуть въ его сочиненія; какое множество разсыпано въ нихъ свидѣтельствъ и примѣровъ, почерпнутыхъ изъ древнѣйшихъ писашелей въ сшихъ и прозѣ! Обширныя свѣдѣнія приобрѣтающа единашвенно прилѣжнымъ и часнымъ чшеніемъ; но Плушархъ умѣлъ еще сверхъ шого употреблять съ пользою свои свѣдѣнія, и шѣмъ-шо онъ сшяжалъ безмершѣ своему имени. Пчелы и осы равно извлекаютъ сокъ изъ цвѣшовъ душистыхъ; но только пчелы умѣютъ сосшавлять изъ него сладкія сошы.

Сочиненія Плушарховы, до насъ дошедшія, раздѣляются на двѣ разныя части: въ первой опнесши должно *Сравнительнаго жизнеописанія*, которыхъ счи-

нается сорокъ восемь; ко второму же прочя, извѣстные подъ общимъ названіемъ *Нравоучительныхъ*, хотя въ нихъ содержишя много филологическихъ, физическихъ, историческихъ и другихъ матерій.

Вотъ что пишетъ Лагарпъ о Плутархѣ (*): „Изъ всѣхъ біографовъ на свѣтѣ болѣе читаются и болѣе всѣхъ достоинъ чтенія — Плутархъ. Уже и самой планъ его *Сравнительныхъ жизнеописаній* есть изображеніе великаго ума относительно исторіи и нравственности — планъ, гдѣ представляются по два славныхъ мужа изъ двухъ народовъ, Римскаго и Греческаго, произведшихъ наиболѣе образцовъ въ мѣрѣ. Но за то уже нигдѣ исторія столько не нравоучительна какъ въ Плутархѣ. Если замѣненъ въ повѣствованіи его якопорой недостаткомъ ясности и совершеннаго порядка; то надобно тотчасъ вспомнить, что сочинитель предполагаетъ въ читателѣ своемъ предварительное знаніе всеобщей исторіи. Онъ занимается болѣе человекомъ нежели вещами; главной предметъ его есть человекъ, всего жизнь онъ описываетъ, и въ ея отношеніи онъ исполняетъ дѣло свое съ

(*) *Lucas. T. VI. Paris 1800 in 12. pag 395.*

возможнѣйшимъ успѣхомъ, не собирая множества подробностей, какъ Свепоній, но выбирая черпы главные. А *сравненія*, копорыя суть слѣдствія оныхъ — ешо совершенныя спашы въ своемъ родѣ: въ нихъ по наиболѣе видно высокое достоинство Плущарха и какъ писателя и какъ философа. Никто, никто изъ смертныхъ немѣлъ болѣе права держать въ рукѣ своей вѣсы, на копорыхъ вѣчная правда взвѣшиваетъ людей и опредѣляетъ имъ истинную цѣну. Никто болѣе не осперегся ошъ блестящихъ и ослѣпительныхъ соблазновъ, никто лучше не умѣлъ ловить полезное и выславлять его достоинство. Онъ разбираетъ и оцѣниваетъ все; сравниваетъ героя съ нимъ же самымъ, дѣйствія съ побудишельными причинами, успѣхи съ средствами, ошибки съ извиненіями; правда, добродѣтель, любовь въ добру всегда имѣють вліяніе на его рѣшительной приговоръ, копорой произносятся имъ всегда скромно и съ важностію. Его разсужденія суть истинное сокровище мудрости и здравой полишки; въ нихъ содержится наилучшія наставленія для шѣхъ, кои хотятъ жизнь свою, общеспвенную и даже домашнюю, расположить по правиламъ честности.“ Довольно изъ сего автора, хотя онъ симъ не оначиваетъ мѣрѣя своего о Плущархѣ.

Раскроемъ Блерову Рипорику (*). „Плу-
тархъ отличился въ семъ родѣ сочиненій;
ему большею частію мы обязаны всѣмъ
пѣмъ; что знаемъ о славнѣйшихъ мужахъ
древности. Достоинство его состоитъ од-
накожь болѣе въ полезности его насшавле-
ній, нежели въ способѣ предлагать оныя;
ибо въ слогъ его совсѣмъ нѣтъ изящесва.
Иногда обвиняющъ его въ недоспаши раз-
судительности и шочности. Какъ бы то
ни было, но его *Сравнительныя жизне-*
описанія славныхъ мужей останушя
навсегда драгоценнымъ запасомъ насшавле-
ній полезныхъ. Изъ древнихъ сочините-
лей мало есть равныхъ Плутарху въ чело-
вѣколюбіи и чувствительности. Неослѣп-
ляясь, подобно многимъ другимъ, ни по-
двигами храбросши, ни честолюбіемъ, онъ
наблюдаетъ дѣянія героевъ своихъ въ част-
ной жизни ихъ и въ уединеніи.“

Можно еще прибавить къ тому мнѣ-
ніе Доктора Корая, почтеннаго издашеля
Плутарховыхъ *жизнеописаній* на Гречес-
комъ языкѣ (**). Онъ говоритъ, что слогъ
Плутарха неправиленъ и періоды некраси-

(*) Traduct. Fran. par Cantwell. XXIX. leçon.

(**) Онъ составляютъ III, IV и V Тома *Ел-
линской Библиотеки*, печатаемой въ Пари-
жѣ на иждивеніи Господъ *Зосимъ*. Въ слѣ-
дующихъ Томахъ будетъ продолженіе. М.

вы по двумъ причинамъ: во первыхъ ошго, что Херонейскій мудрецъ писалъ въ шакое время, когда уже ошцвѣлъ языкъ Греческій; во вторыхъ, что Плутархъ не могъ сохранить однообразія въ сло- гѣ своемъ, будучи наполненъ множествомъ мыслей и выраженій, почерпнутыхъ имъ изъ разныхъ сочиненій спихошворныхъ и прозаическихъ. Не смотря на шо, про- должаешъ Юрай, слогъ Плутарховъ очаро- вываетъ ухо читателя, а особливо тамъ, гдѣ авторъ живописуетъ яркими красками изящество добродѣтели и безобразіе порока.

Въ двухъ изданныхъ Томахъ на Рос- сійскомъ языкѣ помѣщены описанія жизни *Агезилла* и *Помпея*, *Аливиада* и *Ко- риолана*, *Кимона* и *Лукулла*, *Аристи- да* и *Катона Цензора*; за каждою парю лицъ слѣдуетъ сравненіе ихъ душевныхъ качествъ, подвѣшыхъ шудовъ, успѣховъ, заслугъ и разныхъ обстоятельствъ жизни ихъ, какъ общественной такъ и частной. Въ извѣстныхъ изданіяхъ на Греческомъ языкѣ наблюденъ хронологической порядокъ, и лица расположены, смотря по ихъ стар- шинству и древности; на примѣръ сперва *Фезей* и *Ромуль*, потомъ *Ликуръ* и *Ну- ма*, *Солонъ* и *Публикола*, и такъ далѣе. Напрасно господинъ Переводчикъ не держалъ шакого же порядка, необходимо нужнаго,

попому что Плушархъ въ послѣдующихъ жизнеописаніяхъ иногда ссылаешся на обшпояшельства, о которыхъ говорено уже было въ жизнеописаніяхъ предыдущихъ.

Передъ заглавнымъ листкомъ находишся аллегорическая картинка, изображающая Плушарха, описывающаго дѣянія мужей славныхъ. Къ началу книги приложенъ портретъ сего знаменитаго сочинителя; сверхъ того г. Переводчикъ за благо рассудилъ помѣстить при жизнеописаніяхъ героевъ нѣсколько грудныхъ изображеній съ ихъ лицами. Я не знаю, къ чему онъ служитъ. Докторъ Корай къ богатому и прекрасному своему изданію жизнеописаній Плушарха не приложилъ сочинителя портрета, попому что, какъ самъ съ прискорбіемъ извѣсняется въ своемъ предувѣдомленіи, нигдѣ не могъ найти его. Онъ увѣренъ, что Римляне почтили извѣщеніемъ память сего знаменитаго мужа, но что оно истреблено всепомянутымъ временемъ, или можетъ быть гдѣ нибудь скрывается въ подземельяхъ Греціи и Италіи. Желая по возможности вознаградить сей недоспашокъ, онъ поставилъ на заглавномъ листѣ имя Плушарха, окруженное змѣемъ, символомъ вѣчности, и украсилъ его спихотворною надписью Агагія. Къ описаніямъ жизни славныхъ

мужей приложилъ онъ искусно выгравированные почные рисунки съ древнихъ изваяній, или съ медалей, хранящихся въ разныхъ музеяхъ, на примѣръ Вашиканскомъ, Флорентинскомъ, таже называемомъ Наполеоновомъ и проч. Такое распоряженіе г-на Норае доставляетъ сугубую выгоду просвѣщеннымъ читателямъ: во первыхъ оно приноситъ имъ удовольствіе чистою ошдѣлани, во вторыхъ знакомитъ ихъ съ оставшимися памятниками древности. Русской же Переводчикъ украсилъ свое изданіе весьма обыкновенными карпинками, подобными шѣмъ, какія часто прилагаются при пошлыхъ романахъ безъ всякой полезной цѣли.

Любопытныя ищущіе основательныхъ познаній читатели покупающъ хорошія книги для того чтобъ ими пользоваться, беречь ихъ въ своихъ библіотекахъ, справляющъ и вновь перечитывать. Плутарховы сочиненія точно принадлежатъ къ сему разряду книгъ, которыя должны быть издаваемы со всевозможнымъ тщаніемъ. Издатель обязанъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ читателей вразсужденіи своего автора. Для чего при Русскомъ переводѣ и шѣ ни предувѣдомленія, ни весьма нужныхъ примѣчаній; ничего не сказано о самомъ Плутархѣ, о достоинствѣ его сочиненій,

о разныхъ его изданіяхъ, и о томъ, на какое изданіе болѣе полагался господинъ Переводчикъ? Опять скажу, что книги сего рода, составляющія капиталъ хорошей библіотеки, пребудутъ всевозможной тщательности; а г-нъ Переводчикъ, въ своихъ дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ, извѣстныхъ рецензенту, имѣлъ всѣ нужныя пособія къ удовлетворенію съ сей стороны своихъ читателей. Жаль впрочемъ, что онъ не могъ пользоваться ниже первымъ Томомъ Кораева изданія, которой только въ 1809 году вышелъ изъ печати въ Парижѣ.

Русской переводчикъ г. Дестунисъ (онъ назвалъ себя въ посвященіи книги ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ) хорошо понимаетъ своего автора; если же не вездѣ съ надлежащею правильностію выражается, то это происходитъ отъ недавняго пребыванія его въ Россіи. За то есть мѣста, отличныя по красотѣ своей и выразительности, кои сдѣлали бы честь и природному Россіянину. Жаль, что оба Тома его наполнены типографическими ошибками, отъ которыхъ всячески предостеречься надлежало бы въ такой книгѣ, какова Плущарховы *Жизнеописанія*.

Упомянутая выше неправильность слова въ Русскомъ переводѣ, состоитъ частію

въ грамматическихъ погрѣшностяхъ, а ча-
стїю въ несвойственномъ употребленїи
словъ; на примѣрѣ Т. I спран. 9: „Гомеръ,
„какъ многіе думаютъ, не предсказалъ
„бы Агамемнона веселящимся *тому*, что
„Улиссъ и Ахиллесъ поносили другъ друга
„въ *самыхъ* непристойныхъ словахъ.“
Спран. 10: „Во *снѣ* приснилось ему . . .“
Спран. 16: „Но вскорѣ полагаясь на свою
„силу онъ (Персидскій Царь) началъ вой-
„ну, и Агезилай *принялъ* оную съ удо-
„вольствїемъ; ибо онъ ожидалъ *нѣчто* ве-
„ликое отъ сего похода . . .“ Спран. 67:
„. . . Говорящъ, что нѣкопорый Аѳинянинъ
„спорилъ съ Анпалкидомъ Лакедемоняни-
„номъ о храбрости двухъ народовъ, и ска-
„залъ ему: мы много разъ прогоняли васъ
„изъ Кифиса. Анпалкидъ отвѣчалъ: а
„мы никогда не прогоняли васъ изъ Эро-
„паса.“ Кифисъ и Европаса не города, но
рѣки; надлежало бы сказать: отъ Кифиса,
отъ Европаса. Т. II спран. 250: „Онъ
„(Капонъ Цензоръ) говорилъ, что нико-
„гда не носилъ плащя дороже ста драхмъ,
„и что въ то время когда предводилъ
„сповалъ войсками и былъ Консуломъ,
„пилъ того самаго вина, какого пили его
„рабоники.“ Спран. 256: „Я не понимаю,
„по какой причинѣ нѣкопорые уподобля-
„ютъ краснорѣчіе Капоново съ Лизіевымъ.“
Спран. 262: „Онъ признавался при томъ,

„что при́ раза въ жизнь свою имѣлъ слу-
 „чай рассвѣиваться: *за то*, что повѣ-
 „рилъ шайну женѣ своей; *за то* что въ-
 „дидъ моремъ *тамъ*, гдѣ можно было
 „пройти сухимъ путемъ — и *за то*,
 „что провелъ одинъ день безъ дѣла.“ И
 проч.

Но выпишемъ безъ всякихъ замѣчаній
 какое нибудь цѣлое мѣсто, по которому
 свѣдущіе читатели сами пусть судятъ о
 слогѣ переводчика. Вотъ какъ, на примѣръ,
 описываетъ Плутархъ гордыню Армен-
 ского Царя Тиграна, весьма похожую на
 сашанинское высокомеріе нынѣ бѣснующа-
 гося Корсиканца. Т. II стран. 100: „Гор-
 „дость Тигранова содѣлалась безмѣрна и
 „чрезвычайна отъ великаго щасіи. Онъ
 „думалъ, что все по чегу люди жела-
 „ютъ и уважаютъ не только принадле-
 „жало ему, но и произведено для него.
 „Имѣвъ начало маловажное и незначищее,
 „въ послѣдствіи онъ покорилъ многіе на-
 „роды и усмирилъ Парянъ болѣе всѣхъ.
 „Месопотамію наполнилъ Греями, пере-
 „селяя туда насильственнымъ многихъ изъ
 „Киликіи и Каппадокіи; преобразилъ нра-
 „вы Аравитянъ, именуемыхъ Сминитами,
 „и. е. живущими въ шахрахъ, и пересе-
 „ливъ ихъ, основалъ ихъ жилища въ не-
 „далнемъ отъ себя разстояніи для поль-

„вы порговли. Около него было много Ца-
 „рей, прислуживающихъ ему; четверо
 „изъ нихъ въ особенноти были три немъ,
 „какъ слуги или стражи, и бѣгали за
 „нимъ въ коронникъ плащяхъ, когда онъ
 „бздилъ верхомъ; когда же сидѣлъ и за-
 „нимался дѣлами, то спояли вокругъ него,
 „сложивъ руки. Таковое положеніе болѣе
 „всякаго другаго, извѣвляло признаніе въ
 „своемъ рабствѣ, какъ бы кто отказыва-
 „вался отъ своей волности и предаешь
 „господину свое шѣло въ гоповности болѣе
 „сносишь и перпѣшь, нежели дѣйствовашь.
 „Апцій (присланный отъ Лукулла) ни мало
 „не успрашилъ и не былъ изумленъ си-
 „ми прагическими предспавденіями; при
 „первомъ свиданіи смѣло сказалъ Тиграну,
 „что онъ прибылъ для того, чтобы
 „взять съ собою Мишридаша, должника
 „Лукуловымъ шріумфамъ, или объявишь
 „Тиграну войну. Тигранъ, хотя и прину-
 „ждалъ себя слушать его слова съ весе-
 „лымъ лицомъ и прищворною улыбкою, но
 „не могъ сокрыть отъ другихъ перемены
 „въ немъ происходившей отъ смѣлыхъ
 „словъ юноши. Въ первой разъ, послѣ
 „двадцати пяти лѣтъ, онъ слышалъ рѣчи
 „опшажныхъ и свободныхъ; ибо поименно чи-
 „сло лѣтъ онъ царствовалъ, или, лучше
 „сказать, угнѣшалъ народы своею надмен-
 „носцію. Онъ опвѣчалъ, что не пре-

„дасть Мишридапа, и что будетъ защи-
 „щасься прошивъ Римлянъ, начинающихъ
 „войну. Негодуя на Лукулла, кошорый въ
 „письмѣ своемъ назвалъ его просто Ца-
 „ремъ, а не Царемъ Царей, въ опвѣщъ
 „своемъ на оное не назвалъ его Импера-
 „шоромъ.“

А вопѣ еще описаніе происшествій,
 очень похожихъ на случившіяся минувшею
 зимою внутри Россіи. Герой нашего вѣка,
 кошорой прилѣжно читалъ исторію о всѣхъ
 подвигахъ древнихъ полководцовъ, и кошо-
 рой все знаетъ, кажется, позабылъ одно
 важное обстоятельство изъ жизни Миш-
 ридапа. Сей Понпійскій Царь воюя про-
 шивъ Римлянъ, слишкомъ далеко завелъ
 свое войско, и непозаботился напередъ о
 слѣдствіяхъ такого отважнаго похода. По-
 слушаемъ самаго Плущарха, или его пере-
 водчика. Т. II стран. 74: „Доселъ Миш-
 „ридапъ, обманушый своими полковод-
 „цами, не вѣдалъ о голодѣ своего войска,
 „и только печалился о долгомъ сопро-
 „шивленіи Кизивійцовъ. Но вскорѣ гор-
 „досшь его исчезла, когда почувствоваль
 „нужду своихъ людей, питающихся уже
 „человѣческимъ мясомъ и узналъ, что Лу-
 „куллъ не велъ съ нимъ войны театраль-
 „ной, но наступаль, какъ говоритса, ему
 „на горло, и всѣ средства употреблялъ

„для опіяшїя у него запасовъ. По сей
 „причинѣ, когда Лукуллѣ занято былъ
 „осадою крѣпости, онъ воспользовавшись
 „временемъ, выслалъ въ Виен-
 „нїю почты всѣхъ конныхъ, возовой скоти-
 „ны и ненужныхъ изъ пѣхотныхъ. Лукуллѣ,
 „узнавъ о томъ, прибылъ ночью въ станъ,
 „и по утру, въ самую дурную погоду,
 „взялъ десятокъ когортъ и конницу, и по-
 „гнался за нимъ, не смотря на снѣгъ и
 „на всѣ трудности дороги. Многіе изъ
 „его воиновъ, по причинѣ голода, не мог-
 „ли слѣдовать за нимъ и отспали назадъ.
 „Однако съ пѣми, которые были при немъ,
 „заспалъ непрїятелей на рѣкѣ Риндакѣ,
 „поразилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство
 „такъ, что женщины изъ Аполлонїи при-
 „ходили отнимать у нихъ обозы и соби-
 „рали добычи съ убитыхъ. Убито было
 „великое число непрїятелей; въ полонъ
 „взято пятнадцать тысячъ человекъ,
 „великое число коней и прочаго скота.
 „Всѣхъ ихъ Лукуллѣ взялъ съ собою и
 „провелъ мимо непрїятельскаго стана...
 „Мишридашъ рѣшился бѣжать безъ заме-
 „длѣнія. Дабы отвлечь Лукулла отъ погон-
 „ки и занять его позади себя, онъ послалъ
 „корабленачальника Аристоника въ Грече-
 „ское море; но сей не успѣлъ отплыть,
 „какъ измѣною былъ преданъ въ руки Лу-
 „куллу, равно какъ и тысячи волошыхъ
 NO 5 и 6.

„монетъ, копорыми хопѣлъ многихъ под-
„купилъ въ Римскомъ войскѣ. — Мипри-
„дашъ убѣжалъ черезъ море, а полководцы
„его вели войско сухимъ путемъ. Лукуллъ
„напалъ на нихъ при рѣкѣ Граникѣ; великое
„число взялъ въ полонъ, а на мѣстѣ ос-
„тавилъ двадцать тысячъ; всѣхъ же, какъ
„говоряшъ, военныхъ и всякаго рода людей,
„погибшихъ въ семъ сраженіи, полагаюшъ
„около шрехъ сотъ тысячъ.“ —

М.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

*Король Фридрихъ Второй и вѣкъ
его.*

Когда Императоръ Карлъ Шестый смежилъ вѣжди свои на вѣки, то и *Прагматическое* его *Узаконеніе* (Sanctio Pragmatica) погребено съ нимъ въ могилѣ и было почитаемо мертвымъ. Франція опять начала стараться распоргнуть союзъ Германіи и уменьшить Австрію; для того доставила она Императорскую корону Баварскому Курфирсшу и подкрѣпляла права,

которыя онъ, какъ помощникъ Еригерцогини Анны, дочери Фердинанда Перваго, присвоивалъ себѣ на Австрійскія и Богемскія земли. Испанія и Принцы Испано-Италіянскіе подняли оружіе для опята обласпей у Австріи. Курфирштъ Брандебургскій и Король Прусскій Фридрихъ Второй, юный, отважный и побѣдоносный герой, съ пятнадцатыми тысячами вступилъ въ Шлезію, разбилъ войска Маріи Терезіи и покорилъ всю провинцію; онъ однакожь объявлялъ права свои только на некоторыя княжества Шлезскія. Находясь въ спольскихъ обспонпельствахъ, младая Королева оказала себя бодрою и величеспенною женою; она явила себя доспойною опраслию болѣе материнскаго колѣна Вельфовъ, нежели опеческаго Габсбургскаго дома. Ея поспоянство, неупомимось, ласковость и красота пѣлесная одушевляли народъ и защитали области сперва сомнишельно, а потомъ съ болѣшею надежностью, когда Король Англійскій и Курфирштъ Ганноверскій Георгій Второй началъ силою оружія дѣйствовать въ ея пользу какъ союзникъ, и пѣмъ приобрѣлъ ей другихъ союзниковъ. Осмильпняя война сія окончилась Ахенскимъ миромъ 1748 года; Марія Терезія лишилась въ Италіи малыхъ областей, Пармы и Паченцы, а Королю Прусскому досталась богатая и прекрасная Шлезія.

Юный Король сей, въ одно съ некое время выпупившій на поприще и пережившій ее только шестью годами, содѣлался чудомъ своего вѣка и даже до кончины своей былъ среднею почкою Нѣмецкой испоріи; былъ знаменіемъ, на которое обращались взоры всѣхъ и каждаго. Опважностію и быспрошію, дѣяшельностію въ правленіи и мужеспвомъ на полѣ брани, уваженіемъ всего того что называлось въ его время науками и искусстввами, на конецъ снзашъ еще должно перепискою съ Французами и выдачею ежегоднаго жалованья Французамъ, которые тогда управляли пономъ большаго свѣта, онъ содѣлалъ имя Пруссіи, дополь едва извѣстное, знаменимымъ въ Европѣ. Но были прежде его великіе Государи, которые пригошвили для попомка своего поприще споль блистательное. Первой, умомъ своимъ, прочными распорядженіями и великими дѣлами возведшій Брандебургію на снепенъ могущества и давшій ей постоянное въ высотѣ стремленіе, былъ мужъ, которой по всей справедливости называется великимъ Курфирстомъ; это Фридрихъ Вильгельмъ, княжившій съ 1640 по 1688 годъ, почти полвѣка. При концѣ войны шридцатишльпней ему досталась земля опустошенная; по справедливымъ пребожаніямъ получилъ онъ прекрасныя и плодотосныя княжества; но съ шымъ вмѣ-

ствъ приближился въ опасному сосѣдству Шведовъ: Фридрихъ Вильгельмъ началъ дышать свободно не прежде какъ въ 1660 году по рановременной кончинѣ Карла Густава. Сей Великій Курфирствъ уврачевалъ раны, войною землѣ его нанесенныя; соединилъ обласпи свои, сколько можно было по погоднымъ обстоятельствомъ; дѣйствуя съ великимъ Вильгельмомъ Нассаускимъ за свободу прошивъ завоевательнаго власполюбія Лудовика XIV, явилъ себя мужеспвеннымъ полководцемъ и непоколебимымъ героемъ; сотворилъ новое сорокатысячное войско, которое уже въ 1675 году было въ состояніи разбить всѣмъ ужасныхъ тогда Шведовъ; и стѣмъ помогъ одержать знаменишыя побѣды при Гохшпедствъ и Туринѣ въ началѣ осмнадцатаго вѣка; мудросцію своею и правосою, которыми руководствовался во всѣхъ поступкахъ, онъ оживилъ свое государство, при вспуцленіи его на престолѣ состоявшее изъ городовъ разрушенныхъ и селъ выжженныхъ и имѣвшее не болѣе 4000 воиновъ, худо вооруженныхъ. Сынъ его Фридрихъ, щеславный и слабый, въ началѣ 1700 года принялъ шишло Короля Прусскаго; онъ не шесствовалъ по слѣдамъ великаго своего родителя; но данное стремленіе продолжалось, и народъ вознесшійся до извѣстной высоты по крайней мѣрѣ не опустился ниже.

Сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ былъ Государь дѣятельный, но сдержанный; спрогноспію нравовъ, правотою, бережливостію, прилѣжаніемъ, вѣрностію, богобоязливостію, любовію къ Германіи и ко всему Германскому онъ равенъ былъ наилучшимъ Нѣмецкимъ Государямъ; съ другой спороны обхожденіемъ съ людьми глухими и грубыми, причудливыми зашѣями, копорыя онъ исполнялъ въ шужь минушу, вспыльчивостію и сдержанными наказаніями, обыкновеніемъ управлять въ домъ своемъ слишкомъ покрестьяноски и множествомъ другихъ особенностей заслуживаепъ онъ названіе полуварвара. Но епотъ Король любилъ Нѣмецкое свое отечеспво, любилъ порядокъ и шину, привелъ Государство въ цвѣшущее состояніе, невѣрояшнымъ образомъ увеличилъ войско свое до 80,000 сильныхъ подвижниковъ, и оставилъ на себѣ значное количество наличныхъ денегъ. Сіи заслуги заспавають молчанъ объ его сдержанностяхъ.

Сей шерпѣливый и прилѣжный распорядитель открьлъ поприще пылкому и чеснолюбивому юношѣ. И Фридрихъ, вспутивши на пресполъ отеческій, топчасъ началъ дѣйсствовать и далъ имени Короля Прусскаго шу важность и по достоинсство, которыхъ оно еще неимѣло между равными

себѣ именами. Искусствомъ своимъ и смѣлостію приобрѣвши Шлезію, онѣ неутомимо шествовалъ по слѣдамъ великихъ предковъ. Бережливостію и умѣренностію, напряженіемъ всѣхъ силъ и искуснымъ употребленіемъ способностей прилѣжныхъ своихъ подданныхъ сей Король содѣлалъ возможнымъ то, въ чемъ не успѣли Государства впрое и вчешверо его обширѣйшія: копилъ деньги, созидалъ крѣпости, рылъ каналы, осушалъ болота, строилъ плошины на рѣкахъ и озерахъ, и содержалъ 150-тысячное войско, которое въ послѣднія двадцать лѣтъ его правленія было увеличено свыше 200,000 человекъ. Но пруды его скоро были прерваны спрашною семилѣтнею войною, о которой опцамъ нашимъ рассказывали какъ о чудѣ свѣта. Австрія, Россія и Саксонское Курфиршество заключили между собою союзъ весьма тѣсный; Фридрихъ подумалъ, что союзъ сей противу его успрямляется, и чтобы созрѣвшая сила неподавила его съ перваго разу, онѣ самъ началъ войну, напалъ на Саксонію и обезоружилъ Саксонское войско. Епо случилось въ лѣтнюю пору 1757 года. Скоро на всѣхъ концахъ земли война возгорѣлась: прошиву Фридриха Марія Терезія, Елисавета Всероссійская, Саксонія, потомъ Франція (вопреки естественному порядку, говорили современни-

ни) соединенная съ Австрією, и Швеція подвигнушая Францією, но ничего нехотѣвшая дѣлать; на споронѣ Короля были его храбросць, сильная на моряхъ Англія, которая послала къ нему войско и деньги, и Нѣмецкіе полки Ганновера, Брауншвейга и Гессена; но вся пыгосць войны падала большею частію на плодоносную Саксонію. Въ Индіяхъ и въ Америкѣ началась между Англичанами и Французами война споль же кровопролитная, какъ и въ Европѣ, война, копорю Англичане дали бышіе новому Государству, вчеліверо проспераннѣйшему ихъ Европейскаго. Въ послѣдніе два года Испанія и Португаллія увлечены были спремениемъ военнаго попока; Испанія, побужденная Францією къ подняшю оружія, лишилась флотовъ своихъ и сокровищъ, доспавшихся Англичанамъ. Но великое позорище, на которомъ полмилліона вооруженныхъ воиновъ семь лѣтъ поражали другъ друга, находилось внутри бѣдной Германіи, а главною цѣлью и знаменіемъ войны сей былъ Король Фридрихъ. Всѣ опщавались въ его уснѣхъ; борьба казалась весьма неравною, и казалось, что искусство и храбросць должны пасть передъ силою. Самъ Король не однажды собирался прекрашнть дни свои, ибо онъ не хотѣлъ пережить своего нечаспія и рѣшился желѣзомъ или ядомъ избавишься

онъ оскорбительной для себя радости враговъ своихъ. Чувствуя такимъ образомъ величїе своего сана, онъ возмогъ твердо устоять противу свирѣпства столь многихъ бурь и одержать побѣду надъ несчастїемъ. Онъ слѣдовалъ Римскому правилу, которое должно быть вѣчнымъ для всѣхъ Королей и народовъ: поперявши сраженїе, не просить нищенски мира, но помысливъ о возстановленїи силъ своихъ и о побѣдѣ. Однакожъ онъ часто писалъ къ друзьямъ своимъ, какъ бы находился близь смерти; онъ говаривалъ имъ шутя въ своихъ письмахъ, что мущина долженъ быть побѣжденъ, воюя противъ двухъ женщинъ и сверхъ того еще шерпид шѣсношу онъ Французовъ. Послѣ сраженїй при Коллинъ и Нунерсдорфѣ всѣ почитали его погибшимъ неизбежно; не смотря на то, онъ спасся — его спасли швердость его, быспрота и рѣдкое искусство пользоваться съ неимовѣрною дѣятельноостїю всѣми средствами военными, а и того еще болѣе несогласїе между неприятелями его и дѣйствїя ихъ безъ цѣли — сіи несчастныя обстоятельства, всегда пагубныя для разноплеменныхъ, совмѣстно дѣйствующихъ войскъ, неуправляемыхъ единымъ великимъ военачальникомъ. Наконецъ когда народъ его и войска начали упомляться; когда старые полководцы померли, или пали на сраженїи-

ихъ; когда не спало лучшихъ офицеровъ и солдатъ, и когда уже разнородная полпа чужеспранцовъ называлась Прусскимъ войскомъ, полпа державшаяся однимъ только именемъ Фридриха и при первой великой неудачѣ готовая шопчасъ разбѣжашься; когда истощенныя, разграбленныя и выжженныя обласпи его и плодородная Саксонія доведены уже были до крайняго оскудѣнїя — тогда скончалась Императрица Елисавета; Русскіе сдѣлались ему друзьями, Швеція заключила миръ, Франція и Англія устали отъ войны, которая имъ наскучила, и въ 1763 году прекращена сїя брань: Фридриху опять досталась его Шлезія, а Англія приобрѣла господство въ отдаленнѣйшихъ краяхъ свѣта.

Въ сїю войну Фридрихъ увѣнчалъ себя славою безсмертною: съ малыми силами совершая великіе подвиги, несчастїемъ не побѣждаясь, въ счастїи неизнемогая отъ лѣности, искусствомъ преодолевая силу, быспрошю разрывая толпы спѣны ополченїй, наконецъ высокимъ умомъ и благородною гордостїю привлекая къ себѣ сердца подданныхъ, онъ представилъ людямъ примѣръ драгоцѣнный и рѣдкій, чпо есть сила, которая по видимому самой даже судьбѣ сопротивляется, и отражаетъ спрѣлы ея злоумышленїй. Не сраженїями, не по-

бѣдами, копорыми Фридрихъ вознаграждалъ свои пошери, но швердою, непоколебимою рѣшишельностію жипь и умереть Королемъ, онъ спяжалъ себѣ имя великое: испорія сохранила намъ одинъ только образецъ, ему подобный, Мипридаша Великаго. Съ 1760 году имя Фридриха произносимо уже было Сиріянами и Марокканцами, Ирокезами и Тунгусами. Нѣмцы, сколь ни дорого сподила имъ сія продолжшельная и пагубная война, гордились славою Фридриха, и шѣмъ что полководцы ихъ и воины въ полкахъ Авспрійскихъ, Прусскихъ и Англо-Брауншвейгскихъ раповали побѣдоносно и славно. Опяшь начали говорить, что надобно ѣхать въ Берлинъ и въ Вѣну учипсья военному искусству и видѣшь великихъ полководцовъ. Такимъ образомъ Фридрихъ окончилъ войну сію, всѣми достойно признанный, благоговѣнно почишаемый людьми того времени, коего былъ онъ лучезарнѣйшею спочкою, и коеорое совершенно изясняется его характеромъ: онъ былъ величайшій изъ людей послѣдней половины осмнадцатаго сподшїя, былъ испиннымъ знаменіемъ; онъ и въкъ его находяпся въ шакомъ взаимномъ отношеніи между собою, что лкбоншпный наблюдатель немжетъ располовать себѣ, кто изъ нихъ былъ причиною и кто дѣйствіемъ. Фридрихъ жилъ двадцать чешыре года послѣ

заклученнаго въ Губершбургѣ мира и правилъ государствомъ своимъ по законамъ строгаго порядка, наслѣдованнаго имъ отъ родителея; но напряженія его еще болѣе усиливались по мѣрѣ умноженія войска, отъ котораго зависѣло его могущество. Хвала ему, что онъ неопшнималь у народа ни воздуха, ни свѣта; хвала ему, что онъ дозволялъ народу мыслишь и говоришь свободно; но не въ шомъ состояннѣ счастье, свобода, наслажденіе правами человѣчества; сїи блага принадлежали временамъ силы и мудрости. Ежели Фридрихъ даровалъ своимъ подданнымъ свободу мыслишь, по не по чисшому побужденію, не отъ душевнаго уваженія къ высокому сану человѣчества, не отъ благоговѣннїа предъ безсмертною половиною нашурь человѣческой, не отъ увѣренности въ спремленнїи души къ горнимъ селенїямъ, но побуждаемый владычествомъ нецшовой моды, суемудреннымъ дерзновешиемъ унизишь все высокое и обезславишь все священное, и суешнымъ желанїемъ заслужишь у Французокъ оспряновъ и разврашниковъ имя Короля-философа. Разумъ его смирялся передъ остроумїемъ: но шажовъ былъ духъ времени! О, если бы сей Король, на котораго успремлены были взоры цѣлой Европы, еслибъ онъ захотѣлъ созидать и одушевляшь! еслибъ въ сей великой груди обитало крошкое и доброе серд-

де Нѣмецкое! всѣ пошли бы по слѣдамъ его; всѣ, большіе и малые, успыдились бы неподражашь образцу шoliko славному, и тогда по всей справедливости исторія назвала бы время его вѣкомъ Фридриха Великаго. Но Богъ отвратилъ отъ него лице свое, и ослѣпленный Король не уважалъ въ народъ своемъ вѣры, вѣрности, глубокомыслія, и успремился за нечестіемъ чужеземнымъ. Вотъ почему его величіе содѣлалось пагубнымъ для Германіи, и вотъ почему память его порицается Нѣмецкимъ народомъ.

Горькая, очень горькая истина! Но порицаніе падаетъ не на лицо, а на время. Таковъ былъ духъ времени, что вся сила его успремлялась единственно къ разрушенію. Все дѣйствовало, чтобы разрушашь и умничашь; а не для того чтобы соединяшь и приводить въ порядокъ. Остроша ума, хитрья умозаключенія, зашѣдливыя сопряженія идей были идолами свѣта. Отъ того начали писашь въ книгахъ, повелѣніяхъ и манифестахъ, что человекъ есть машина, свѣтъ есть машина, государство есть машина и самъ Богъ есть машина. Одно извиненіе для великаго Монарха: онъ прильпился къ тѣмъ блестящимъ пусыякамъ, которые спрасно любимы были его вѣкомъ. И гдѣ могъ образовашь-

ся герой человеколюбивый, кропкій и набожный, когда въ мірѣ не было ни человеколюбія, ни кропости, ни вѣры, и когда все предалось суешности и зашѣшливымъ умспивованіямъ? И великіе люди подвержены вліянію своего времени. Такъ и Фридрихъ силу разрушенія принялъ отъ своего вѣка и отъ своихъ современниковъ, кошорые называли въ немъ добродѣшелію то, что за нѣсколько дѣшъ прежде было бы всѣми презираемо.

Съ дѣтскаго возраста въ Фридрихѣ обнаружился духъ смѣлый, пылкій, спремипельный, склонность къ наукамъ и искусствамъ, въ которыхъ упражненіе грубой ошець его почиталъ недоспойнымъ королевскаго сана. Ошровъ рано полюбилъ зашѣи оспроумія; жиптрая мать пыпала въ немъ сію привязанность, и скоро Французской суешный блескъ овладѣлъ имъ совершенно. Ошець, которой ненавидѣлъ все Французское, и кошорой лучше хотѣлъ оспавашься при Нѣмецкой своей неповоропливости, рчень досадовалъ на сына; онъ предсказывалъ: Фрицъ будетъ уменъ и ученъ; будетъ писать полатынъ и пофранцузски нехуже школьнаго учипели, но онъ развращиптъ народъ свой. Съ родипельское предчувствіе, всегдашній безпокойства производимыя поварною машерію въ домѣ ко-

ролевскомъ, причудливость опца иногда неспосная, наконецъ преграда самою природою положенная между опцемъ и сыномъ — все ещо поселило вражду межъ ними, и Фридрихъ едва не лишился жизни по слѣдствію родительскаго гнѣва. Отсюда же произошло въ немъ начало опвращенія опъ всего Нѣмецкаго; отсюда произошло, что все Нѣмецкое казалось ему грубымъ и нелѣпымъ, и что онъ изъ сожалѣнія иногда называлъ его, шупымъ и просподушнымъ; надъ Сеною, думалъ онъ, обипаеетъ все изящное, умное и любезное; тамъ неповоропливые Нѣмцы спановящяся людьми ловкими, тамъ шероховатая Нѣмецкая разсудительность выглаживаеетъ прищпыными шупнами Момуса. Скоро послѣ того Принцъ попался въ руки Берлинскимъ Французамъ, которые не только ссужали его книгами, но давали даже и деньги на разныя предосудительныя издержки. Оказавшаяся въ послѣдствіи времени суровость нрава его произошла опъ распушства: потерявши способность любви, сіе драгоценнѣйшее услажденіе жизни, онъ сначала пересталъ любить женщинъ какъ мущина, а потомъ уже не любилъ и людей какъ человекъ. Несчастнѣйшія слѣдствія ранняго распушства состоятъ не въ томъ, что оно ищощаетъ силы щѣлесныя — ещо не всегда и случается — но что оно

вмрачаетъ веселое воображеніе, погашаетъ въ сердцѣ любовь ко всему изящному и доброму; и что въ умѣ отъ природы богатомъ оставляетъ по себѣ одну только безпокойную пылкость, а въ бѣдномъ закончивше.

Такимъ образомъ проведенное время южной молодости и раннее истощеніе природныхъ способностей объясняютъ твердыя въ послѣдствіи характеръ Фридриха. Онъ былъ великій воинъ; какъ государь, строго исполнялъ онъ свои обязанности; однакожъ во многихъ случаяхъ являлъ себя непреклоннымъ и жестокимъ, и тѣмъ непоходилъ на Короля-философа. Но сія желѣзная непреклонность извиняется опять величіемъ, съ которымъ онъ, какъ ни одинъ изъ смертныхъ кромѣ Мипридапа, упорствовалъ противъ судьбы въ продолженіе тяжкой войны семилѣтней. Ему было пятьдесятъ лѣтъ, когда война сія окончилась, но сердце его слишкомъ уже тогда устарѣло; онъ не только не любилъ людей, но даже презиралъ ихъ; холодно и упрямо содержалъ онъ все въ насильственной порядкѣ, занимаясь непрерывными трудами; онъ управлялъ искусственною машиною, но не былъ творцемъ жизни и произвольнаго движенія. Въ послѣднія двадцать лѣтъ, когда душа его отчасу болѣе оскудѣвала

въ холодномъ одиночествѣ, онъ съ при-
 скорбіемъ долженъ былъ видѣть, что еша
 самая машина его, сіе чудесное произведе-
 ніе мудрости, копорому всѣ удивлялись,
 уже не дѣйствовала съ новою свѣжестью
 какъ въ прежніе годы. Все производимое
 запѣйливымъ искусствомъ имѣетъ конецъ
 свой; только неутомимая въ ходъ своемъ
 и дѣйствіяхъ натура съ любовію и бодрою
 радостію шворитъ жизнь безсмертную.
 Все что ни проповѣдывали въ Берлинѣ о
 философіи, о разумѣ, о свободномъ книго-
 печатаніи, все большею частію — пу-
 стые звуки. Все, прежде бывшее живымъ
 и свободнымъ, помершвало; все походило
 тогда на носы, башмаки и мундиры, и
 самыя лица должны были походить на
 царствующаго шарца; печеніе мыслей
 ошановилось. Ошшуда произошли пустыя
 слова безъ значенія, суешность, высоко-
 мѣріе, буйство. Строгое ошправленіе дѣлъ,
 распрощраненіе полезныхъ работъ, вспо-
 моженіе обдѣившимъ жипелямъ, обрабо-
 паніе дикихъ полей, усшроеніе плошинъ и
 шому подобное продолжалось надлежащимъ
 порядкомъ; но куда дѣвалось шо великое,
 куда дѣвалось шо, чего надлежало ожидать
 отъ Короля, копорой далъ поводъ говорить
 о себѣ, что онъ знаетъ и взвѣшиваетъ
 все обдуманное и написанное умѣйшими
 людьми о законодательствѣ, о конститу-

дѣи, о воспитаніи, объ исправленіи чело-
вѣческаго рода? Чего не могъ бы сдѣлать
великій мужъ, сей для всѣхъ удивитель-
ный Король и Герой, если бы онъ въ 1765
и 1775 годахъ непримѣннымъ образомъ
внесъ въ конспиріацію ясныя и высокія идеи
о вѣчной справедливости, и шѣмъ подалъ
бы примѣръ другимъ правительствамъ,
которыя во всемъ охотно ему подражали!
Какъ хорошо могъ бы онъ предохранить
насъ Нѣмцовъ отъ бѣдшвеннаго сумазброд-
ства, какъ хорошо могъ бы онъ изцѣлить
насъ отъ овладѣвшей нами гнусной заразы
Французскаго бѣснованія, и направивъ насъ
къ высшей цѣли укрѣпить силы наши
для отраженія несчастій, нынѣ насъ обдер-
жащихъ!

Но о сей свободѣ, о сей чести народ-
ной, о семъ животворномъ благѣ для Нѣм-
цовъ Фридрихъ никогда недумалъ и неза-
бохился. Онъ мысленно опдѣлился отъ
всѣхъ, и въ хладномъ одиночествѣ своемъ
почиталъ себя высшимъ и лучшимъ своихъ
современниковъ; онъ презиралъ ихъ, ибо
нечувствовалъ въ сердцѣ своемъ небснаго
побужденія быть пупеводителемъ ихъ къ
свѣту и правдѣ. И могъ ли быть имъ
потѣ, кто при всемъ величїи своемъ имѣ-
нялъ себѣ въ славу раболѣнное подражаніе
Французамъ, кто часто позволялъ водить
себя на помочахъ еспрыкамъ пустоголо-

вымъ, которые не уважали высшего сана его и тихонько надъ нимъ издѣвались, и кто наконецъ ничего не хотѣлъ знать о своемъ народѣ? Горе тому, кто небрежешь о народѣ и не пишашъ къ нему любви въ своемъ сердцѣ! Что у Французовъ, у сихъ слабыхъ, раболѣпныхъ, бездушныхъ оспряковъ и просвѣщенителей называлось свободою, то и онъ хотѣлъ дать своему народу; но ихъ руководству хотѣлъ преобразить свою столицу, озарить мракъ Нѣмецкій, то есть: научишь Нѣмцовъ кощунствовать и шушишь надъ Богомъ, надъ безсмертнымъ и благонравнымъ; всякое набожное размышленіе, всякое сердечное изліянiе теплой вѣры называть суеврѣемъ, а жизнь почищать мертвымъ ничтожествомъ. Вошъ въ чемъ вѣрѣ ешопъ чаялъ найти свое избавленіе — въ отчужденіи себя отъ всѣхъ добродѣтелей и въ прильбленіи къ нечестію! При такомъ, лучезарномъ свѣтѣ, при такомъ счастіи, при такой свободѣ должны были бы возникнуть герои и великіе мужи! Но вышло напрошивъ; ибо вмѣсто того возникло киченіе, срамъ и бѣдствіе. Люди, которые помогли Фридриху сдѣлаться великимъ, принадлежали къ лучшимъ временамъ прежнимъ, а онъ не оставилъ по себѣ ни великихъ полководцовъ, ни великихъ политиковъ. Такъ наказываешься презрѣніе добродѣтелей!

Говорили, что Фридрихъ имѣлъ благо-
дѣтельное вліяніе на успѣхи наукъ и ху-
дожествъ въ Германіи. Сія ошибка дока-
зана послѣдними пятнадцатью годами.
Кто не вѣришь дѣйствію благодати Божі-
ей на сердце, кто не пылаешь любовію къ
вѣчности, и стремленіе къ ней учишь по-
чищать суевѣрїемъ: тогда истребляешь
даже сѣмяна, отъ которыхъ рождаются
творцы наукъ и художествъ. И была ли
вѣдома истина сія пому Королю, копорой
презиралъ все Нѣмецкое, учредилъ въ Бер-
линѣ Французскую Академію, награждалъ
милостіями и почестіями легкомысленныхъ
и пустоголовыхъ чужеземцовъ, и явно по-
казывалъ, что ему не извѣстны заслу-
ги Нѣмцовъ? Во всемъ составѣ Государ-
ства его и въ способѣ управленія было
столь очевидно опчужденіе отъ Нѣмецкихъ
обычаевъ, что города и области Нѣмецкія
ужасались при помышленіи о возможности
подпасть Прусскому господству. Нѣтъ
сомнѣнія, что при славѣ, копорую вели-
кій мужъ сей приобрѣлъ побѣдами, при
высокихъ вачествахъ души своей, копо-
рыми удивлялъ современниковъ, онъ могъ
бы распространиться въ Германіи; вѣроятно
могъ бы преобразить ветхій составъ ея,
когда бы дышалъ любовію къ Нѣмец-
кому народу, и еслибъ захотѣлъ бытъ
истииннымъ Нѣмецкимъ государемъ. Но

онъ явился, блеснулъ какъ удивительный метеоръ, и никакихъ благодѣтельныхъ слѣдовъ по себѣ неоставилъ.

Дѣйствія его относително къ Германіи были пагубны. Старинная привычка и священная мысль объ Императорѣ и объ Имперіи — сія единственная подпора Нѣмецкой конституціи — даже и послѣ Вестфальскаго мира снова привлекли многихъ Князей къ Австріи; величіе Австріи было тѣсно сопряжено съ величіемъ и безопасностію всей Германіи не только по Императорскому достоинству, но и по отношеніямъ къ прочимъ государствамъ Европы. Нѣмецкія области, небудучи въ состояніи каждая особо сопротивляться какому-либо отважному завоевателю, находили въ Австріи точку соединенія, и доколѣ чины Имперіи съ могущественнымъ своимъ Главою были въ согласіи, доколѣ никакой чужеземецъ не дерзалъ помыслить о снисненіи предѣловъ Германскихъ. Сіе государство, изъ многихъ соединенныхъ областей составленное, распоржено высочайшимъ Фридрихомъ; но Фридрихъ не умѣлъ уже соединить того, что осмѣлился разрушить. Воины дѣда и опца его сражались за Австрію; а онъ опнялъ у Австріи земли, привлекая къ себѣ многокорыхъ Князей, и подавалъ примѣры, на что можно отважиться

противъ Главы Нѣмецкой Имперіи, противъ конспиритуци и свободы. Вновь сотворенная Пруссія захопѣла бытъ также независимою, также сильною и знаменитою, какъ древняя Австрія; и съ тѣхъ поръ называшь спали нарушеніемъ Нѣмецкой свободы и конспиритуци все то, что было вредно для Пруссіи и что служило къ возвышенію Австріи, а возвышеніе Австріи Король признавалъ для себя вреднымъ. Настала вражда неисцѣлимая и бѣдственное соревнованіе; тогда мудрые люди предвидѣли канечное разрушеніе при первой бурѣ. Ненависть и зависть двухъ великихъ государствъ заразили и меньшія: отъ того холодность, непокорность и несогласія по всей землѣ Нѣмецкой. Такое расположеніе называлось оплохомъ Нѣмецкой свободы и оградю опечества противъ деспотизма. Побуждаемый сею нѣжною заботливостію о свободѣ Германіи, Фридрихъ препинивовалъ присоединенію Баваріи къ Австріи и обмѣну первой на Нидерланды; ибо чрезъ то Австрія сдѣлалась бы очень сильною во всей южной Германіи до самаго Рейна; но сему побужденію за годъ до смерти своей учредилъ онъ союзъ Князей, который однажды скоро разрушился.

Но должно ли безъ пощады порицать Короля за его оплвращеніе отъ всего Нѣмецкаго? Уже многіе Нѣмцы содѣлались чуждыми

своему опшечеству, если не по обдуманному намбренію, шо по воспштанію и наружно-еши, а воспштаніемъ и намбренія искажающся. Все уже объяшо было Французскимъ бснованіемъ; даже люди, по видимому увбрены въ пагубныхъ его слбдствіяхъ, заражены были имъ по прилипчивости общаго мнрнія. И вшо чувешувешъ въ себъ сполько силы, чтобы могъ опдблшсь опъ своихъ современниковъ? Французскіе обычаи и Французскій языкъ начали распроспрашаться скоро послб Лупера, и съ семнадцатаго врна господспвовали донинъ; пеперь однакожь, когда Французы задумали покоршть весь свшть оружіемъ, господспво языка ихъ ослаббло, да и сила оружія скоро соврүшишся. Умные и благомыслящіе Нмцы уже поняли, что вшо значштъ; хощя многіе неисцблялись еще опъ шаринныхъ заблужденій, но шранспвомъ ненависть скоро освободяшъ ихъ опъ пагубной заразы. . . .

Французы издавна были народъ безпокойной, легкомысленной и пресмыкающійся исторія ихъ заключаешъ въ себъ опсаніе рабспва ихъ — и вштого болше. Благородная прспшпа, величіе, спремленіе къ истинной свободѣ и посполнспво испари были имъ неизвѣстны. Но глупое и рвзвое обезьянспво ихъ, лживеспъ ихъ и суеспспств

не были еще ознаменованы характеромъ закоренѣлаго порока. Полувѣковое правленіе Людовика XIV наложилъ печать преступленія на ихъ легкомысліе. Французы называютъ вѣкъ его золотымъ и Августовымъ; глупцы не знаютъ сами, что дѣлаютъ: ни одинъ Король не причинилъ имъ вреда споль великаго; придавши ничтожеству блескъ и пороку красивую наружность, онъ обременилъ Французовъ зломъ и бѣдствіями, отъ которыхъ они едва ли могутъ освободиться. Съ 1715 года они безъ умолку кричали о семъ дошопамянномъ времени, и хотя въ послѣдніа двадцать лѣтъ они дурачились на иной ладъ, но желаніе ихъ опять спремисся къ тому, чтобы возвратиться время протекшее между 1670 и 1690 годами! Ужаснѣйшій тиранъ, нынѣ штыгопящій ихъ желѣзнымъ скипетромъ, конечно въ соспощаніи блестящимъ великолѣпьемъ двора своего воззвать изъ вѣчноспи пышный вѣкъ Людовика Великаго. Но со времени Людовика Французы ведутъ жизнь мертвую; ибо кто говоритъ съ увѣренностію: *я достигъ высочайшей степени совершенства*; шопъ необходимо опускается къ низу.

Французская исторія есть не что иное какъ исторія двора и столицы, а Французы суть народъ преобладающійся и

раболѣпный. Извѣстимся. Съ четырнадцатаго столѣтїя вся Французская исторїя состоишь изъ повѣствованїй о коварствахъ двора и о мятежныхъ движенїяхъ столицы. Развратныя и властолюбивыя женщины, честолюбивые Принцы и Вельможи, безпокойныя головы зашѣвали дѣла иногда подѣ важными предлогами; но зашѣ ихъ неимѣли важныхъ послѣдствїй, ибо причины были ничтожны. Когда же Кардиналы Ришелье и Мазаринѣ спѣснили гордость Принцовъ и высшаго дворянства, то и Франція съ того времени работала Королямъ своимъ съ препешною покорностїю; счастлива была бы она, еслибъ Короли сїи никогда неупотребляли во зло своей власти. Съ тѣхъ поръ Французское преизящество и образованность исключительно принадлежали двору и Парижу; что дѣлалось въ столицѣ, тому всѣ слѣпо подражали. И Европа могла думать, что развращеннѣйшїй городъ, ученые и художники приноравлиющїеся къ обычаямъ двора, шакъ называемый большой свѣтъ, погрязшїй въ порокахъ, въ состоянїи были изобрѣщать и распространять что либо доброе, изящное и благородное! Можно ли отъ горьаго дерева ждать плодовъ сладкихъ? Терновникъ производишь ли смоквы?

Кто не знаетъ обычаевъ двора Лудовика XIV, домашней его исторїи, рабства

злуцивъ и распушсхва женщинъ; кому не-
 извѣстны происки и каверзы, посредствомъ
 воихъ прелесницы и наложницы, мини-
 стры и духовные, даже аншеры и поешы
 играли свои роли при семъ Государѣ: шопъ
 не можешъ судить о Французскихъ нра-
 вахъ, модахъ, искусствахъ и языкѣ, влѣ-
 ченіе коихъ распространилось по всей Евро-
 пѣ. Тщеславный Король, заславившій лег-
 комысленныхъ богошворишь себя, имѣлъ
 умыслы самыя мѣлкыя. Онъ шайлъ и за-
 бавы свои и распушсхва подѣ покрѣсомъ
 благоприспѣшности; онъ былъ лицемѣръ.
 Нарушитель благонравія хотѣлъ казаться
 образцомъ добрыхъ нравовъ и судіею,
 и для шого легкомыслию и своевольству
 народа надлежало придашь благовидную
 наружность. Сіе несчастіе переходило
 въ языкъ, распространилось въ народъ
 и усиливалось по мѣрѣ продолженія време-
 ни, и смотря по шому, чѣмъ болѣе власти
 надъ шарѣющимся Лудовикомъ присвоива-
 ли себѣ набожная прелесница Меншенонъ
 и Іезуишы, заславляя его преслѣдовашь не-
 винныхъ Гугенотшвъ, издавать Королевскія
 повелѣнія и выпрашивать Папскія буллы
 прошивъ Янсенистшвъ, и разсѣвать вражду
 межъ народомъ. Набожность и порокъ, въ
 союзѣ примиренія выславляясь подѣ об-
 щимъ названіемъ добродѣтели, являлись
 въ страшнѣйшюй прошивомощности. Лудо-

викъ былъ Августомъ и Тверіемъ; веселый преемникъ его, Регентъ Филиппъ Орлеанскій, былъ Нерономъ, — онъ уже не щадилъ порока подъ покрываломъ лицемѣрія; безстыдство и дерзость его объясняющія только развѣ приговорствомъ его предѣспинника. Лудовикъ XV, внукъ Великаго, превзошелъ обоихъ, и не закрывалъ грѣховъ своихъ никакою добродѣтелью.

Сія лживость, которая показывала пороки въ видѣ добродѣтели, сіи ласкашествова и подлая услуги, которыми препещущіе рабы старались угождать своему власшелину, сіи прикрасы, которые въ упомянутомъ и развратномъ обществѣ закрывали наготу порока, перешли въ языкъ и оставили на немъ печать свою. Опшуда богатство словъ, оборотовъ и опшудной; подъ которыми лажь и спшудь сокрывающся; опшуда въ языкъ женская изнѣженность, ибо женщины, обычаями двора и столицы вызванныя изъ пишины благонаправнаго уединенія на позоръ и для разврата, не только сдѣлались орудіемъ сладострасція, но еще начали вмещивашься въ дѣла политическія и ученныя. Все вмѣстѣ, что происходило опъ двора и опъ угодлиности двору, опъ порока и опъ лицемѣрства, опъ распущенна женщинъ и опъ жеманства ихъ, въ тому прибавишъ еще

должно первоначальную Французскую вѣтренность, и легкомысліе, все вмѣстѣ имѣло вліяніе на языкъ и на искусства при Лудовикѣ XIV. Спыдѣ и поношеніе Французской линшперашуры, копорыя онѣ современниковъ почипались блескомъ и до스포инспвомъ, и въ копорыхъ даже великіе люди, наовѣ на примѣрѣ Фридрихъ Впорый, находили въ свободное время для себя опраду и ушѣху, собспвенно начинаешся со временѣ Вольпера, и продолжаешся до ужасныхъ сумазбродшвѣ революціи.

Чшо нравилось слабымъ Королямъ, чшо сластолюбивыя и щеславныя женщины, коварныя аббашы, ползающіе придворныя, обезвѣншвующіе подражатели двора называли любезнымъ, изящнымъ и совершеннымъ; шому придавали подобныя наименованія пѣшпы и орапоры, и даже люди присвоивавшіе себѣ шипла богослововъ и философовъ. Свойшво Французовъ опкрылось наиболѣе въ остроумной изобрѣпательности для угожденія сладоспрасптію, и въ придумываніи доказательствъ о шомъ, чшо нѣшѣ Бога, нѣшѣ безсмертїя, нѣшѣ найшїя благодати, и чшо все неподлежащее законамъ спрогой логики еспѣ выдумки, басни, суевѣрїе; однимъ словомъ: величіе Французовъ состояло въ стараніи извѣстїи, чшо добродѣпель — еспѣ слово безѣ

значенія, міръ — мершвая машина, чело-
вѣкъ — середина между духомъ и живош-
нымъ, и что порокъ дозволенъ, если онъ
не доводитъ до изнеможенія способности
наслаждашь. Таково было ученіе; кошо-
рое опъ современниковъ называлось просвѣ-
щеніемъ, освобожденіемъ опъ суевѣрія и
жреческаго ига, возрожденіемъ вѣковъ. Го-
ворево было, что челошкюлюбіе, разумъ,
правила благошравія должны царшвовашъ
для выгодъ истины и мудрости; что чело-
вѣкъ вшупаешъ въ права свои, что все
будущее должно бышь прекрасно и полезно,
а все прошедшее было не что иное какъ
глупость, грубость и сбманы. Сіе поко-
лѣніе, кошорому шолько ненавистны были
времена прошедшія, незаслужило имѣшь
для себя будущаго, и оно ошпанешся въ
памяти людей шольно для того, чтообъ имъ
гнушались. Сіи мысли, распроспраненныя
богохульнымъ Вольтеромъ и Енциклопеди-
стами, но порожденныя распушшвомъ
Лудовика XIV, сіи нелѣпыя умшшвованія
заразили даже и самыхъ лучшихъ изъ
Французовъ. Невѣріе и кощунство содѣла-
лись повсемѣшнымъ недугомъ; онъ обнару-
живаются даже въ глубокомысленномъ Же-
невскомъ Руссо, кошорого навашъ можно
среднимъ существомъ между Французомъ
и Нѣмецомъ. И онъ непонималъ, что въ
Асторіи временъ Богъ ошарываетъ себя

людямъ; что все будетъ пустоша и ничтожество, ежели въ обычаяхъ, религіяхъ и узаконеніяхъ человѣческихъ мірнѣя не будутъ уважаемы; что настоящее время въ такомъ только случаѣ имѣетъ значительность, достоинство и даже бытіе свое, когда оно основано на прошедшемъ; что мудрѣйшіе и добрѣйшіе люди всѣхъ вѣковъ, герои, учредители и законодатели, посланники Божіи и пророки попому удостоены сихъ названій, что они изъ порядка вещей не выходили, и что выпущающій изъ сего порядка, вводящій новизны и все переимчивающій есть рущитель и истребитель.

Въ дѣлахъ мѣлочныхъ и легкихъ, въ поверхностныхъ прикрасахъ и фиглярствахъ Французы всегда были великіе искусники, и сія ловкость ихъ могла обмануть неопытныхъ, которые почитали ее за умственное достоинство. Но гдѣ ни вздумають они изобразить божественное и высокое, тамъ Богъ ославляетъ ихъ, попому что они сами Его ославили; ибо ни что изъ смертныхъ не произведетъ ничего божественнаго и высокаго безъ Бога, безъ простой вѣры, безъ чистаго воспорга. Въ произведеніяхъ словесіи эти ихъ всегда слышите опредѣленные и разбѣренные звуки, подобно шагамъ панцмейстерскимъ.

безпрестанное лепетанье ихъ о дѣлахъ обыкновенныхъ неможешь переродиться въ громовые звуки, въ кошорыхъ опаывающся голоса небожителей. Въ произведенїяхъ ваянїя ихъ и живописи улыбаешся мѣлочная нарядность, или прикрашенная порочность, или вздорное, чрезмѣрное увеличенїе спраски, кошорое щекочешь маньяныя чувства.

Такой бытъ Французовъ произвелъ холдную ихъ бѣдность, кошорая однакожь безпрестанно поетъ и пляшетъ, чшобы увѣришь свѣтъ, будшо пламенное воображенїе ихъ неуступаетъ ни Греческому, ни Италїямскому, ни Испанскому. Но шайное сѣбленїе происшвсшїей дошло было до того, чшо бѣдность ихъ почишалась богатствомъ, и пустоша вдохновенїемъ; вѣчная живость обезьянъ сихъ приняла было видъ истины; и всѣ народы забыли, или неумѣли цѣнить собственнаго своего богатства и достоинства. Сумасбродство дошло до такой степени, чшо чужимъ призракомъ подавлялись свои собственные силы и природныя способности; ибо гдѣ просвѣщенїе шло не по одной дорогѣ съ Французскимъ, шамъ оно стѣснялось симъ послѣднимъ. Но остаешся рѣшить, кому болѣе нанесло вреда сіе распространенїе Французскаго вкуса, чужестранцамъ ли, или

Французамъ. Последніе взяли себѣ въ голову, что ихъ только образъ жизни, ихъ языкъ, ихъ искусства превосходятъ въ мірѣ: кто такъ мыслитъ, тотъ не идетъ впередъ, но вспяшь возвращается на спезѣ просвѣщенія. И мы имѣли бы другое образованіе и другія искусства, еслибъ не околдовалъ насъ народъ сей, бѣдной и легкомысленной.

Въ нашемъ Нѣмецкомъ опечествѣ Французская зараза распространилась очень скоро, хотя Нѣмецкая честность, вѣрность и самая даже неповоротливость должны бы, кажешся, долге предохранять насъ отъ блестящихъ мѣлочей, отъ лживости и разврата. Съ тридцатилѣтней войны спыдно спало Княжескимъ и Графскимъ дѣшамъ не разумѣть пофранцузски; со времени войны семилѣтней всякой уже, япо нехотѣлъ слыть необразованнымъ и грубымъ, долженъ былъ чинашь и болтать пофранцузски. А наславниками и наславницами при семъ, какъ говорили, изящномъ образованіи были дрожжи народа Французскаго: вѣтренники, пройдохи, удалцы, танцмейстеры, несчастныя дѣвки, непопробныя женщины, дома презираемыя и переправлявшіяся черезъ Рейнъ для того чинобъ очистишь, выгладитъ и вылоцишь свинцовыхъ, грубыхъ и шероховатыхъ Нѣмцовъ. Сіе сумазбродство исказило наши нравы, языкъ,

честность и послѣдній ошачковъ благородной гордости Нѣмецкой; наконецъ оно положило непреодолимую стѣну раздѣленія между Князьями и вельможами и между народомъ. Неспыдно было неумѣть ни писать, ни говорить по-нѣмецки; но сдѣлавъ ошибку противъ Французскаго языка почиталось грѣхомъ смершнымъ. Въ большомъ свѣтѣ и при дворахъ вообще болшала по-французски; языкъ Нѣмецкой казался слишкомъ проспымъ, грубымъ, незамысловатымъ; и въ самомъ дѣлѣ негодился онъ ни для лживости, ни для ласкательства, ни для прикрытiя порока. Какъ же опъ того были Князья и начальники, кошорымъ надлежало засѣдать въ совѣтахъ и по-нѣмецки править людьми Нѣмецкими? О, мы видѣли прухлые пни и гнилыя бревна! Какъ можешь Князь или вельможа быть великимъ и знаменимымъ, какъ могутъ они воскрылять и одушевлять силою добродѣтели, когда неимѣютъ сего орудiя, сего небеснаго дара? Языкъ народа есть свѣтлое зеркало ума его и духовной его жизни; кто чуждается языка народнаго, тотъ и самаго народа чуждается. Сколь ни были бы честны его намбренiя, онъ никогда не пойметъ хорошо сего народа, никогда невозможно въести его по своему произволу, никогда невозможно одушевить его и возвысить;

но что всего хуже, и его народъ понимаешь небудешь, и его не одушевишь народъ и не возвысишь. Что ни дѣлаешь, что ни производишь человекъ, какъ герой, какъ художникъ, какъ законодатель, какъ изобрѣтатель всего великаго, что онъ ни выдумываетъ, шворитъ, изобрѣшаетъ — все, все идетъ къ нему изъ среды народа. Въ немъ сила, простота и величїе; въ корнѣ и въ крѣпкомъ стволѣ общества утверждены прекрасной цвѣтъ, коего видъ съ вершины цѣлаго народа сїяетъ для взоровъ. Нѣмецкіе Князья и Бароны конечно не были Французами, не былъ Французомъ и самъ чрезвычайный Фридрихъ; однакожь не были они и Нѣмцами. Люди же неполучившіе отъ природы силы необыкновенной сдѣлались бѣдными выродками, окаменѣлыми фигурантами, бездушными болванами, скрыпящими флюгерами, которые вертятся по вѣтру. Они одеревянѣли въ чужеземномъ воспитанїи; куда дѣвались любовь, радость, воспоргъ, священный гнѣвъ, которыми за своихъ и для своихъ должна пламенѣть грудь ихъ? Чего я не любилъ, могу ли за то сердиться, стану ли за то подвергать опасности жизнь мою? Уже отъ воспитанїя своего, отъ всегдашняго образа жизни, отъ обычаевъ двора они сдѣлались неупрательными. Приходишь ли къ нимъ чужеземное господство во Французскомъ

видѣ и съ Французскою наружноспію: они его не пугаются; они осмѣются при своемъ рабскомъ обезьянствѣ; ибо съ малолѣтства были уже рабами Французскихъ приходей; многіе, недумая о безчестіи своемъ, можетъ быть еще и радовались тому; что Французская любезность; ушонченность и скоморошество навсегда уже останется съ ними! Но что чувствовалъ и перивалъ народъ; какъ жаловался бѣдной; испощенной и посрамленной народъ, и какъ онъ перзался нестерпимою досадою; о томъ они не имѣли никакого понятія; ибо священная собственность, за которую всякая нація упорно и неупомимо сражается; языкъ Нѣмецкій; никогда не былъ ихъ материнскимъ языкомъ: Они почитали его не болѣе какъ нарѣчьемъ грубыхъ людей и черни; съ которыми иногда и говорили на ономъ; но особамъ высшаго званія оказывали честь всегда посредствомъ Французскаго.

Я смотрѣлъ на предметъ сей очень издалека. Но описать не лзя; какъ важно ешо для нравовъ; для умозрѣній и вообще для дѣйствій разума; ибо каждый языкъ своимъ способомъ и своими свойствами наконецъ покоряетъ себѣ всю душу; къ нему приближкую. Опъ ешаго произошло разнообразіе въ Нѣмецкой жизни, раздѣленіе между большими и малыми; общу-

жденіе Князей отъ народа, забвеніе старинной Нѣмецкой добродѣтели, строгости и вѣрности; отъ ешаго давно уже опасные и вѣроломные сосѣди наши къ намъ удобный входъ и успѣли присвоить себѣ перевѣсъ, чего они никогда бы неимѣли. Примѣръ высшихъ сильно дѣйствовалъ, и зло сіе подобно заразѣ распространилось въ тѣхъ сословіяхъ, отъ которыхъ наиболѣе зависить безопасность нравовъ цѣлаго народа, въ среднемъ сословіи и въ мѣщанствѣ. И у нихъ ослабѣло и разрушилось все, что прежде было прочнымъ и швердымъ; лекомысліе спало называющся любезностію, болшая мудростію, жеманство ловкостію, а вѣрность, простота и честность, которыми славились древніе Германцы, со дня на день изнемогали; даже воинственность и мужество и пламенная спрасъ къ храбрымъ подвигамъ уже забыты были въ народѣ; ибо Государи отъучили людей отъ оружія, направили вниманіе гражданъ къ спойному упражненію въ руководліяхъ и къ мѣлочнымъ выдумкамъ доставашъ деньги, а мужеспвенные подвиги и бодрая свобода часѣ отъ часу спановились рѣже; все прошло, что могло бы напоминать о благородной гордести, о довольствѣ и храброспи вѣковъ минувшихъ. Владѣтели содержали при себѣ постоянныхъ войсма и говорили: пока у насъ есть оуб,

до пѣхъ поръ никто не дерзнетъ вредить намъ! А недумали, что престоль и государство утверждающа болѣе на храбрыхъ сердцахъ и на душахъ крѣпкихъ.

Писатели и ученые, духовенство и пророки народные шествовали пѣмъ же путемъ слѣпошы и заблужденія. Хотя нѣкоторые изъ нихъ чуждались привязанности въ Французамъ и жизни Французской, хотя порицали Французское легкомысліе, фиглярства и дурачества, пропову-полагая имъ Нѣмецкую важность, Нѣмецкое прилѣжаніе, Нѣмецкую основательность; но многіе дѣлали то же что Французы: жизнь ихъ, направленіе дѣйствій, способъ упражненія въ наукахъ и искусствахъ очень походили на Французскія; и въ нихъ въпренность, нечесіе и невѣріе испребили вѣру прародительскую; и въ нихъ любовь и вѣрность со дня на день уменьшались, а высокоуміе и холодность возрастали. И сердца ихъ ожесточились прошивъ Бога и прошивъ добродѣтелей предковъ, такъ что они не могли уже отличать добраго отъ злаго, истиннаго отъ ложнаго; всѣ поступки ихъ казались имъ прекрасными и совершенными; они смѣялись надъ дѣлами предковъ своихъ, почитая ихъ ребяческими и глупыми; они погрязли во лживости;

ибо не могли возвыситься до простоты прародительской, до изящества и благородной гордости своих предков; пустое жеманство и холодная нарядность — вошь до чего они достигли. Очевидным знаком несчастнаго ихъ состоянія было то, что они пустоголовую и вѣтреную Французскую обезьяну почитали великимъ мужемъ и остроумнымъ писателемъ. Иные хошбли бы оспавашься Нѣмцами, но уже не находили сильнаго, значительнаго и свободнаго языка народнаго, кошорой одинъ удобенъ, одушевишь искусства и науки. Однакожь явились нѣропорые; а одинъ изъ числа ихъ вознесся шапъ высоко, что его въ сїи времена холодной безчувственности почешь можно знаменіемъ Божіимъ. Я говорю о стихошворцѣ Геше, кошорой въ прочемъ не шеперешнему времени принадлежишь, но съ одной стороны онъ ознаменованъ прошедшимъ, съ другой будущимъ; появленіе шаихъ людей показываешъ близкую перемену. Клоштокъ, Шиллеръ и Гердеръ, имена почтенныя! однакожь, они слишкомъ приблизились къ зараженному и болѣзненному состоянію своего времени; часто заспавлиюшь они вспоминашь о пустощъ, принужденности и ложной чувствительности. — И въ Германіи нѣвріе глубоко пушило свои корни: богословы учили, что не было чудесъ на

свѣтъ, и что духъ есть существо ничтожное, удобно понимаемое; философы пущесловили о безчувственной и мершвой натурѣ; тѣ и другіе, вмѣсто Бога христіанскаго, вмѣсто вѣры и надежды на спасеніе, сошворили жалкихъ идоловъ и пригошвили весьма слабыя подпоры для людей, шесствующихъ по бѣдшвенному пуши жизни. Всѣ почитавшіе себя мудрецами, подражая Французскому своевольству, говорили, что старое никуда негодится, что его опмѣнить надобно, и что возмужавшій, освобожденный отъ суевѣрїя чловѣческой разумъ долженъ изобрѣсти для себя другаго Бога, и успроишь другое общество, которое должно быть управляемо оплично отъ обыкновенїя предковъ. Такимъ образомъ они ввели и народъ въ заблужденіе, которой не хопѣлъ уже вѣришь ничему святому; и такимъ образомъ высокоумїе и нечестїе людей часъ отъ часу возрастали. Но сумазбродство сіе наиболѣе свирѣпствовало, и находилось на послѣдней степенѣ безстыдства, съ 1780 по 1795 годъ. Послѣ того многіе стали думать иначе и признали свое заблужденіе; многихъ бѣдшвія обратили на пушь правый, и впредь еще обращать будутъ.

Когда въ мїрѣ дѣла идутъ такимъ порядкомъ; когда пороки шавишся на равнѣ

сѣ добродѣтелью, нечестіе сѣ вѣроу, тщета сѣ доброшою, спрасшь къ новизнамъ сѣ почтенною стариною: тогда угрожаешъ близкая година наказанія, и живущее по колѣнїе гошовишъ собшвенную свою пагубу; тогда пягошѣшъ десница гнѣва Божїа и посылаешъ или попопъ, или пирана. Тогда люди взываютъ къ Небу, но уже поздно; Небо не слышитъ ихъ воплей. Они должны понести кару за своевольство, непослушаніе и нечестіе. Добрый и злой, виновный и невинный подлежатъ единому приговору, дабы всѣ равно удосповѣрились, что ешь Богъ наказующій, что всѣ замыслы чловѣческіе разсѣваются какъ прахъ вѣспромъ возметаемый, и что однѣ только дѣйствїя простиши и вѣрности оспающа прочными.

Глупцы радовались безразсудствомъ своимъ и суешноспїю, презирая доблести предковъ, почитали себя образованными, просавщенными, изящными, и чаяли скорого приближенія золотого вѣка свободы и счастья; а того нечувствовали, что они находяща вѣ сѣшяхъ лживости, и что демонъ убійства и ужасовъ стоитъ у нихъ за спиною, гошовый поражашъ ихъ. Нѣкопорые добрые предсказывали имъ вѣ оспорождшъ, что опъ пустяго цвѣта нельзя ждашь плодовъ хорошихъ; но они вѣ-

ришь имъ не хотѣли. Всѣ однакожъ чувствовали, что долженствовало насупитъ великая перемена, коея признаки открывались во многихъ знаменіяхъ.

Наказаніе должно было быть политическое. Явленіе блестящее, подобное живымъ сердцамъ и помысламъ людей сихъ, должно было сперва обольщать ихъ суешными надеждами и нѣсколько лѣтъ увеселять мечами; потомъ надлежало оному призраку явиться въ видѣ фуріи, отворить двери ада и выпустить на свѣтъ измѣну, бѣшенство, ярость и убійства, дабы всѣ наконецъ удостоверились въ безразсудствѣ своемъ и порочности. Поелику Французы были главными зашѣйчиками и соблазнительями въ оба прошедшія столѣтія; по ошъ ихъ должно было родиться начало: въ Парижѣ, въ семъ мнимомъ обиталищѣ всякаго блага, надлежало появиться блестящему метеору. Дерзкія и непоспоянныя мысли сихъ людей уже лѣтъ двадцать усремлялись въ дѣламъ политическимъ; чѣмъ слабѣе они были въ своихъ силахъ, намѣреніяхъ и добродѣтеляхъ, тѣмъ болѣе не нравился имъ прежній порядокъ; старой Богъ, старая вѣра, старыя учрежденія казались имъ неприличными наспоящему просвѣщенію. Положено составитъ новую конституцію по зако-

намъ чистаго разума, о кошорыхъ въ старину совсѣмъ неимбли поняшїя. Предавшисъ симъ высокимъ замысламъ, они забыли что они люди, и какіе своевольные люди! Какъ же могли они обуздашь себя одними умшвенными правилами?

Война сѣверо-Американскихъ обласпей съ Англією за свободу, съ 1774 до 1783 года продолжавшаяся, обнаружила мысли и желанїя людей, была оселкомъ, на кошоромъ оспрились полишическія идеи. Императоры и Короли видя, съ какимъ вниманїемъ люди смопряшѣ на происшествїя и какъ судяшѣ обв нихъ, тогда могли бы предузнашь будущїя собышїя въ Европѣ. Въмѣсто шого, еще до окончанїя упомянутой войны, Императоръ Іосифъ захотѣлв переиначишь все старое, и посшупилв въ ешомъ случаѣ какъ посшупили бы самые пылкїе демагоги. Въ соединенныхъ и въ Авшрїйскихъ Нидерландахъ, въ Липшихъ, въ Ахенѣ и въ другихъ мѣсшахъ оказались тогда же нѣкоторыя движенїя за пакъ называемую свободу — слово, о кошоромъ разумбли сообразно мыслямъ шогдашняго вѣна, и кошорое сильно разгорячало пылкїя головы. Наконецъ Франція предспавила великое позорище и привлекла всѣ прочїя искры къ своему пламени.

(Сокращ. съ Нѣмецкаго.)

Положеніе Европы (*).

Отдѣленіе второе.

Первое отдѣленіе окончано Февраля 4 го: какая послѣ того чрезвычайная пере-
мѣна! Тогда еще надлежало раздувать ис-
кры погрѣошизма въ сердцахъ Прусаковъ;
нынѣ яркій огонь его, распространенный
Геніемъ Россіи, пылаетъ уже по всей сѣ-
верной Германіи. Возванный къ жизни и
возрожденный симъ Геніемъ Фениксъ — *обно-
вленная Германія* — скоро въ немерца-
ющемъ сіяніи вознесется горѣ изъ пла-
менной своей колыбели.

Такъ! какія ни случились бы происше-
ствія, какія препяшства ни оспановили
бы ходъ событій на короткое время; но
окончаніе войны въ сію минушу рѣшено
уже для Германіи — не попому только
что жалкіе оспанки полчищъ, за шестъ
мѣсяцовъ передъ симъ съ дерзостію и зло-
бою изъ Москвы вышедшія, нынѣ щещно
ищущъ безопаснаго приспанища между
Ельбою и Везеромъ; не попому только что
Нѣмецкій Монархъ, **АЛЕКСАНДРОМЪ**
освобожденный отъ рабства, нынѣ герой-
ски спалъ передъ своимъ народомъ и ве-
дешъ его на поле битвы: ужасныя поше-

(*). См. Вѣспн. Евр. 1812 Декабрь стрлн. 283

ри, прешерпѣнныя всѣми народами Германіи во время нашествія на Россію за чужое ненавистное дѣло, заоснѣвшее чувство ихъ бѣдспвіѣ нынѣ преврапили въ боль мучительную; они видѣли поспыдное безсиліе, съ копорымъ многолюдныя толпы ихъ мучителей соединялись и разбѣгались передъ малыми опрядами козаковъ, видѣли и успыдились, что *такимъ* людямъ дозволяли нагло поспупашъ съ собою. — Чувство собственнѣй силы и достоинства въ нихъ пробудилось, и прешерпѣнныя бѣдспвія заспаляющъ ихъ успремляющъ въ великимъ подвигамъ. Они дерзнувшъ на опважнѣйшія предпріяшя, и успѣхъ возвращишъ имъ древнюю славу оружія, сію главную принадлежность народнаго ихъ характера; тогда — — Надобно вспомнишъ слѣдующее обстоятельство: часть проспранной Германіи, на копорой нынѣ раздающъ радостныя клики о возвращенной свободѣ, ешъ самая малая, бѣднѣйшая людьми и естественными произведеніями, и что народы, нынѣ съ такимъ папріотическимъ воспоргомъ подвемлющѣе оружіе, многократно опъ собраній своихъ порицаемы были за холодную безчувственность. Когда воспоргъ ихъ распспранился по должнымъ провинціямъ, когда онъ возбудишъ стремительные порывы въ людяхъ богатѣйшаго и превдасмѣйшаго климата; тогда . . .

Германцы! высочайшія надежды блага народнаго зовущъ васъ и удостовѣряющъ въ успѣхъ. Между берегами Вислы и предѣлами Шампаньи обиташа тридцать два милліона людей вашего племени и вашего языка; въ числѣ ихъ тысячь городовъ, еще недавно процвѣтавшихъ между берегами Нѣмецкаго моря и Балтійскаго и предѣлами Испаніи, были столицныя и торговыя, въ блескѣ, богатствѣ и обширности неуступавшія столицамъ и первенствующимъ городамъ нѣкопорохъ прочихъ націй. Даже села ваши процвѣтали изобрѣтательнымъ прилѣжаніемъ въ ремеслахъ и искусствахъ; ученые и ищущіе познаній гордые чужеземцы пришекали подъ сельскіе кровы ваши, какъ во храмъ мудрости. Ваши Государи въ мирное время содержали въ гошовности болѣе осми сотъ тысячъ воиновъ, и легко могли бы удвоить и утроить число сіе, когда бы воззвали къ народу.

Нѣтъ! земля ваша не къ тому была предназначена, чтобы служить военнымъ позорищемъ за каждую прю, начавшуюся въ какомъ-либо уголкѣ свѣта! Ваши города и области не должны быть монетою, поперою народы чужеземныя плачущъ одинъ другому за уступку земель въ Испаніи или въ Испаніи, въ Восточной или въ западной Индіяхъ.

АЛЕКСАНДРЪ взываетъ къ вамъ! Благо вамъ, если послушаете Его слова! Уповайте на Его великодушную дружбу! уповайте на себя! имейте взаимную довѣренность между собою! будьте единодушны! Тогда Франція не только не захочетъ надъ вами пирансповашъ; но будетъ принуждена возвратитъ въковыя свои добычи и искашь примиренія съ вами:

Ежели Германія успѣетъ наконецъ до того достигнуть; что ей уже не будетъ нужно съ пиранспвующимъ сосѣдомъ на западѣ сражаться за полишическое бытїе свое; по внутри ей возникнутъ разногласїя касательно образованія сосѣва ея и устройсва. Задача сія споль прудна и для насюящей минушы сполько щенсплива; что до нее лучше совсѣмъ бы некасаться даже и въ сихъ лишкахъ; ежедневно шарбующихся; еслибъ не надлежало слишвомъ посрѣшнихъ; гошовыхъ уже и теперь завести споры; возвашь; хотя можешъ бышь и безиолезно, къ молчанію необходимо нужному; а унывающимъ предложитъ въсколько упрѣшительныхъ замѣчаній. Всякое развогласїе, хотя бы даже на словахъ, публично въ насюящую минушу возникшее о будущемъ составѣ и устройствѣ Германіи; имѣло бы вредныя слѣдствїя; можно полагашь; что самъ злокозненный непри-

яшель будетъ разсвѣтать его чрезъ посредство своихъ повѣренныхъ, прикрытыхъ личиною любви къ опечесиву. Но пустьъ каждой защищаеиъ любимое пайное желаніе своего сердца, лишь бы только всѣ безоспаиовочно спремилсь и усилія свои направляли къ главной цѣли, къ разрушенію шбснящаго ихъ Французскаго ига. Кромѣ шого: желающій безусловнаго воспановленія прежняго порядка, если не прежде, шю при исполненіи любимой его мысли, самъ себѣ долженъ будетъ признашься, что ему вождѣннымъ казалось прежнее *благосостояніе*, а опнюдъ не прежня *форма*, спранная и непрочная для нынѣшняго времени; и опяшь, желающій новаго, въ сущности разумѣеиъ подѣ симъ не что иное какъ другую форму *прежняго* счастья, — старое вино хочеиъ пийиъ изъ удобнѣйшей и крѣпкой чаши, а не изъ разбитой. Сіе пайное согласіе всѣхъ сторонъ, доброхотствующихъ опечесиву, напоследокъ окажется согласіемъ общимъ. Но истина, что благо всей Европы сопряжено съ независимостію Германіи, сія истина, кошорую Наполеоновы поступки и судьба его вновь сдѣлали очевидною и неоспоримою, служишъ порукою, что Германія во время устроенія внутренняго своего порядка не должна по крайней мѣрѣ извнѣ опасаться пагубныхъ навѣшозъ. Согласіе, только согласіе всѣхъ

частей ея необходимо нужно, и она ни въ
 чемъ не будетъ имѣть недостатка. Прус-
 сія непременно была бы уничтожена, когда
 бы Наполеонъ возвратился побѣдителемъ
 изъ Россіи; а теперь епо еще досповѣр-
 нѣе, когда онъ опять какъ нибудь сдѣлал-
 ся бы сильнымъ по прежнему. Изъ Нѣ-
 мецкихъ Государей Король прежде всѣхъ
 поднялъ знамя свободы: онъ долженъ силою
 оружія приобрести ее для Германіи, — или
 гибель его неизбежна. — Еслибъ Австрія
 захошла принять сторону Наполеонову,
 то подвергла бы себя одной изъ двухъ ве-
 лкихъ невыгодъ: она, при успѣхѣ Фран-
 ціи, сдѣлалась бы ей подчиненною; а когда
 бы народъ Нѣмецкой одержалъ верхъ, то
 она шѣмъ или другимъ образомъ непрія-
 тельски была бы исключена изъ числа го-
 сударствъ Германскихъ. Въ первомъ слу-
 чаѣ, и епо весьма досповѣрно, она была бы
 очень, очень унижена; въ другомъ, по всей
 вѣроятности, получила бы обратно Белгію,
 Тироль, берега свои, родовую землю Князей
 своихъ — Лопарингію, даже Ломбардію и
 Императорскую корону Германіи: можно ли
 не предвидѣть, на что рѣшился Австрія? —
 А Государи Рейнскаго Союза? Только сума-
 шедшій, прикованный къ цѣпи, спалъ бы
 шерзатъ руку, его освобождающую. Госу-
 дари Союза Рейнскаго всѣ безъ извѣстія
 присоединяшя къ націи, когда увидятъ

къ тому возможность. Наконецъ Швейцарія, слишкомъ долго непонимавшая, что большая часть жителей ея суть Нѣмцы, и что конспикуція, подъ которою она пять вѣковъ наслаждалась благоденствіемъ, произошла отъ конспикуціи Германской Имперіи и зависѣла отъ ея прочности — Швейцарія невозможеть отказатьсь отъ великаго союза государствъ Нѣмецкихъ, которой одинъ въ состояніи соединеннымъ кантонамъ ея возвратитъ древнее достоинство и знаменитость. Съ нею вмѣстѣ и Нидерланды, несправедливо отчужденныя отъ Германіи, получаютъ старое свое образованіе, и присоединяются къ своей матери. Они горестно испытывали на себѣ, что народъ торговый, не принадлежащій къ великой націи, походитъ на губку, изъ которой всякой выжимаетъ влагу, смотря по надобности. Тогда и Рейнъ перестанетъ быть пограничнымъ весьма ненадежнымъ справежъ; онъ опять попечетъ среди народовъ, которые по справедливости гордятся его красоюю. — Совершенія сего преобразованія Германіи, можеть быть, ожидатъ надобно черезъ одну четверть вѣка, и можеть быть оно стоить будеть немалыхъ затрудненій; но его, начало обрадуетъ всѣхъ сладкою надеждою, когда первые свободные государи Германіи, хотя бы ихъ не болѣе двухъ или трехъ было, не только

заклучашь обыкновенный союзъ между собою, но обяжутъ себя торжественною присягою, и когда городъ въ первой разъ вышлетъ вооруженныхъ и обученныхъ согражданъ своихъ на помощь къ угнетенному сосѣду.

(Продолж. впрѣдъ.)

Что на умѣ теперь у Наполеона?

По опредѣленію Журнала Имперіи (*Journal de l'Empire*) не можно и не должно угадывать Наполеоновыя планы. Но какъ *Зритель* (*) многократно уже дерзалъ преступать повелѣніи упомянушаго Журнала; то и нынѣ осмѣливается онъ сдѣлать подобной ошибъ.

Теперь намъ еще менѣе чѣмъ прежде извѣстно, что въ самомъ дѣлѣ происходитъ во Франціи и въ южной части такъ называемаго Рейнскаго Союза. Путешественниковъ ошшуда не пускаютъ, а тамошніе публичные листки объявляютъ только то, что угодно Наполеону. Кажется впрочемъ достовернымъ, что новыя его приготовления встрѣчаютъ великія препятствія; од-

(*) Рижская газета, изъ которой сшашья сія переводится. Изд.

якожь онѣ продолжаются. Онѣ почто собираешь новыя войска, которыя дѣйствительно идушь къ границамъ, и войска сіи подкрѣпляются старыми солдатами, сколько можно ихъ находишь во Франціи, или приводишь изъ Испаніи.

Будешь ли онѣ съ войсками сими держаться оборонительной системы, или спашешь опять вести войну наступательную?

Я думаю, онѣ предпочелъ бы войну оборонительную, если бы могъ надѣяться, что вступленіе Русскихъ и Нѣмцовъ въ собственно главъ называемую Францію, возбудишь во Французахъ народный воспоргъ въ его пользу. Но какъ онѣ, утрашивши славу свою, и съ одной стороны видя нынѣшнее расположеніе Французовъ, а съ другой зная о благоразумной умѣренности Державъ союзныхъ, которыя не желаютъ никакихъ приобрѣшеній отъ Франціи, долженъ опасаться, чшобъ. непоперишь всего при первомъ всеобщемъ движеніи народа; какъ оборонительная война мало свойственна неперпбливой живости Французовъ; и наконецъ, поелику онѣ надѣется удержаться на своемъ мѣстѣ иначе какъ посредствомъ страха и уваженія, которыя произвести возможно только при уснѣхахъ войны наступательной;

по онѣ спянешь дѣйствовать наступательно — такъ я думаю.

Онѣ можетъ сдѣлать нападеніе только на Сѣверную Германію; но какою дорогою?

Я думаю, онѣ избралъ бы кратчайшую — черезъ Вестфальскія провинціи и по сѣверному берегу Майна, еслибъ здѣсь, кромѣ Россіянъ и Прусаковъ, не встрѣтился еще съ вооруженными народами, съ которыми онѣ на каждомъ шагу долженъ бы сражаться, которыхъ онѣ побѣдивши, долженъ бы караулить, и которые всегда заставляли бы его опасаться, что при успѣхахъ его они могутъ замедлить наступательныя дѣйствія его новыми мятежами, а при несчастіи истребить бѣгущее его войско. Въ обоихъ случаяхъ онѣ долженъ еще опасаться, чтобы южная Германія не освободилась отъ ига, между тѣмъ какъ онѣ воюетъ въ сѣверной. — Еслибъ напрошивъ того пойдешъ онѣ черезъ Южную Германію, то принудитъ тамошнихъ Рейнскихъ Государей поддержать войска его всѣмъ тѣмъ, что они могли бы еще выжать изъ несчастныхъ своихъ владѣній; онѣ принудитъ Австрію по крайней мѣрѣ къ неутралишесу, приблизившись къ ея границамъ, и угрожая каждую минуту перенести театръ войны внутрь ея

областей; дорогою не нужно ему будетъ ни сражаться, ни охранять охранныя войска. Не обнажая меча, онъ проникнетъ въ сердце Германіи, къ западнымъ предѣламъ Саксоніи, въ Турингію. Можетъ быть даже онъ захочетъ на одномъ изъ прежнихъ полей битвы, или гдѣ нибудь поблизости, вновь дать сраженіе, дабы воспоминаніями привести въ уныніе Германцовъ и одушевить свои войска. Безъ сомнѣнія, ещо было бы второе Росбахское сраженіе, а ошнудь не Іенское; но по крайней мѣрѣ, прешерпѣвши пораженіе, онъ былъ бы въ пылу обезпеченъ и могъ бы отступитъ свободно по своему желанію, ибо Французскіе гарнизоны въ Сѣверной Германіи помѣщали бы его преслѣдовать. Но въ случаѣ удачи, спѣшенныя въ Магдебургъ войска опять стали бы распро-спраняться по всѣмъ направленіямъ и проч. Поэтому кажется вѣроятнымъ, что Наполеонъ новое войско свое поведетъ, или пошлетъ черезъ Виртембергъ, Ваденъ, Баварію и Франконію — такъ я думаю.

Догадки частнаго человека, мало знающаго о происшествіяхъ, разумѣется, не къ чему иному служатъ, кромѣ того что бы занять частныхъ людей, которымъ печеніе дѣлѣ такъ же мало извѣстно. Но мы знаемъ достоверно, что побѣжденный Наполеонъ съ разбитыми своими Генера-

лами и новыми неопытными войсками
вспрѣвшись съ тѣми же привычными къ
штурамъ воинами, копорые побѣдили его,
съ воинами находящимися подъ предводи-
тельствомъ тѣхъ же Героевъ, копорые про-
никли и уничтожили планы его въ Россіи,
и принудили его бѣжать въ безпамятствѣ
изо всей силы отъ Москвы до Парижа.
Мы знаемъ, что съ ними вмѣстѣ рату-
ютъ храбрыя войска того народа, копорой
долженъ смыть на себѣ пятно долговремен-
наго и незаслуженнаго поношенія.

Какую бы онъ ни взялъ дорогу — онъ
идетъ къ своей гибели. Ура!

Палская Грамата о проклятіи Боналарта.

Наполеонъ увѣряетъ, будто бы онъ
заключилъ конкордашъ съ Папою; но
вообще люди, копорые должны знать
о семъ дѣлѣ, весьма въ томъ сомнѣ-
ваются. Къ Издашелю Рижскаго *Зри-
теля* прислана изъ чужихъ краевъ
для обнародованія слѣдующая Палская
Грамата на Латинскомъ языкѣ, ко-
торую онъ напечаталъ въ Нѣмецкомъ
переводѣ. Навѣрное полагать можно,
что достоверности сего акша не мно-
гими будетъ оспориваема.

Вѣрнымъ Хрістіанамъ Католической церкви во всей Европѣ цѣлованіе и благословеніе !

Господь и Искупитель нашъ Іисусъ Хріспосъ сѣ нѣкошораго времени предалъ церковь свою на искушеніе Князю злобы, смущающему хрістіанъ, обнажающему церкви, разрушающему храмы, изгоняющему Королей и правителей, безпрестанно воздвигающему брани между народами Европы, ругающемуся надъ людьми и разумомъ человѣческимъ и осквернившемуся мерзоспнѣйшими злодѣйствами. Онъ похипилъ у Насъ по наслѣдство, которе преемникамъ Св. Пепра законно принадлежитъ. Мы насильственно увлечены были опѣ нашего Апостольскаго сѣдалища, и утѣснены бѣдспвіями всякаго рода. Хопя же Мы прешерцѣбли многія сшраданія; однако ревность о благѣ церкви въ Насъ неизмѣнилась, ниже ослабѣла, но паче укрѣпилась и умножилась. Мы пренебрегли ихъ, ободряемые и утѣшаемые примѣромъ Святыхъ Апостоловъ, которые успояли прошивъ ужаснѣйшихъ гоненій, и на послѣдокъ скончали живоупъ свой мученическою смертію, Хріста ради. Никакія прошенія, никакія насильства не возмогли подвигнуть Насъ къ одобренію и оправданію срамныхъ, опврапительныхъ и безбожнѣйшихъ

дѣяній, которыя совершилъ Наполеонъ Бонапарть; и поелику Мы разсудили, великій вредъ наноситъ онъ церкви, нравамъ и обществу благодѣланію, давно уже ощутившиися отъ Хрїста, кляшвенно отъ него опречкись и приягнувши передъ хоругвою Магомета; по данною Намъ властію отъ всемогущаго Бога и Святыя Апостоловъ Петра и Павла, Мы въ 10 день Іюня 1809 года оплучили его отъ церкви, шоржеспвенно произнесли надъ нимъ проклятіе и обрели на всѣ несчастія нечестивую главу его, дабы власть его исчезла и возвращено было народамъ Европы шполь вождѣльное для всѣхъ спокойствіе. Мы нынѣ пребываемъ въ тяжкомъ и горестномъ зашоченіи, подобномъ тому, въ кошоромъ жилъ нѣкогда Св. Апостолъ Іоаннъ на островѣ Патмѣ. Но и сіе искушеніе не возмогло подвигнуть Насъ къ опреченію отъ священнаго нашего сана и попеченія о благѣ хрїстіанства, ниже къ перемѣнѣ, осужденія Сатаны, преданнаго на вѣчныя огненныя муки ада. Напрошивъ шого Мы во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ доказашъ опраемся непоколебимую нашу вѣру, наше пошпаніе Трїедиаго, и наше меупомимое попеченіе о церкви, и молимъ Бога избавитъ насъ отъ войнаго зла, неввести насъ въ прочія искушенія, и воздасть за смерть шполь многихъ хрїстіанъ,

копорыхъ оный Князь безбожный заклалъ на жертву гордынь своей и чесполобїю. Сею Граматою, копорая вездѣ въ Каполической Европѣ долженспвуетъ бышь напечатана, роздана, публично прочишана и выспавлена, повпоря произнесенное уже надъ Наполеономъ Бонапаршомъ оплученїе опъ церкви и проклятїе, Мы убѣждаемъ васъ во всѣхъ наводимыхъ опъ него искушенїяхъ пребышь швердыми и явишь мужество хрїсїанское. Не имѣйте вѣры къ писанїямъ, копорыя онъ объявляетъ за нашимъ рукоприкладствомъ; убѣгайте сообщенїя съ симъ антихрїстомъ; сопроти-вляйтесь злохитрымъ его намѣренїямъ; соединитесь съ прочими богобоязненными хрїсїанами для испребленїя его владычества; будьте храбрыми воинами о Господѣ; избавьте Насъ изъ нашего плѣна Вавилонскаго. Благословенїе чишающимъ сіе и шворящимъ по вышеписанному; имъ жизнь вѣчная и блаженная! Они освобождаются опъ всѣхъ грѣховъ; да чаютъ неуываемаго вѣнца на небѣ праведныхъ. Дана въ нашемъ започенїи, въ Фоншенбло, 1 го Февраля 1813 года.

Цала Цїй Седжїй.

И. Ц.

Извлеченіе изъ статьи Вестфальскаго Монитера съ замѣчаніями.

Вестфальскій Монитеръ, или правильнѣе *Menteur*, неуступающій въ безстыдствѣ Парижскому, незадолго передъ симъ провозгласилъ весьма любопытныя новости слѣдующаго содержанія :

„Подлые наемники Россіи и Англійи спарашающя ложными извѣстіями и коварными прокламаціями направивъ къ заблужденію общеспвенное мнѣніе.“

Только Французскія головы до сего времени способны и удобны были невѣроянно живыми извѣстіями и злоковарными, сапанинскими прокламаціями направлявъ къ заблужденію общеспвенное мнѣніе. Всѣ же другія по тупоспи своей вовсе неумѣютъ лгать споль безстыдно, а особливо передъ милліонами очевидныхъ свидѣтелей. Въ изданныхъ до нынѣ описаніяхъ величественнаго боковаго похода большой арміи нѣтъ даже и половины тѣхъ ужасовъ, которыхъ очевидными зрителями были всѣ Прусакіи.

„Россійское Правительство, на нѣсколько минушъ“

Минушы сїи преврапились уже вѣ мѣ-
сяцы.

„освободившееся отъ угрожающей ему опас-
ности, посредствомъ пѣхъ случаевъ, ко-
торыхъ ни храбросшь, ни искусство пре-
одолѣшь не могушь,“

Жалко слушаешь однѣ и пѣ же нелѣпныя
басни, будто Французскія арміи по-
бѣждены единственно холодомъ. Какъ
будто никто не знаетъ, что Наполео-
новы войска, еще за нѣсколько недѣль
до наступленія морозовъ, ослабленные
голодомъ и уныніемъ, были Рус-
скими, попомъ раздѣленный на малыя
полпы оспаковъ ихъ голодомъ же до-
веденъ былъ до крайняго изнеможенія,
на послѣдствѣ уже, къ довершенію не-
счастія, застигнушь морозами! Развѣ
спужа минувшей зимы была несноснѣе
шой, копорую Французы въ Москвѣ,
Пешербургѣ и другихъ городахъ Рус-
скихъ живущіе переносятъ привыкли?
Развѣ большая армія, желающая по-
бѣждать всегда и безпрестанно, въ
теплыхъ избахъ Русскихъ, копорыя
можно бы еще жарче напавливать по-
жашыми лаврами, не нашла бы защи-
ты отъ Русскаго холода, когда бы хра-
бросшь или искусство Французскаго
Императора предохранили ее отъ щпы-

ковъ и пуль Русскихъ? И какой же еще долженъ быть случай, прошивъ копораго не въ состроянїи помочь ни храбрость, ни искусство? Не пошъ ли развѣ, что Наполеонъ, слишкомъ избалованный до нынѣ служившимъ ему счастьемъ, надѣясь запугать нечаянноспїю, опдалилъ войска свои на сто миль отъ магазиновъ, и погналъ ихъ въ Москву по шакой дорогѣ, гдѣ нельзя было разбойнически промыслишь досшашочнаго количества свѣспныхъ припасовъ и фуража; и когда въ опустошенной Москвѣ не могъ онъ негодующимъ войскамъ своимъ доставить общаннаго довольства и спокойствїя, то принужденъ былъ вести ихъ опять по той же дорогѣ обратно къ магазинамъ, и опять безъ свѣспныхъ припасовъ? Очень справедливо, что сей новый Цезарь самъ довелъ себя до шакого состроянїя, что ни храбрость его, ни искусство немогли уже онаго поправить,

„Русское Правительство объявляетъ теперь о мнимыхъ побѣдахъ своихъ со всею живою гордоспїю безсилїа.“

Но за то уже, какъ всякому извѣстно, Французское правительство испинныя побѣды, одержанныя болшюю армією на пуши отъ Москвы

за Эльбу, объявляешь со всѣмъ правды-
вымъ смиреніемъ всемогущества.

„Оно забываетъ, что тысячи“

Тысячь не болѣе десяти, оставшихся
отъ четырехъ сотъ.

„съ совершенною достоверностію“

То есть съ самымъ наглымъ безстыд-
ствомъ.

„могушь засвидѣтельствовать, что Рус-
скіе съ самаго начала войны ни на одномъ
мѣстѣ въ землѣ своей силою оружія не
одержали значительной выгоды;“

Выгода отъ того конечно не велика,
что рѣки запружены Французскими
штурами, и воздухъ заразился ими.

„но вездѣ были поражаемы.“

И такъ Французы вездѣ поражали
Русскихъ, и всегдашними побѣдами сво-
ими купили себѣ, вмѣсто покойныхъ
зимнихъ кварширъ и магазиновъ, ужас-
нѣйшее и постыднѣйшее бѣгство, ка-
кому въ Исторіи нѣтъ примѣра?

„Гордясь добровольнымъ отступленіемъ ар-
мій,“

Добровольнымъ? Правда, кому не хо-
тѣлось умереть съ голоду, или убиту

бышь въ Россіи; пошъ *добровольно*
бѣжалъ неоглядываясь.

„коя одинъ видъ принудилъ ихъ къ оп-
„сшупленію ,“

Никшо и неспоришь, что репирующая-
ся армія бѣдспвеннымъ видомъ своимъ
возбуждала въ каждомъ сердцѣ человѣ-
ческомъ павой ужасъ, что нельзя бы-
ло долго смощрѣшь на нее.

„и для сопрощивленія коей они могли упо-
„срещишь только опчаянныя средства ди-
„кихъ, сожженіе полей и большихъ горо-
„довъ и собсшвенное разореніе ,“

Да, упоминаемые здѣсь дикари непохо-
дятъ человѣколюбіемъ своимъ на Фран-
цузовъ, которые при Лудовикѣ XIV
спарались спасти себя сожженіемъ
сла городовъ и мѣстечекъ. Русскимъ
бы надлежало поспѣшитъ на встрѣчу
къ врагамъ своимъ съ припасами вся-
каго рода !

„щеславящяся своимъ мужеспвомъ. При
„семъ переходѣ опъ мучительнаго спраха
„къ чрезвычайной слѣпой радости, они
„мечтающъ въ невѣжеспвенномъ своемъ
„манѣ, будто Европа незнаешъ истинной
„причины побѣдъ ихъ,

Какъ! Въ самомъ дѣлѣ побѣдѣ? Надъ непобѣдимыми? Чшожь касается до истинной причины, по невѣжественная Европа думаетъ найши ее въ томъ, что съ одной стороны было войско соспавленное изъ людей, насильственно пригнанныхъ на убой, привыкшихъ къ довольству и брошенныхъ безъ всякаго призрѣнїя; а съ другой стороны былъ цѣлой народъ, возставшій по воззванію законнаго своего Государя и движимый свободною рѣшимельностію пролишь послѣднюю каплю крови за олтари свои и дома, за женъ и дѣшей своихъ, за честь и независимосшь націи.

„и что Германія, пренебрегши долгъ своего сохраненія, будетъ гошова помогашъ имъ противу самой себя.“

Не уже ли надобно думать о Нѣмцахъ, что они еще долбе рабски терпѣли бы кровопійство Французовъ? Нѣмцы! можно ли снесши такое поруганіе?

„Они говорятъ симъ языкомъ съ шѣмцъ храбрыми, прилѣжными Нѣмцами,“

Какой Нѣмецъ не сторитъ отъ стыда, слыша похвалу себѣ, изъ шѣмцъ устъ произносимую?

„сѣ такою нацією, которая подѣ опеческимъ правительствомъ“

Опеческимъ было оно прежде; но послѣ поставили надѣ Нѣмцами вмѣсто родныхъ опцовъ, злыхъ вопчимовъ, или первыхъ разными способами принудили жѣстко поступать сѣ дѣльскими своими.

„незнаешь никакого рабства;“

Кромѣ самаго несноснѣйшаго и постыднѣйшаго служенія Французамъ.

„гнушается всякимъ варварствомъ“

А наиболѣе варварствомъ Французовъ, которые сладкими словами о счастіи, лицемѣрнымъ языкомъ произносимыми, увеличивающъ мѣру бѣдсвѣй народныхъ.

„и на своей землѣ наследственной мирно произрастающъ всѣ цвѣтшы высшей образованности.“

Только цвѣтшы, а не плоды, по милости Французовъ. — Но пора уже остановить шокъ краснорѣчя, люющагося избѣндръ Вестфальскаго *Мантера*.

(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

У. С М Ъ С Ъ.

Ловля дикихъ свиней на островѣ Суматрѣ.

(Описанная Г. Джономъ, Траинкеборскимъ мис-
сіонеромъ.)

Королевство Сіаква, на островѣ Сума-
трѣ, лежитъ противъ береговъ полуостро-
ва Малакского, у пролива того же имени.
На семъ островѣ есть два рода дикихъ
свиней: однѣ живутъ въ лѣсахъ; мясо ихъ
очень вкусно, однакожь онѣ рѣдки; другія
укрываются въ болотахъ и кустахъ не-
проходимыхъ, на самыхъ берегахъ моря, а
питаются раками и зореньями. Онѣ мало-
рослѣ Европейскихъ свиней; шерсть ихъ
цвѣтомъ сѣрватая; и онѣ переходящѣ
изъ мѣсна въ мѣсто многочисленными
стадами.

Ихъ ловятъ тамошніе жители, назы-
вающіеся на ихъ языкѣ *Салелитями*.
Сей народъ языческій, статнае и тѣломъ
блѣде магомешанъ; женщины ихъ, прекра-
сныя лицомъ, долго сохраняющѣ красочу

евою, такъ что въ сорокъ лѣтъ онѣ кажутся еще молодыми красавицами. Достоинно замѣчанія, что *Салелияцы* имѣють шолько, по одной женѣ и подвергаются презрѣнью другихъ, которые слѣдуютъ *Поллигаміи*. Сіи послѣдніе не шолько не позволяють имъ жить въ одномъ мѣстѣ съ собою, но даже не допускають ихъ къ себѣ близко, и бѣдные Салешинцы, принужденные искать убѣжища на нѣблжихъ судахъ, покрытыхъ рогожами; обитають болѣе на морѣ нежели на землѣ. Однакожь ихъ участь и жестокость союзничей смягчились съ нѣкотораго времени. Они любятъ Голландцевъ, которые продають имъ водку, и боятся Маланскихъ разбойниковъ, которые разбѣвая по морю, уводятъ ихъ въ плѣнъ. При нападеніи сихъ послѣднихъ, они защищаются храбро и владѣють копьемъ, которое мечутъ въ дѣль такъ искусно, что на великомъ разстояніи попадають въ рыбу, плавающую на поверхности моря. Во время войны они напираютъ лезвее оружія своего оспрымъ сокомъ ила; отъ чего рана дѣлается весьма опасною.

Другіе Салешинцы обитають на нѣблжихъ островахъ Симкапурскаго пролива, но они менѣе образованы народовъ, живущихъ въ окрестностяхъ Сіаквы; и когда съ ними встрѣчаются Португальскіе или другіе

рыбаки, они поступаютъ съ ними также какъ. Европейцы съ жишелями береговъ Африканскихъ, уводя ихъ съ собою, и продавая въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ шоргуютъ невольниками.

Салешинцы ирываютъ, или справедливо ловятъ дивихъ свиней въ то время, когда сіи звѣри, по естественному побужденію, переплываютъ снадами отъ одного берега ими опущеннаго къ другому менѣе щещему, по рѣкѣ Сіакѣ, къ ея устью, гдѣ она имѣетъ полшоры мили ширины.

По обонянію Салешинцы узнаютъ о приближеніи свиней, хожя ихъ и не видятъ. Тогда подають сигналъ; суда всѣ сближаются; по берегу пускають собакъ, которыя приводятъ ихъ въ робость своимъ лаемъ, и не допускають до жаберныхъ вустовъ, откуда ничто выгнать ихъ не можетъ. Спрое и полкъ сихъ плавущихъ свиней представляеть любопытное зрѣлище. Онѣ плавутъ длинными и правильными рядами тѣсно сдвинутыми; передовыми идутъ самцы, за ними самки, а назадъ дѣшій; каждая изъ нихъ опираетъ рыломъ на хребетъ плавающей передъ нею.

Ловцы, мужчины и женщины, подплываютъ къ нимъ на мѣлкихъ и плоскихъ

судахъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи они перекидываютъ черезъ ихъ дорогу большія циновки, сплетенныя изъ листьевъ растѣнія *randamiz odoratissima*. Передовыя свиньи, которыя тогда спараются сворѣ плыть, чтобы ускользнуть отъ сѣней, запуская ноги въ циновкахъ, и не могутъ плыть далѣе. Остатокъ стада, не пугаясь, останавливается на своемъ мѣстѣ; никто не прогнётся. Тогда начинаютъ нападеніе съ флангу: мужчины гребутъ скоро и сильно; а женщины, вооруженныя длинными копьями, колютъ ихъ сплошно, сколько могутъ, и даже мешаютъ копья вдаль на 30 или 40 шаговъ, съ удивительнымъ искусствомъ попадая въ цѣль почти всякой разъ.

Какъ нѣтъ возможности накидать столько циновокъ, чтобы остановить весь передовой строй, часть свиней уходитъ и въ порядкѣ доплываетъ до берега, гдѣ надеется найти болѣе корму. Такимъ образомъ онѣ спасаются отъ гибели до того времени какъ по размноженіи ихъ племени и по истощеніи корма принуждены бывающъ снова отправляться въ походъ въ другія обильнѣйшія берега.

Убитыя свиньи плаваютъ на поверхности воды. Потомъ ихъ собираютъ и загружаютъ ими другія на это приготовленныя суда. Магомешаке не покупающъ

сего шовара; ибо вбра ихъ запрещаетъ имъ свиное мясо; но при случаѣ опускаютъ жилища Салешинцевъ, расхищаютъ ихъ имѣніе, и не рѣдко убиваютъ ихъ съ младенцами; ибо, по ихъ мнѣнію, чѣмъ меньше оспаешся на землѣ сихъ невѣрныхъ бдунновъ запрещеннаго мяса, тѣмъ лучше. Салешинцы неимѣютъ сколько силъ и способовъ, чтобы отражать ихъ нападеніе и пришествіе.

И такъ послѣдніе продаютъ свою добычу Кипайцамъ; а Кипайцы, издавна поселившись на полуостровѣ Малаки, платятъ около одного пѣспра за каждаго звѣря, имѣющаго полтора дюйма жиру или сала. Чего не лзя продать, то разрѣзываютъ Салешинцы на мѣлкія части, и кормятъ ими собакъ, леумба вброшно заготовляютъ въ провъ сего мяса. Вынутое сало переносятъ на неизвѣстные берега, гдѣ скрытно отъ магометанъ топятъ его и складываютъ въ глиняные сосуды, называемые *боранами*, которые дѣлаютъ въ Сіамѣ; потомъ отвозятъ сало на продажу Кипайцамъ. Бѣдные люди употребляютъ его вмѣсто коровьяго масла; а грубыя подонки горятъ въ лампадахъ, шанже вмѣсто масла.

Изъ мѣст. Журн. В. И.

Внутреннія извѣстія.

Въ прибавленіяхъ къ С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ публика часто извѣщается о пожертвованіяхъ, вносимыхъ въ книги Папечинцевъ *Сословія приязнѣя разоренныхъ отъ непріятелей*. Щедрія привощенія чело- вѣколюбивыхъ благотворителей по всей вѣ- роятности сославятъ сумму весьма значитель- ную, и можетъ быть достапочною для оказа- нія помощи всѣмъ поспрадавшимъ. Между пре- чимъ въ книгѣ г. Оберъ Шенка Графа Голови- на записано слѣдующее: „Получено по распо- ряженію Великобританскаго Посла, посред- ствомъ Англійскаго Консула г-на Велли, въ число 200 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, кои Великобританскимъ Парламентомъ назначены въ пособіе жителямъ города Москвы и дру- гимъ, отъ непріятеля прешерившимъ, 1,044,572 рубл. 70 коп.

— Читай. въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ объ- явленія разныхъ С. Петербургскихъ банкировъ, которые просятъ извѣстить ихъ о мѣспо- пребываніи плѣнныхъ Французовъ и другихъ націй военярослужителей, Наполеономъ обре- ченныхъ на жертву своему властолюбію, не- лзя не замѣтить между прочимъ, что день- ги присылаются изъ чужихъ краевъ часто къ рядовымъ солдатамъ и унтеръ-офице- рамъ. Это значитъ, что родители сихъ не- счастливыхъ суть люди достапочные и при- надлежатъ къ вышему классу. Каково было имъ видѣть, когда дѣшею ихъ, не смотря на породу, на воспитаніе, на образъ жизни, хватали насильно и записывали въ рядовые солданы, потому только что онѣ

здоровы и красивы собою, и для того единственно чтобы въ отдаленныхъ краяхъ обременить ихъ всѣми бѣдствіями войны для приобращенія всемірнаго престолонаследника наглагому удалцу и пройдохѣ!

— Въ бытность Наполеона въ Москвѣ одинъ Польской Генералъ, который выдавалъ себя великимъ знатокомъ въ нашей исторіи, сплелъ ему басню, яко бы по старинному преданію Русскіе вѣрили, что пока будетъ стоять крестъ на Иванѣ Великомъ, до тѣхъ поръ Французы не могутъ овладѣть Москвою. Наполеонъ имѣя довѣріе къ вождамъ и гаданіямъ всякаго рода, любя шлоковать сны, и самъ будучи охотникъ пророчествовать, вздумалъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, прислать Россіянъ въ ихъ легковѣріи и велѣлъ снять крестъ съ Ивана Великаго.

Заграничныя извѣстія.

Журналъ Имперіи увѣряетъ, что нынѣ восстановлено и утверждено вождедѣннѣйшее и совершеннѣйшее согласіе между Папскимъ престоломъ и старшимъ сыномъ цезаря (блуднымъ сыномъ), и что силою новаго священнаго сопряженія обезпечено прочае пребываніе Галликанской церкви на матернемъ лонѣ церкви Римской. Сими словами изображающа нынѣшнее отношеніе между Бонапартомъ и Папою. Но кто повѣритъ имъ? Можетъ ли Свяшій Отець позабыть нанесенныя ему оскорбленія? и кто за-

хочешь положишься на мнимую прочность мнимаго договора, когда извѣстно, что Наполеонъ играетъ всѣми договорами, какіе ни подписывалъ во время своего ширанства? Сего дня утверждаетъ онъ спашьи, кошорыя завтра нарушаетъ, побуждаемый въ обоихъ случаяхъ или ненасытнымъ властолобіемъ, или общенымъ приспращіемъ къ корысти. Еслибъ при учрежденіи такъ называемаго Рейнскаго Союза ктонибудь изъ Государей, къ оному принадлежащихъ, спросилъ Наполеона о знаменованіи шипла *Протектора* или *покровителя*; не сказалъ ли бы въ отвѣтъ Наполеонъ: „Протекторъ есть такая особа, кошорая будетъ защищать васъ и земли ваши, а кошорая не потерпитъ, чтобы кто-либо дерзнулъ обижать васъ!“ Но кослъ пришло ему въ голову, что Оденбургъ есть область довольно хорошая, и что ея можно воспользо-ваться; вздумалъ — и присвоилъ себѣ чужое.

— Сдѣлаемъ опытъ, не удастся ли перевести одного краснорѣчиваго періода о конкордатѣ. „Сей безсмертный памятникъ высочайшей мудрости долженствуетъ въ нашихъ альбописяхъ безпрерывными восклицовеніями, потомства сопричиенъ быть къ величайшимъ „благодѣяніямъ правительства, кошорое въ „бышописаніяхъ Европы основало новое „счисленіе славы!“ Столько великолѣпнаго вздору, столько подлаго ласкательства! и для чего? Въ мнимомъ конкордатѣ ничего почти не содержится; кромѣ обоюднаго условія и общанія впредь о чемъ-то договориться! и это мнимое постановленіе о будущемъ какомъ-то договорѣ называюшъ *памятникомъ высочайшей мудрости!* Французы! кто болѣе

достоинств жалости: вы сами, или тѣ копорые насъ почитаютъ умниками?

— Президентъ законодательнаго собранія и Наполеонъ 23 Марша опять имѣли случай блеснуть ораторскими своими талантами. Первой увѣрялъ, что разные народы Имперіи соревнуютъ между собою въ усердіи и преданности къ Наполеону, и что неуспрашася никакихъ пожертвованій, дабы удержатъ при союзникахъ шопъ перевѣсъ, которой имѣ доставленъ, и такъ далѣе. Второй успокоилъ слушателей вразсужденіи своей особы, и сказалъ, что Французы любятъ его, что онъ возведенъ на пронъ Провидѣніемъ и *волею народа*, что скоро самъ побѣдетъ въ армію, надѣлаетъ множество чудесъ и ш. д. Между прочимъ достопамятны слѣдующія слова, имъ произнесенныя: „Какъ скоро имѣть будемъ спокойную минушу отъ заботъ военныхъ; шо призовемъ васъ и знатнѣйшихъ чиновниковъ Имперіи для присутствованія при коронаваніи Императрицы, возлюбленной супруги нашей, и наследнаго Принца, Короля Римскаго.“ Почемужъ не слѣшитъ онъ совершитъ сего торжественнаго обряда, о которомъ хлопоталъ такъ много, и которымъ хотѣлъ, кажется, польститъ одной державѣ? Видно есть важныя препяшства.

— Наполеонъ опять взялся за старое; опять пошли рассказы о погодѣ. Красное солнце обыкновенно всякой разъ сілетъ при появленіи Бонапарта. — Такъ увѣряютъ въ Монистерѣ. Независпно только, Бонапартъ ли выходитъ въ ясную погоду; или небо проясняется при появленіи Бонапарта. Во время боковаго мар-

ша изъ Москвы въ Парижъ въ прошломъ Ноябрьѣ солнце также украшало сідніемъ своимъ знаменитое сіе опсшупленіе.

*

Въ Берлинѣ съ большимъ нетерпѣніемъ дожидались извѣстій, какимъ образомъ Наполеонъ спанетъ опзыватьсѣ о правительствѣ Прусскомъ послѣ происшедшей перемены въ политическихъ его отношеніяхъ. Ругательства, изрыгнутыя противъ Генерала Йорка, заставляли ожидать еще большихъ противъ Короля и Королевства. Несмотря на то, Наполеонъ ни одного слова невыпустилъ о поведеніи Фридриха Вильгельма, и въ кабинетѣ Тюльерійскомъ по сему предмету царствовало глубокое молчаніе. Наполеонъ по видимому старался даже избѣгать всякихъ о томъ извясненій, и пришиворался, будто ничего неведаетъ о происходящемъ въ Пруссіи. На конецъ рѣшился онъ прервать шайншвенное молчаніе, и коснулся до сей спруны какъ будто мимоходомъ. Въ одной длинной спашьи 18 Марша, запечатливкой официальной достовѣрностію и предназначенной для объявленія свѣсту о расположеніи Французскихъ армій въ сѣверной Европѣ, упоминаюто слова два о Пруссіи, но такъ какъ будто бы сіе Королевство неимѣло никакихъ отношеній къ нынѣшнему состоянію военныхъ дѣлъ Франціи. Вошъ точныя слова: „Пруссія теперь достпалась въ добычу тѣмъ же парніямъ, которыя были въ ней до войны 1806 года.“ Въ цѣломъ продолженіи спашьи сей не примѣтно ниже признаковъ, чтобы Пруссію бранили, или были бы ею недовольны. Правда что упоминается о Генералѣ Вилловѣ, которой пропустилъ черезъ Одеръ Русскую легкую конницу, и которому не при-

писывающъ похвалъ за сей поступокъ ; одна-
кожь и шупъ несказано ничего оскорби-
тельного.

Но кто захотѣлъ бы опровергать хва-
спливое пустословіе , которымъ спашья сія
наполнена ; шопъ принялся бы за работу Да-
наидъ. Довольно замѣтитъ , что положеніе
дѣлъ надъ Вислою , надъ Одеромъ и надъ Ель-
бою совсѣмъ не шаково , какимъ оно въ ешой
официальной спашьи представлено. Тамъ обь-
явлено между прочимъ , что при вышупленіи
Французовъ изъ Берлина шолько между чернью
оказались нѣкошорые безпорядки , похожіе на
недоброхотство противъ великой націи , но
что городская гвардія вела себя прекрасно. Въ
ешомъ замѣчается маленькая погрѣшность :
повсемѣстныя вооруженія и добровольныя по-
жертвованія въ Пруссіи даютъ причину дога-
дываться , яко бы не шолько всѣ жители Бер-
лина , но чупья и не всѣ жители Королев-
ства равно ненавидятъ Французское шран-
ство.

— Время , должествующее низпровергнуть
зладычество Французское въ сѣверной Герма-
ніи , кажется , ускорило полетъ свой. Очеви-
дно , что насупленія Морана , Давуста и Бо-
гарнеса были произведены по одному плану :
ешо послѣднія судороги Наполеонова монуше-
ства , которое опѣ нихъ не шолько не укрѣп-
ляется , но еще болѣе слабѣетъ и скорбе при-
ближается къ своему конечному разрушенію.
Чернышевъ и Дерембергъ уклонившись опѣ
превосходнѣйшаго въ силахъ Давустова кор-
пуса , испребили Морана (*), и въ глазахъ

(*) Извѣстно , что Моранъ тяжело раненый
въ сраженіи при Люнебургѣ , умеръ въ Бой-

Маршала переправились обратно через Вльбу со всею добычею побѣды. Онъ слѣдуетъ за ними; но цѣль сего похода недостигнута, и вся выгода, какую только получишь онъ можетъ отъ сего наступленія, должна состоять въ томъ, что онъ сдѣлаешь свое имя еще болѣе ненавистнымъ новыми жестокостями въ Люнебургѣ, и бѣгство будетъ для него еще опаснѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что Россійско-Прусскія войска двинутся противъ него изъ Берлина, между тѣмъ какъ 6000 Шведовъ черезъ Мекленбургъ, а съ претей спороны Чернышевъ и Деренбергъ притиснутъ его, и будутъ преслѣдовать до Везера, гдѣ ожидаютъ его новыя хлопоты отъ вооружающихся жителей. Обратимся къ Вице-Королю: бывъ разбитъ корпусомъ Витгенштейна, онъ не посмѣлъ спастись въ Магдебургъ; а слѣдственно и на открытомъ полѣ не устоитъ противъ гонящихъ его побѣдителей. Такимъ образомъ окрестности Магдебурга, подобно другимъ крѣпостямъ осажденнымъ, будутъ служить до времени мѣстомъ воинскихъ управ-

денбургъ въ плѣну у Русскихъ. Корпусъ его испребленъ весь до послѣдняго человѣка; оставшіеся въ живыхъ 2653 человѣка препровожжены уже черезъ Берлинъ далѣе къ Колбергу. Не смотря на то, въ Бременѣ и Везелѣ *набожныя* Французы пѣли благодарственный молебенъ за одержанную побѣду. Эта смѣшная оцибка произошла конечно отъ страха и поропливости; надлежало бы отслужить не молебенъ, а панихиду за упокой грѣшныхъ душъ Морана и его сподвижниковъ. Но что нужды? пускай Французы дурачатъ себя передъ глазами цѣлаго свѣта!

женій для милиціи, между тѣмъ какъ война пройдетъ мимо въ Гарцъ и въ Ганноверъ, и ополченныя силы побѣдителей подкрѣпляютъ шамошніе народы въ ихъ мужественныхъ предпріятіяхъ. Далѣе къ югу, Блихеръ стоить съ корпусомъ своимъ въ Хемницѣ; большая Россійская армія перешла черезъ Шлезію; все показываетъ, что скоро и Австрійскія войска двинутся изъ Богеміи къ Франконіи и Баваріи. При каждомъ шагѣ силы Русскихъ и Нѣмцовъ возрастаютъ; каждой дневной переходъ Французовъ, при ихъ отступленіи, умножаетъ причины, которыя на послѣдокъ вытѣснятъ ихъ за Рейнъ, и шамъ неоспаиватъ ихъ въ покоѣ.

Ежели Саксонскій Король, въ чемъ и сомнѣваться не должно, возьметъ сторону Германскаго опечества, то тѣмъ облегчитъ покореніе крѣпостей Прусскихъ, Варшавскихъ (*) и Саксонскихъ. Почти въ каждой изъ нихъ часть гарнизона составляютъ Саксонцы, которые изъ защитниковъ сдѣлаются неприятелями Французовъ, лишь только узнаютъ о перемѣнѣ въ расположеніяхъ Короля, своего Государя. Торгау охраняется одними Саксонцами; въ Випшенбергѣ находишь 6,000, а въ Магдебургѣ 8,000 человекъ всего и съ Саксонцами.

Въ Шлезіи, равно какъ незадолго передъ симъ въ Пруссіи, составляется конная полкъ національной, въ которой записываются многіе Австрійцы, приверженные ко благу Германіи.

Въ Мекленбургѣ ожидаютъ прибытія 25 тысячнаго корпуса Шведовъ, предводитель-

(*) Торнъ и Ченстоховъ взяли и безъ того.

спзуемыхъ самимъ Наслѣднымъ Принцомъ. Въ Спралзундѣ приготоовлено чѣтырнадцать канонерныхъ шлюбокъ Шведскихъ, назначенныхъ для подкрѣпленія осады Шпешпина. Шведское Правительство въ Помераніи объявило, что мирный прахтатъ, заключенный въ 1810 году между Швеціею и Наполеономъ, уничтожается, и что всѣ помѣстья, которыя Наполеонъ раздарилъ было, или распродалъ, поступаютъ обратно въ казенное вѣдомство.

Хотя еще не объявлено о мирѣ между Великобританіею и Даніею; однакожь расположение послѣдняго Королевства открывається въ изданномъ повелѣніи, чтобы Голстинскія начальства признавали законными вновь учреждаемыя Нѣмецкія правительства въ Гамбургѣ и въ Любекѣ.

Въ *Парижскомъ Журналѣ* (Journal de Paris) напечатана таинственная статья слѣдующаго содержанія: „Маршалъ Журданъ все неожиданнымъ для него образомъ призванъ былъ на очную ставку съ некоторымъ другимъ Маршаломъ, и сіе изслѣдованіе довело до такихъ открытій, о которыхъ на сей разъ молчать насъ заставляють благоразуміе и осторожность.“ — Англійскіе же листки, по частнымъ извѣстіямъ, объявляютъ, что Маршалъ Журданъ взявъ подѣ стражу, и что 13го Февраля было въ Гарлемѣ возмущеніе по поводу конскрипціи. — Генералъ Кара Сенъ-Сиръ, по приказанію Наполеона, взявъ и отправленъ за варауломъ въ Везель. Въ Генуѣ открытъ заговоръ и пятеро изъ патриотовъ уже казнено — Въ Бременѣ Генералъ Вандамъ расстрѣлялъ двухъ Нѣмцовъ, чировниковъ Оденбургскаго Герцогства.

Упомянутый Вандамъ объявилъ въ ошданномъ 3 Апрѣля приказѣ въ городѣ Бременѣ, что обстоятельство заставляющъ его принять чрезвычайныя мѣры, и въ заключеніи сказалъ о себѣ между прочимъ, что онъ *добръ отъ природы, справедливъ по привычкѣ,* но что *по должности будетъ ужасенъ.* Этошъ доброй и справедливой Генералъ Вандамъ, передъ симъ за шестнадцать лѣтъ *своими руками* совершилъ смертную казнь надъ шрема эмигрантами передъ споявшимъ въ строю войскомъ. По новѣйшимъ извѣстіямъ онъ публично замучилъ не двухъ но *двадцать пять* благороднѣйшихъ патриотовъ. Имѣлъ ли Бонапарть какое нибудь право на городъ Бременъ? Такъ разбойники, вломившись въ домъ, принуждающъ хозяевъ оказывать себѣ рабскія услуги, а потомъ убивающъ ихъ, лишь только примѣшашъ, что къ нимъ идущъ на помощь.

Вестфальскій *Мониторъ* побилъ Русскихъ на голову гдѣ-то при Вербенѣ, и потопилъ два корабля съ козаками. Храбрый издатель сего журнала называется Мургардомъ, и есть та самая особа, которая сочинила и напечатала въ двухъ Томахъ описаніе Констанцинополя, ошъ роду невидавши сего города.

— По замѣчанію *Зрителя*, во многихъ Нѣмецкихъ газетахъ Французскіе Генералы все еще называются смѣшными шиплами, пожалованными имъ ошъ Наполеона. Это дѣлается конечно безъ намѣренія; однакожь неосторожность Издателей имѣетъ неурятныя и даже вредныя слѣдствія. Наполеонъ Бонапарть,

нарушившіи всѣ пракшаты, самѣ уничтожилѣ предоставленныя ему оными права и земля. Почему и для чего можешѣ онѣ жаловатѣ въ Князья, да еще и съ адскимѣ намѣреніемѣ оскорблять прочія Державы? Еслибѣ на примѣрѣ, Король Прусскій возвелѣ кого либо въ достоинство *Герцога Парижскаго*; не уже ли Французскіе Журналисты въ правду спалибы упошребляющѣ сей шипулѣ, говоря объ особѣ, кошорая бы его имѣла? Пускай себѣ въ одной Франціи по волѣ Бонапарша называютѣ поварницей его, какѣ ему угодно, пока несчастная земля сія находится подѣ ширанскимѣ ягомѣ.

„Князь Долгорукій“ — такѣ писали недавно изѣ Копенгагека — „всѣхѣ сердца къ себѣ привлекаетѣ. Невозможно было выбрать лучшаго дипломатическаго Чиновника. Нынѣ опять оживаетѣ надежда, что мы небудемѣ имѣть причины стыдиться, не будемѣ содѣйствовать исполненію гнусныхѣ плановѣ Наполеоновыхѣ. Всѣ Данчане ревностно желаютѣ присоединиться къ сторонѣ справедливой. Нескрываемѣ, что здѣсь долго не могли принять швердой рѣшительности. Одно обстоятельство на конецѣ дало надлежащій ходѣ сему дѣлу. Когда всеобщій опустошитель въ упоеніи гордыни своей шелѣ въ Россію, дабы и шамѣ воздвигнушѣ памятники своего посрамленія; то онѣ надѣялся Наслѣднаго Принца Шведскаго привлечь на свою сторону обѣщаніемѣ отдать ему Финляндію. Когдажѣ потомѣ конница его спѣшилась, нѣхота лишилась ногѣ, артиллерія очутилась подѣ ногами, а Данія все еще непосылала къ нему собранныхѣ

войскъ своихъ и нехотѣла включить ихъ въ списокъ неопряжныхъ живописныхъ (*); тогда Наполеонъ снова обратился къ Шведскому Кронпринцу, и уже сулилъ ему — Норвегію. Скоро по прибытіи сюда Князя Долгорукаго приѣхалъ и Графъ Мернеръ изъ Швеціи, и обнаружилъ оный вѣроломный поступокъ. Такое опроверженіе заспавило наше правительстворѣшишься. Еслибъ мы видѣли, что Наполеоновъ чудесный геній и его страшное могущество шѣмъ только и держался, что онъ для своихъ плановъ употребляетъ презрительнѣйшія средства, которыми душа истинно великая и всякой даже честной человѣкъ гнушается, и которыя только разбойническому ашаману приличны; то должны бы напередъ предусмотрѣть, какую онъ готовитъ награду за нашу къ нему привязанность. Но въ продолженіе ешой двадцатилѣтней тревоги мы совсѣмъ было потеряли разсудокъ, и глаза на-

(*) Свиней. Послѣ многихъ кровопролитныхъ ошибокъ посланъ былъ одинъ Русской Чиновникъ для переговоровъ въ главную Французскую кварширу. Наполеонъ говорилъ о множествѣ убитыхъ со стороны Русскихъ. Чиновникъ представлялъ ему, что и потеря Французовъ весьма значительна. Чтожъ Наполеонъ? Онъ сказалъ: „Когда на вашей сторонѣ падаетъ пять человѣкъ, то вы лишаетесь пятерыхъ Русскихъ; напротивъ того въ числѣ пяти моихъ убитыхъ надобно полагать *одного* Француза и *четырехъ* свиней.“ — Вотъ почетное имя, которымъ Наполеонъ награждаетъ союзныя войска, проливающія за него кровь свою!

Кеннзсб. Вѣд.

ши были сомкнуты: теперь, благодаря Бога, они открыты; теперь все народы Европы с братским единодушием возстали для истребления всеобщаго кровопийцы.“

Графъ Карлъ Молтке отправился 2 го Апрѣля (н. с.) въ главную Россійскую квартиру. Графъ Іоакимъ Берншорфъ, назначенный быть посломъ при дворѣ Великобританскомъ, готовился къ отбѣзду въ Лондонъ. Къ возобновившимся неприятелискимъ дѣйствіямъ между канонерными ботами въ Зундѣ поводомъ послужили нѣкоторыя недоразумѣнія. Есть надежда, что свободное мореплаваніе скоро возстановится.

Въ Константинополѣ получено извѣстіе о взятіи Турками у Вехабитовъ и другаго священнаго града, Мекки. Султанша, мать рожденнаго за полтора года передъ симъ Принца Мурада, опять разрѣшилась отъ бремени. Новорожденному наследнику престола дано имя дѣда его Абдуль-Гамида.

5 Мая.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 7 и 8.

А П Р Ъ Л Ъ 1813.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

О Гуннахъ и о преселеніи народовъ (*).

Конспаншинъ, сыны его и преемники вели продолжительныя и шаякїя войны съ Германцами на Рейнѣ и на Дунаѣ. Иногда сіи опношенїя перемѣнялись, и за кровопролишными бранями часто слѣдовали дружба,

(*) Изъ Исторической карманной книжки на 1813 годъ (печаш. въ С. Петербургѣ) Эрнста Морица Арндта, изъ кошорой для предыдущихъ нумеровъ Вѣстника сокращенно взяша была спашья: *Король Фридрихъ Второй и вѣкъ его*. Предлагаемое здѣсь сочиненіе, заключаетъ въ себѣ достоинство другаго рода; запутанныя и мрачныя переходенїя народовъ представлены въ немъ озаренными свѣтильникомъ исторїи. Ясность и порядокъ присвоиваютъ ему право спояшь на ряду съ хорошими произ-
№ 7 и 8.

союзы, подарки и самыя дани, плашья подѣ названіемъ военныѣ денегѣ; даже шипла Римскія были даваемы чужеземцамѣ, которые изѣ спраѣ опдаленнѣйшихѣ приходили служить подѣ Римскими знаменами. Одеждою храбрыхѣ народовѣ, при Сѣверномѣ морѣ и Балтійскомѣ и даже за Балтійскимѣ моремѣ обитавшихѣ, любовались въ Констанцинополѣ изнѣженные Римляне и Греки, и подражали ихѣ наряду. Съ появленія Готскихѣ племенѣ войнлюбивые юноши полпами припекали отѣ сѣвера къ югу, и служили при дворѣ Констанцинопольскомѣ за золото и почести, или для славы подвиговѣ. Такимѣ образомѣ при перемѣнныхѣ обстоятельствѣхѣ мира и войны двигались племена до 375 года послѣ Р. Х., какѣ вдругѣ отѣ востока появилась плуча, которая ускорила паденіе Римскаго могущества. Епѣ были **Гунны**, народѣ до того времени едва извѣстный на востокѣ; отѣ нихѣ начинаешся эпоха, въ исторіи обыкновенно называемая преселеніемѣ народовѣ. Гунны сѣ были соплеменны великому восточно - Азіятскому степному народу, извѣстному пе-

вденіями вкуса. Для читателей, желающихѣ, по нынѣшнимѣ обстоятельствамѣ, вспомнить нѣкоторыя подробности о Гуннахѣ и оѣ Аппиль предложенѣ будетѣ переводѣ изѣ Гиббона. *И т. д.*

перь подъ именами Манджуровъ и Калмыковъ. Аммианъ Марцеллинъ, достоверный свидѣтель бѣдствій, нанесенныхъ ими Римской Имперіи, описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ :

„Народъ Гунны, въ древнѣйшихъ исторіяхъ слегка упоминаемый, живетъ за Меопійскими болотами (Азовскимъ моремъ), простираясь до Ледовитаго Океана. Свирѣпство его чрезвычайно. Гунны младенцамъ своимъ, скоро послѣ рожденія, глубоко нарѣзываютъ щеки желѣзомъ, дабы сросшіеся рубцы не давали вырастать волосамъ; отъ того они остаются безбородыми и гнѣсными, подобно скопцамъ, до старости: всѣ они имѣютъ плотные крѣпкіе члены, толстую шею, широкое лице, такъ что ихъ можно почесать за двуногихъ звѣрей, или за деревянные грубо обшесанные подставки въ мосту. При такой опрощенной наружности они съоль дикі, что неупотребляютъ ни огня, ни приготовленнаго кушанья, а питаются кореньями или сырымъ мясомъ всякаго звѣря; копоровъ напередъ заваливаютъ нѣсколько подъ собою на спинѣ лошадиной. Никогда не живутъ они подъ защиною домовъ, и боятся ихъ какъ могилъ безмолвныхъ; ибо у нихъ нѣтъ даже жилищъ, простнникомъ покрытыхъ; спранныя по горамъ и лѣ-

самъ, они съ малолѣтства приучаются переносить спужу, голодъ и жажду. Весьма неохотно, и развѣ по необходимой нуждѣ, входящѣ они въ дома, ибо тамъ кажутся имъ бытъ неприятно. Носятъ льняной зипунъ, или кожу сшитую изъ мышьяихъ шкуръ, и болѣе одного плащя неимѣютъ. Голову свою покрываютъ навислою шапкою, а чресла козлинымъ мѣхомъ; грубо сдѣланные сапоги препяществуя имъ ходятъ свободно; отъ того они мало способны къ пѣхотному бою; всегда вяло сядятъ на крѣпкихъ, но безобразныхъ коняхъ своихъ, какъ будто приросли къ нимъ, и такимъ образомъ отправляютъ обыкновенныя свои работы. Каждой изъ нихъ ни днемъ, ни ночью не сходитъ съ коня своего; на немъ продаетъ и покупаетъ; ѣстъ, пьетъ и спитъ сладкимъ сномъ, склонившись на гриву; даже и о важныхъ дѣлахъ разсуждаютъ они въ семъ положеніи.

„Они не управляются строгою властію Царскою; но нападаютъ и пробиваются будучи предводимы своими старшинами. Иногда сражаются они, дождавшись нападенія; сами же наспунаютъ отдѣленными полками и съ разногласнымъ опшрапительнѣйшимъ боемъ. Будучи легки и быстры, они умышленно разсѣваются въ одну ми-

нушу, попомъ опять соединяющся, въ безпорядкѣ шуда и сюда бѣгающъ, и прежде нежели удася замѣшишь ихъ по причинѣ быспрошы необычайной, наступаютъ на окопъ, или расхищаютъ станъ вражескій. Ихъ можно назвашь наилучшими воинами, потому что издали сражаются метательнымъ орудіемъ, на которое вмѣсто желѣза искусство насажена острая коса, а вблизи рубящъ саблями, не заботясь о собственной опасности; сверхъ того они набрасываютъ на неприятеля пепелю, въ то время какъ онъ уклоняется отъ ударовъ, и такимъ образомъ спѣсняютъ его члены и опнимаютъ у него возможность управлять конемъ и собою. Никто у нихъ не пашетъ и не привасаеися къ плугу; ибо всѣ бродящъ, неимѣя непрѣннаго жилища, ни домовъ, ни законовъ, ни послѣднихъ обычаевъ; но подобно бѣглецамъ живущъ въ шельгахъ, на которыхъ жены ихъ шкущъ бѣдныя платья, раждающъ дѣшей и восципываютъ опроковъ до возмужалости. Никто изъ нихъ, еслибъ спросили его, не можешъ отвѣчать, откуда онъ происходитъ, гдѣ родился и гдѣ выросъ. Вѣрность и договоры имъ неизвѣстны; будучи непоспоянны и при легкомъ душевнѣи благосклонной надежды перемѣнчивы, они успремляющся съ буйною яростію; подобно бессмысленнымъ животнымъ ни-

чего незнающъ о правдѣ и несправедливо-
сти; двуязычны и лукавы въ толкованіяхъ;
неудерживаемы никакою религіею, никакимъ
суевѣріемъ, сребролюбивы до ненасытно-
сти; споль непоспоянны и вспыльчивы,
что иногда безъ всякой причины опсшу-
пающся опъ своихъ союзниковъ и опяшь
въ пошъ же день миряпся съ ними безъ
всякаго удовольстворенія. Сей легковооружен-
ной и неукротимой народъ, спраспно пре-
данный грабительству, яроспно опусшо-
ная и поражая племена сосѣдственныя, на-
послѣдствъ достигъ до Алановъ, древнихъ
Массагетовъ.“

Гуны перешедши черезъ Волгу, распро-
спранились по прекрасной землѣ, лежащей
на сѣверной сторонѣ Кавказа между Вол-
гою и Дономъ, и собою наводнили все подоб-
но дикому горному пошоку. Здѣсь нашли
они народъ красивой и воинственной, коего
правы подъ благосклоннѣйшимъ небомъ нѣ-
сколько уже смягчились — на Алановъ, ко-
шорыхъ по описаніямъ признавать надобно
за братьевъ, другому великому народу сред-
ней Азіи, Турнамъ и Ташарамъ. Ихъ по-
гнали Гуны передъ собою, за исключені-
емъ немногихъ скрывшихся въ Кавказскія
горы, и надвинули ихъ на Готовъ. Тогда
надъ Готами господствовалъ Король Гер-
манрихъ, воинственный повелитель мие-

гихъ народовъ, на пространствѣ отъ Сѣвернаго моря даже до Чернаго обитавшихъ. Но онъ былъ уже весьма старъ лѣтами; услышавъ, что Аланы и Гунны нагло перешли черезъ Донъ и разбили Готтовъ, онъ опчаялся въ сохраненіи своего достоинства, и собственнымъ мечемъ прекратилъ жизнь свою. Преемникъ его Король Видимеръ, нѣсколько времени сопропивлялся Аланамъ съ помощію другихъ Гунновъ, вопорыхъ преклонилъ къ себѣ деньгами; но прелерпѣвши нѣсколько пораженій, и онъ палъ на одной битвѣ. По смерти его народъ Готскій, подъ предводительствомъ Алашея и Сафракса, бывшихъ тогда опекунами сына его Видериха, попянулся далѣе на западъ къ рѣкѣ Днѣпру. Ашанарихъ же, Король Тервинговъ, вопорыхъ и Веспготами называющъ, пошелъ черезъ Дунай въ лѣса и въ горы.

Но какъ по шѣсношѣ страны народъ не могъ помѣщаться въ ней со своими стадами, и поелику ровныя поля не безопасны были отъ нашествія Гунновъ; то сіи Готы смопрѣли съ зависію на область Задунайскую, прилежащую къ горѣ Гему, гдѣ часно вели они кровопролитныя войны съ Римлянами, и гдѣ захотѣли поселиться, дабы для скота своего имѣли пажити, а для себя защиту отъ неприятелей. Рим-

ляне приняли ихъ съ охотою, надѣясь что Готы послужатъ для нихъ военнымъ оплотомъ; ибо знали, что всѣ народы, обитавшіе на пространствѣ отъ Урала и Дона даже до Герцинскаго лѣса, были тогда въ ужасномъ движеніи. Тогдашніе Князья Готовъ назывались Алавивомъ и Фришигерномъ, а Императоръ царствовавшій въ Константинополѣ и принявшій ихъ въ свою землю былъ Валентъ. Апанарихъ, Король Веспготскій, безпрестанно углублялся въ горы и вышѣснилъ опшуда Сарматовъ. Равнымъ образомъ и Видерихъ, Король Остготскій, пребралъ земли у Римлянъ; но ему было отказано.

Не долго продолжался миръ между Веспготами и Римлянами. Дороговизна возросла до высочайшей степени по причинѣ спекшагося множества людей и снотины, ибо хлѣба въ то время родилось весьма немного. Римляне же, и нѣ изъ нихъ, кои были хранильщиками общественныхъ запасовъ, старались набогачиться отъ сихъ прищельцовъ, брали у нихъ серебра, золото и скотину, а по испощеніи всего обмѣнивали хлѣбъ на людей; ненасытность ихъ дошла наконецъ до того, что они отдавали собаку за человека, и такимъ образомъ даже дѣти сарматинъ перешли къ Римлянамъ въ рабство. Сіи и подоб-

ныя имѣ происшествія на послѣдокъ вывели изъ шерпнїя Князей и народѣ; они начали грабить жителей, расхищашь села и нивы. Возникла война; съ обѣихъ сторонѣ множество побито, и Готы, опустошая все огнемъ и мечемъ, дошли до горѣ Македонскихъ и Фессалійскихъ.

Увѣдомившись о томъ Императорѣ Валентѣ, повелѣвъ силамъ своимъ ополчиться, и написалъ къ царствовавшему на западѣ племяннику своему Граціану и къ его полководцамъ, чшобы поспѣшили къ нему на Дунай для усмиренїя усиливагосѣ неприятеля. Готы собрали весь народѣ свой; Фришигернѣ послалъ за Сафрансомъ и Адашемъ; въ нимѣ пришли Аланы и Гунны, дабы воевашь для приобрѣщенїя добычи отъ Римлянъ. Сверхъ того въ нимѣ же присоединились подѣ Адрианополемъ еще два Готскіе Князя, Сверидѣ и Колидасѣ, давно уже обищавшіе шамъ на земляхъ Римскихъ; они, бывъ также оскорблены Римлянами, изъ друзей содѣлались имѣ врагами и возсшали противъ нихъ вмѣстѣ съ своими одноземцами. Все войско сіе соединилось при Адрианополѣ; Императорѣ Валентѣ выступилъ противъ него изъ престольнаго своего града. Вельможи просили его не давашь сраженїя, но держашься между горами, пока подоспѣетъ къ нему племянникъ и полко-

водцы его со вспомогательнымъ войскомъ; Готы принуждены были бы разбѣжаться по причинѣ голода, неподкрѣпляемые подвозомъ свѣспныхъ припасовъ; сверхъ того они не умѣли покорять городовъ укрѣпленныхъ, ни содержать ихъ въ осадѣ. Но Императоръ не внялъ преподаннымъ совѣтамъ. Свѣшъ будетъ говорить, думалъ завистливый Валентъ, что честь побѣды надъ Готами принадлежитъ не мнѣ, но племяннику.

Римляне проиграли сраженіе; оставшіеся въ живыхъ сравнивали битву сію съ пораженіемъ, прешердѣннымъ нѣкогда ими при Каннахъ отъ Ганнибала. Двѣ трети войска, 80,000 человекъ, легли на полѣ сраженія. Императоръ Валентъ нигдѣ не опыскавъ: можетъ быть онъ въ вечернюю пору убитъ и раздавленъ бѣглецами, такъ что и узнать шрупа его было невозможно; или спашься можетъ онъ сторѣвъ въ маленькомъ домикѣ, въ которомъ, какъ говорятъ, скрылся убѣжавши, и которой захваченъ неприятелями. Сіе сраженіе называется Адрианопольскимъ; оно происходило въ 378 году по Р. Х. и въ прешнемъ году послѣ переправы черезъ Доиъ Гунновъ и Алановъ. Для Римлянъ пришла отъ того въ великое замѣшательство; унынїе и горесть всеми овладѣли;

войны, возмущенія и безпокойства непрерывно слѣдовали однѣ за другими, и продолжались до полѣ, пока Θεодосій, родомъ Испанецъ, не вспунилъ на пресполѣ Римскій; онѣ преодолѣлъ враговъ, и воспановилъ спокойствіе внупреннее и виѣшнее.

Сей Императоръ, великій изъ числа воинспвенныхъ Государей, скончался въ 395 году, и оставилъ въ наслѣдство Римскую Имперію двумъ сынамъ своимъ, Аркадію и Гонорію, изъ которыхъ старшему надлежало царствовать на востокѣ, а младшему на западѣ. Но поелику оба они тогда еще были молоды и неопытны, по онѣ къ каждому приспавилъ по одному верховному совѣтнику для пособія въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ. Къ Аркадію опредѣленъ былъ Руфинъ, родомъ изъ Галловъ, а къ Гонорію Стиликонъ, Германецъ. Обѣ Имперіи, восточная и западная, должныствовали бытъ почишаемы единымъ Государствомъ; оба Императора должныствовали брашски помогать одинъ другому, а совѣтники ихъ жишь въ дружескомъ единодушїи: шакова была послѣдняя воля умирающаго Θεодосія. Но совѣтники издавна уже ненавидѣли взаимно одинъ другаго, и только скрывали чувствва свои при жизни стараго Императора. Впрочемъ и безъ того не было бы согласїа между ими; ибо шакова

нашура господства, что никто нехочетъ дѣлить его съ другимъ, а каждой напросивъ желаетъ одинъ все имѣть въ своемъ обладаніи: по сей причинѣ не должно спавить вмѣстѣ двухъ властелиновъ, но гораздо лучше отдать одному все, дабы согласіе было въ правительствѣ. Стиликонъ былъ лучшій воинъ, но суровый, гордый и жестокій; Руфинъ же напросивъ того искуснѣйшій въ придворныхъ хитростяхъ, дѣятельный, коварный, ласковый, умбющій подъ улыбкою скрывать измѣну и убійство. А всегдъ хуже, что оба Императора никогда не выходили изъ подъ опекунства, и никогда не могли управлять сами; они воспитаны были въ рукахъ монаховъ, скопцовъ и женщинъ, и проводили между ними безвѣстную жизнь внутри своихъ чертоговъ. Θεодосій сдѣлалъ весьма великую ошибку тѣмъ, что во времена столь смутныя возматилъ сыновъ своихъ подъ звуками оружія, которымъ самъ онъ прославилъ свое имя, и что предалъ ихъ властолюбію духовенства и извѣженности придворныхъ.

Скоро почувствовали чужеземцы, что Θεодосія не было уже на свѣтѣ, и обрадовались, видя взаимную ненависть между Руфиномъ и Стиликономъ. Отъ того возросло ихъ высокомеріе, и они предстали

съ новыми прѣбваніями и припязаніями. Надъ Веспгопами, обивавшими на правой сторонѣ Дуная на землѣ Римской подъ именемъ союзниковъ, царствовалъ тогда Аларихъ, Государь воинственный и опытный въ искусствѣ управленія. Не получивъ удовольственія въ своихъ прѣбваніяхъ, онъ возсталъ войною противъ Римлянъ, и принялъ отважное намѣреніе вторгнуться въ Италію; но принужденъ былъ отступить съ потерею, ибо Стиликонъ разбилъ его при Веронѣ. Это случилось 403 года. Въ послѣдовавшемъ году Италія снова наполнилась роемъ чужестранцевъ, пришедшихъ въ безчисленномъ множествѣ. Это было, какъ повѣствуютъ дѣписатели, смѣшеніе многихъ народовъ; никто не зналъ, откуда взялись они, но думали, что и къ сему нашествію подали причину движенія Гунновъ и Алановъ. Предводителемъ ихъ назывался Радагаизъ; онъ шелъ съ ними медленно черезъ рѣку Падъ и горы Апеннинскія, съ тѣмъ чтобы покорить южныя области и разграбить древнюю столицу. Но онъ долженъ былъ остановиться при Фезолахъ, Епсрурійскомъ городѣ у подошвы Апеннина, въ разстояніи полумили отъ Флоренціи. Радагаизъ окружилъ его и держалъ въ осадѣ. Здѣсь нечаянно напалъ на него Стиликонъ, вновь собравши войска; разбилъ его на голову и истребилъ его

память. Римляне повѣспвуютъ , что все поле покрыто было тѣлами, что ни одинъ почти изъ непріятелей неспасся , и что плѣнные , которыхъ взято 80,000 , продаваемы были цѣною овецъ и шеляшъ.

Для преодоленія Алариха и Радагаиза Стиликонъ призвалъ почти всѣ охранныя войска съ острова Британнїи и съ береговъ рѣки Рейна , и обнажилъ предѣлы Имперїи. По сей причинѣ видимъ , что съ 406 и съ 407 года переходили Галлію отъ одного конца до другаго разные народы, вышедшіе изъ за Рейна; можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ ошдѣлились отъ Радагаизовыхъ полпищъ и отправились на западъ черезъ Альпійскія горы. Изъ числа ихъ Бургунды заняли землю между Роною и Саоною и окрестности Юры, гдѣ попомки ихъ и до нынѣшняго времени обитаютъ. Другіе пошли далѣе къ югу, и прошѣснились въ Испанію черезъ Пиренейскія горы, бывъ призваны шуда измѣнившимъ Римскимъ начальникомъ области. Они поселились въ Испанїи и заняли сѣверо-западный край за рѣкою Иберомъ, оставивши Римлянамъ только земли прилежащія къ горамъ Пиренейскимъ , и нрѣпости на югозападномъ берегу моря. Сїи народы раздѣлили землю между собою, такъ что Свевы и Вандалы остались на сѣверѣ, Алааны

на югѣ, а часть Силинговѣ и Вандаловѣ же поселилась вдоль рѣки Беписа, называемой нынѣ Гвадалквивиромѣ; прекрасная земля сѣя до нашихъ временѣ удержала опѣ нихъ имя Андалузїи. Спуска семьнадцатъ лѣтъ одинѣ Король Вандальскїй, именемѣ Генсерихѣ, съ немногочисленнымѣ войскомѣ переправился черезѣ море на берега Африки, бывѣ призванѣ Бонифаціемѣ, мятежнымѣ начальникомѣ Римскимѣ; въ шеченїе немногихъ лѣтъ завоевалѣ прекрасную береговую страну, опѣ моря Атлантическаго до Сиртѣ простирающуюся, и основалѣ тамѣ Вандальское Королевство, коего главнымѣ городомѣ была Картагена. Но сѣ Королевство существовало недолго; по прошествїи сѣ лѣтъ разрушилѣ его Велисарїй, военачальникѣ Юстинїана, Императора Константинопольскаго.

Между тѣмѣ новыя несчастїя постигли Италїю и Галлїю. Стиликонѣ поддерживалѣ клонившееся къ упадку государство, сколько силѣ его къ тому доставало. Сей великїй мужѣ умерщвленѣ въ 408 году въ Равеннскихѣ черпогахѣ передѣ глазами и съ вѣдома слабаго Гонорїя, коиморой только что ловилѣ мужѣ, ушучивалѣ каплуновѣ, и болѣе ни къ чему негодился. Увѣдомившись о томѣ Аларихѣ, отважный Король Вестготовѣ, оныя пришелѣ въ

Испалію, обложилъ городъ Римъ и принудилъ купить у себя миръ великою цѣною золота. Когда же Гонорій неустоялъ въ данномъ обѣщаніи, то онъ въ 409 году снова подступилъ къ Риму, обложилъ городъ и покорилъ его въ короткое время. Желая устрашить Гонорія, онъ пославилъ въ совѣтники ему другаго Императора, слабаго и избѣженнаго Аспала, котораго въ слѣдующемъ же году низринулъ; взявъ Римъ приступомъ и наказалъ его тяжкимъ расхищеніемъ; но Римляне почувствовали, что Гошы давно уже были Хрїстіанами. Долго продолжались переговоры между Аларихомъ и Гоноріемъ, которой сидѣлъ запершись въ Равеннѣ какъ въ темницѣ, всегда поступалъ вѣроломно и коварно, и подобно старымъ женщинамъ полагался на созвѣдія во всемъ томъ, чего долженъ былъ бы ожидать отъ своего меча, какъ мущина. Въ великой душѣ Вестгота созрѣло новое отважное намѣреніе переправиться въ Сицилію, а оттуда проникнуть въ Африку. Онъ понялъ, что надлежало имѣть корабли для удержанія господства на Средиземномъ морѣ, и что съ хорошимъ флотомъ могъ онъ сдѣлаться обладателемъ Испаліи и Испаніи. Смерть пресѣкла великія его предпріятія; онъ скончался въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ своей жизни, находясь противъ города Мессины. Тамъ

Готы приготоновили для него достопамятную могилу. Чтобы враждебные жители Италіи не осквернили праха его, они оповели въ сторону текущую рѣку, погребли Короля своего въ вырытой на днѣ могилѣ съ конемъ его и всеоружіемъ, и опять пустили воду по прежней дорогѣ. Рѣка сія называется нынѣ Вузенцо. Адольфъ, родственникъ Алариха, въ 412 году вывелъ народъ изъ Италіи; женился на Плацидіи, сестрѣ Гоноріевой, и расположился за Реною въ южной Галліи и восточной Испаніи. Толоса содѣлалась главнымъ городомъ Вестготскаго Королевства.

Въ такомъ бѣдственномъ состояніи была Западная Имперія, явнѣ поражаемая мечами варваровъ, внутри шерзаемая опаснѣйшими и неисцѣлимыми пороками; подобно обуреваемому кораблю, носилась она по волнамъ съ своими оплошкми; и уже произнесенъ былъ ужаснѣйшій судъ надъ выродившимся потомствомъ мужей бессмертныхъ, надъ послѣдними рабами Императоровъ. Имперія Восточная не была счастливае; только средопочіе жизни ея охранялось оплошомъ горы Гема, и морями, неприспупными для варваровъ. Тамъ папъ лѣшъ уже свирѣпствовалъ Ашшила, могущесшвенный Царь Гунновъ, обладая землями отъ Дона до Дуная. Тогда онъ

№ 7 и 8. М

водружалъ въ землю мечь свой, копорой былъ его богомъ, но сошши народовъ повергались во прахъ, а Константинополь и Римъ колебались на своихъ основаніяхъ. Сей страшный повелитель ооло 450 года направилъ шествѣе свое къ западу, и подобно спремительному горному попоку потмалъ народы передъ собою. Путь его назывался испребленіемъ; вшо не могъ спашися бѣгствомъ, потшъ долженъ былъ за нимъ слѣдовать. Онъ вспунилъ въ Галлію между предѣлами Бургундовъ и Франковъ, и произяесъ обѣшъ останомшсь: не прежде какъ по доспженіи ошдаленнѣйшихъ предѣловъ моря; не смотря на шо онъ удержанъ былъ надъ рѣвою Лигеромъ (Лонарою), гдѣ городъ Авреліаны (Орлеанъ) изумилъ опустошителя печальнымъ сопротивленіемъ. Ужасъ, возбужденный страшнымъ его оружіемъ, и опасеніе всеобщей нагубы зашавили Римъ и Королей соединшъ свои силы. Ещѣй, Римскій полководецъ, Веспотскіе Короли и союзные имъ Бургунды и Франки, сошедшсь на поляхъ Капалавнскихъ (при Шалонъ) съ Апшилою, два дни продолжали кровопролитнѣйшее сраженіе, на копоромъ половина воиновъ была убита. Веспоты лишились Короля своего. Апшила, ослабвшій отъ истекающей крови, опспутилъ къ воспоку. Въ прсладовавшемъ году онъ яросшнымъ вой-

скомъ впрорся онъ въ Италію, привлеченный пуда честолубіемъ своимъ; и Гоноріею, сладоспращною сеспрою Имперашора Валеншиніана, копорая послала къ нему вольцо обручальное. На пуши къ Риму чудесно и непосшижимо (говорящъ Легенды) возвращился онъ въ свою землю, повспрѣчавшись съ Епископомъ Римскимъ и свящынными, къ нему исшедшими; такимъ образомъ Римъ избавленъ. Апшила умеръ въ 453 году въ день бракосочетанія съ новою женою. Думающъ, что онъ заколошъ; или оправленъ.

Сія внезапная кончина можетъ быть предохранила Европу отъ Монгольскаго господства. Съ мощнымъ Апшилою умерло и счастье Гунновъ, копорое онъ вознесъ было на высокую степенъ силы и славы. Между преемниками его господствовало несогласіе; подвласные народы опложились отъ нихъ, и черезъ двадцать лѣтъ ужаснее имя Гунновъ оспалось; только въ памяти живущихъ; самой же народъ или разсѣялся между другими; или ушелъ обратно въ страны восточныя. Между тѣмъ Италія скоро опять посвщена была неприятелемъ, сполько же пагубнымъ, сколько могъ бы сдѣлаться такимъ Апшила — Вандальскимъ Королемъ Генсерихомъ, о копоромъ выше сказано, что онъ въ 429

году переправился въ Африку и шамъ основалъ непрочное Королевство. Ецій, побѣдитель Капалавнскій, умерщвленъ былъ Валентиніаномъ, какъ Спиликонъ Гоноріемъ. Скоро и самъ Императоръ претерпѣлъ подобную же участь. Евдоксія, его супруга, желая отмстить за смерть Валентиніана Пепронію Максиму, которой завладѣвъ и престоломъ и ложемъ Императорскимъ, призвала Генсериха изъ за моря. Король привелъ съ собою многочисленную сволочь, осадилъ Римъ, покорилъ его и предалъ на разхищеніе Германскимъ и Африканскимъ своимъ варварамъ. Бѣдственное опустошеніе Рима было столь ужасно, что при повѣствованіи о судьбѣ сего города и шопъ пролилъ бы слезы, кто сказанія о гибели другихъ городовъ слушалъ равнодушно. Честь и имущество людей, храмы и олтари, древнія божества и новыя, всякой возрастъ и полъ, все было поругано, обнажено, ограблено, и Генсерихъ нагрузилъ цѣлой флотъ своими обычаями. Но казалось, что древніе боги еще однажды воспрянули, и запретили уничтоженной Карвагенъ торжествовать надъ Римомъ: буря разсыпала и раздробила большую часть флота. Надъ памятниками художествъ и надъ священными предметами народнаго почитанія несутся пенерь волны Средиземнаго моря. Генсерихъ при-

сталъ въ берегамъ Африки только съ многими разбойниками.

Таково было въ половинѣ пятаго вѣка положеніе Италіи, обезславленной, разграбленной, опустощенной. Сивиллины книги Римскія были уже закрыты; предвѣщанія Римскія умолкли; ни одинъ богъ Римскій не могъ уже воззвать прошедшаго времени. Но судьбою предназначено было духовному Риму, спустя потомъ шестьсотъ лѣтъ, при Григоріи Седмомъ безъ меча овладѣть міромъ. Земли, находящіяся за Альпами и Адриатическимъ моремъ, уже не принадлежали древнему Риму; онъ сосполял подъ влостію чуждыхъ народовъ или Римлянъ Констаншинопольскихъ, которые со дня на день прихвѣтно перерождались въ чужеземцевъ. Въ Африкѣ господствовали Вандалы, въ Испаніи Севы и Вестготы; большая часть Галліи принадлежала Вестготамъ же и Бургундамъ; въ Британію съ 449 года вторглись обещавшіе на твердой землѣ Саксы и Англи, и воевали съ природными жителями за право господствовать надъ ними. Послѣдніе бѣдственныя дни Рима и частыя переменныя недостоинныхъ его правителей еще ознаменованы были теми же преступленіями и злодѣйствами, которые, сряду нашъ вѣковъ часто повторяясь на классической землѣ, со-

дѣлались классическими: для попомства. Наконецъ пришелъ мужъ, которому предоставлено судьбою съ виновной главы его сняшь и послѣднюю шбнь господства. Епо былъ Одоакръ, Король Ругіянъ и Геруловъ, союзный Римлянамъ полководецъ. Въ 476 году низвелъ онъ съ престола юнаго Императора Ромула Августула, самъ заступилъ его мѣсто, и назвалъ себя Королемъ Италіи. Римъ скончался.

Весьма странно, что одна полуримская область въ Сѣверной Галліи, надъ Лигеромъ и около Секваны, пережила Римъ десятию годами. Управляемая Римскимъ начальникомъ Сіагріемъ, она была стѣсняема отъ запада Бригнами, жившими въ Арморикѣ, отъ востока Бургундами, отъ сѣвера Франками. Мы дошли теперь до Франковъ. Сей многочисленный народъ, изъ многихъ, какъ думать должно, извѣстныхъ племенъ Германовыхъ соединившійся подъ общимъ названіемъ, съ начала шретьяго столѣтія сдѣлался спрашенъ Римлянамъ, и при ослабленіи Рима безпрестанно распространился въ западной Белгіи между Маасомъ и Шельдою; однакожь онъ гораздо позже многихъ другихъ народовъ отважился поселиться на земляхъ Римской Имперіи, оставленныхъ и худо защищаемыхъ. Сіе обстоятельство извясняется отчасти внутренни-

ми отношеніями самаго народа, а отчасти положеніемъ земли имъ занимаемой. Франки, хотя народъ сильной и многолюдной, раздѣлены были на многія племена, изъ коихъ каждое имѣло своего Короля или Князя; отъ того внутренняя свобода укрѣплялась, но ослабѣвала сила внѣшняя: только въ случаѣ великой опасности весь народъ соединялся для общей обороны. Положеніе земли также могло удерживать ихъ долге въ прежнемъ состояніи: толпы народовъ, переходившихъ черезъ Рейнъ, почти совсѣмъ ихъ не беспокоили; ибо они шли къ югу между Рейномъ и Арденнскимъ лѣсомъ, копорымъ прикрывались восточныя границы Франковъ; на южной сторонѣ передъ ними, по еспѣ Франками же, Галлія защищена была многими крѣпостями, копорыя построили Римляне для удержанія ихъ отъ набѣговъ на земли Имперіи. Такимъ образомъ они, по доброй ли волѣ, или случайно, или по принужденію, оставались въ покоѣ, до тѣхъ поръ пока не возникъ между ними отличный мужъ, Хлодовигъ (Клодовой, Кловисъ), или Лудвигъ, рожденный содѣлашь народъ свой великимъ. Епископъ Лудвигъ, какъ и большая часть завоевателей, имѣлъ въ душѣ своей болѣе саванинскихъ нежели Ангельскихъ качествъ. Храбростію, благоразуміемъ, быстрое онъ привязалъ къ себѣ народъ

свой; ядомъ, ножемъ, измѣнами успѣлъ онъ извести Князей въ прочихъ племенахъ, и содѣлался верховнымъ надъ всѣми Франками новелипелемъ. Проложивши такимъ образомъ дорогу, онъ пошелъ далѣе къ исполненію опважныхъ своихъ предпріяній.

Во первыхъ, чтобы имѣть шылъ свой въ безопасности, онъ заключилъ союзъ съ Бришнами, которые уже давно поселились въ Арморикъ между Лоарою и Сеною (Лигеромъ и Севаною) на берегахъ моря, и въ это время, когда Саксы овладѣли Британією, получили изъ прежняго своего обещанія значительное подкрѣпленіе. Помощь напалъ онъ на Римскаго начальника Сіагрія, коего область простиралась въ Арденнамъ, разбилъ его на голову при Сигдунѣ (Соассонѣ), овладѣлъ сею послѣднею Римскою землею даже до границъ Веспгошскихъ и роздалъ участки ея своимъ Франкамъ. Сія рѣшительная битва случилась въ 486 году, спустя десять лѣтъ по изложеніи Ромула Августула. Скорѣ послѣ того Лудвигъ съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ долженъ былъ идти противъ Аллеманновъ, которые завидовали счастію враговъ своихъ, и угрожали нападеніемъ на ихъ земли. Оба народа встрѣтились при Цильпихѣ, близъ Рейна, съ бѣшенствомъ напали другъ на друга, и сражались съ край-

нимъ ожесточеніемъ, ибо дѣло шло объ господствѣ. Уже побѣда клонилась на сторону Аллеманновъ; тогда Лудвигъ произнесъ общѣ содѣлаться хрїстіаниномъ и креститься, ежели Богъ поможетъ ему одолѣть непріятели — и въ ту самую минуту подались Аллеманны, какъ бы спрехомъ Божїимъ обряшые, и множество народа ихъ пало на мѣстѣ сраженія. Лудвигъ окрестился; многіе Франки послѣдовали его примѣру; съ тѣхъ поръ шалъ онъ называться Королемъ хрїстіанинѣшимъ; шшло сіе перешло къ его потомкамъ, и Аллеманны платили дань Франкамъ. Скоро и жившіе въ Арморикѣ Бришпы почувствовали, что трудно сохранить собственную свободу, дозволивши сосѣду чрезмѣрно усилиться. Лудвигъ одержалъ и надъ Веспгошами въ 507 году большую побѣду, и расширилъ землю свою даже до Гаронны и горъ Савеннскихъ. А Веспгошы, прѣснимые Лудвигомъ, безпрестанно углублялись въ Испанію, гдѣ наконецъ съ 585 года они владѣли всюю землею, такъ что Свевская и Вандальская Испанія шала называться Веспгошскою. Что завоеватель Лудвигъ еще болѣе не распространялся и не поработилъ всѣхъ евоихъ сосѣдовъ, шому воспретившшвовалъ храбрый и мудрый Оспгошскій Мороль Дидрихъ (Теодорихъ), которой, какъ басно-

словной герой своего народа, у многихъ Германцевъ живеть въ повѣстьяхъ и въ пѣсняхъ даже до сего времени.

Послѣ того какъ Готское владычество рушилось произвольною смертію Германрика и пораженіемъ Видимера, народъ Остиготскій удалился въ Карпатскія горы и имѣла къ нимъ прилежація. По смерти Апшилы они имѣли пребываніе за Дунаемъ въ части Панноніи, потомъ опять перешли черезъ Дунай и кочевали надъ нимъ, будучи по въ дружбѣ, по въ союзѣ съ Воспочными Римлянами. Дитрихъ, сынъ Королевскій, по симъ отношеніямъ былъ отправленъ въ Констанцинополь въ качествѣ заложника; тамъ юноша научился хитростямъ и искусствамъ, отъ которыхъ возрастающъ и упадающъ государства, но осперегся отъ пороковъ, которые для грубыхъ людей еще опаснѣе нежели для образованныхъ. Послѣ смерти отца своего и дядей онъ признавъ былъ единственныиъ Королемъ надъ Готами, и просилъ у Констанцинопольскаго Императора дозволенія идти въ Испалію въ качествѣ его наследника, и владѣть ею вмѣсто денежнаго жалованья за оказанныя Имперіи услуги, или вмѣсто полученія уплаты принадлежащихъ ему денегъ за военную помощь. Въ Констанцинополь очень была тому рады, что споль могуществен-

ный Король удаляешия отъ предѣловъ Имперіи. И пакъ Диприхъ повелъ Гоповъ своихъ отъ Дуная черезъ Альпы, и одержалъ первую побѣду надъ Одоакромъ при Веронѣ; другое сраженіе происходило при Павіи, гдѣ Одоакръ былъ запершъ; въ 493 году Король сей сдался Диприху съ городомъ Равенною, въ которомъ утратилъ и жизнь свою. Такимъ образомъ исчезло Королевство Герульское и Ругійское послѣ семнадцатилѣтняго существованія, и Оспгопы приобрѣли господство надъ всею Италіею.

Диприхъ дѣятельно и мудро управлялъ шрицать шесть лѣтъ великимъ и прекраснымъ государствомъ, которое можешь быть долго бы существовало, еслибъ онъ имѣлъ равнаго себѣ въ мудрости и въ долговременномъ царствованіи преемника. Италія, области Альпійскія и прилежація отъ Леманскаго озера въ Ронѣ, и земли называвшіяся прежде Нурікомъ; Иллирикомъ и Панноніею даже до Дуная были подвластны Диприху. Доблести его столько были знаменимы между современниками, что миръ и война зависѣли отъ его слова; опдаденнѣйшіе народы почиали его другомъ своимъ, примиришелемъ и совѣподашелемъ, и присылали нѣ ему дары свои. Сей великій и мудрый Король скончался въ 526 году; вмѣстѣ съ жизнью его померкъ и

блескъ его народа. Въ печеніе послѣдовавшихъ двадцати семи лѣтъ продолжались смятенія, измѣны, брани и убійства. Настала война, преисполненная чудесныхъ перемѣнъ и подвиговъ, — Готы истреблены Греческимъ мужествомъ и хипростію и вѣроломствомъ Франковъ, ихъ сосѣдей. Отмщеніе за нихъ и великую часть принадлежавшихъ имъ областей восприяли Лонгобарды, храброй и дикой Германскаго происхожденія народъ, по которому верхняя Испанія называется Ломбардіею даже до нынѣ.
(Съ Нѣмецкаго.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Описаніе Русскихъ садовъ (1).

(Отрывокъ изъ поэмы Сады, или Искусство украшать сельскіе виды.)

Делиль, неимѣя достаточныхъ свѣдѣній о состояніи Русскихъ садовъ, нѣсколькими

(1) Желая соблюсти шу же краткость, съ какою Делиль описываетъ славныя дачи около Парижа, мы очень жалѣемъ, что не можемъ ничего сказать здѣсь о Царницкѣ, о славной дачѣ Графа Л. К. Разумовскаго Мотровскомъ, о дачѣ Графа П. А. Строганова и о многихъ другихъ садахъ, которые природою и искусственными украшеніями

красивыми стихами (2), совсѣмъ непринадлежащими къ его предмету, опыгрывается, и прикрываетъ свое незнаніе, также какъ Вольтеръ въ Исторіи Петра Великаго смѣло повѣствуетъ о древности и обычаяхъ предковъ нашихъ. Переводчикъ Садовъ не захотѣлъ повѣрять сего описанія, какъ весьма неудовлетворительнаго для Русской Публики. Онъ предлагаетъ здѣсь стривокъ о лучшихъ Русскихъ садахъ, написанный имъ, какъ легко усмотрѣть, могутъ читатели, отъ лица Французскаго поэта.

У Россіянъ кратка прекрасная весна,
Но сильно дѣйствіе небеснаго огня,
И быстро, быстро зной за хладомъ наступаетъ;
Весна низходитъ къ намъ, а къ нимъ (3) она
слезаетъ.

ями неуспуающъ ни Англійскимъ, ни Французскимъ, ни Италіанскимъ. В.

(2) Des arbres résineux la robuste verdure,
Les mousses, les lichens qui bravent la froidure,
Du Russe, presque seuls, parent le long hiver;
Mais l'art subjugué tout: le feu, vainqueur de l'air,
De Flore dans ces lieux entretient la couronne;
Et Vulcain y présente un hospice à Pomone.
Par ses hardis travaux, tel le plus grands de Czars
Sut chez un peuple inculte acclimater les arts.
Heureux si des méchants l'absurde frénésie
Ne vient pas en poison changer leur ambrosie;
Et si de Pierre, un jour, quelque heureux suc-
cesseur,
Sans craindre leur danger, fait goûter leur douceur!

(3) Къ намъ, т. е. къ Французамъ, къ нимъ, т. е. къ Русскимъ.

Спаринные сады, Монарховъ славныхъ ихъ.
 Останки славные, почтенны ввѣкъ для нихъ,
 Вельможъ, Царей, Царицъ свящаются именами,
 И вкуса древняго имъ служатъ образцами.
 Увеселительный Коломенской Дворецъ,
 Гдѣ обиталъ Петра Великаго отецъ,
 И гдѣ великой сей младенецъ въ свѣтѣ родился,
 И въ Виолемѣ чертогъ Царя преобразился,
 На берегу Москвы (4) обширный садъ густой,
 Липъ, вишень, яблонь лѣсъ; гдѣ часто въ
 лѣпнѣй зной,
 Любя прохладу водъ и тѣни дровъ густыя,
 Честолюбивая покоилась Софія.

Но Императоровъ помѣшныя Дворцы.
 Искусства новаго суть лучши образцы:
 Волшебствомъ созданный чертогъ и садъ Тав-
 риды,
 Гдѣ мило все внутри, гдѣ вокругъ приятны виды.
 Чесма и Гашчино и дивный Петергофъ,
 Жилище пышное Героевъ и боговъ,
 Гдѣ Пётръ свой каждый шагъ означилъ чу-
 десами,
 Гдѣ море надъ головой, гдѣ море подъ ногами,
 Гдѣ съ львовыхъ челюстей кипящая рѣка
 Изъ бездны мрачныя лепитъ подъ облака
 И водометы всей вселенной осрамляетъ:
 Такъ Царь величьемъ дѣлъ Монарховъ превы-
 шаетъ;
 Такъ быстро создалъ флотъ, полки, престоль-
 ный градъ,
 Россію превратилъ въ великолѣпный садъ.

(4) Въ селѣ Софинѣ, въ 40 верстахъ отъ Мо-
 сквы по Коломенской дорогѣ. В.

Забуду ли тебя, садъ Царскосельской славной!
Отдохновение Жены, героямъ равной,
Гдѣ не заросъ ея любезный Россамъ слѣдъ,
Гдѣ каждый памятникъ ешь памятникъ по-
бѣдъ,

Гдѣ ехо имя сей Царицы не забыло?
Но ахъ! все пусто здѣсь, все мрачно и уныло!
Увы! давно ли здѣсь дымились олшари,
Дивисься мудрости спекалися Цари?
Давноль гремѣла здѣсь Екашерины слава,
И первую была (5) Россійская Держава?

Примѣръ Двора священъ вельможамъ, бо-
гачамъ;

Во всѣхъ родилась страсть изящная къ садамъ:
Въ Архангельскомъ (6) сады, черпоги и аллеи,
Какъ бы творение могущей вѣкой Феи,
За дивобы почли и въ Англии самой.

Село Кусково, гдѣ Бояринъ жилъ большой,
Любившій Русское шаринно хлѣбосольство,
Народны праздники и по шрудажъ спокойство.
Люблино (7) милое, гдѣ легкой свѣшлый дождь,
Любуется собой надъ серебрянымъ прудомъ.

(5) Облака застилали было горизонтъ нашего
Отечества; но Россійское солнце возсіяло
ярче прежняго. Теперь мы не вздыхаемъ ни
о времени Петра Великаго, ни о счастли-
выхъ дняхъ Екашерины Великой: вѣкъ
АЛЕКСАНДРА ешь вѣкъ славы! В.

(6) Въ 17 верстахъ отъ Москвы по Воскресен-
ской дорогѣ, село принадлежащее Кн. Н. А.
Голицыну. В.

(7) Прекрасная дача Н. А. Дурасова, недалеко
отъ Перервы. В.

Нескушное (8), отколь съ черпогами, съ церк-
квами

Великая Москва лежитъ передъ глазами
Съ Кремлемъ возвыщеннымъ во образъ вѣнца :
Предъ взорами Москва — и нѣтъ Москвы конца.

О Муза! зрѣлищемъ роскошнымъ упоменны
Въ деревню посѣдимъ подъ кровъ уединенный,
Туда гдѣ Л. . . в съ природой жизнь ведетъ,
Древъ шѣнью Савинскихъ укрывшись отъ за-
ботъ ;

Не знаешь, въ садъ его вошедъ, чему дивишься,
Куда скорѣй спѣшишь, надъ чѣмъ остановишься ;
Сюда манишь лѣсокъ, шуда приятный лугъ ;
Тупъ воды обошли роскошныя вокругъ,
Тамъ Юнгъ и Фенелонъ, вдали кресны, клад-
бище ,

Напоминающъ намъ и вѣчное жилище ,
И узы жизни сей ; умбющъ научашъ ,
Не разрывая ихъ, по малу ослабляшъ .

Здѣсь памятникъ Гюонъ, сея жены почтенной,
Христовой рапницы, святой и изступленной,
Которая сложа грѣховной плоти прахъ,
До смерти, кажется, жила на небесахъ,
Которая славна и у враговъ закона
Примѣрной жизнью и дружбой Фенелона .

Воейновъ.

(8) Кто изъ Московскихъ жителей не знаетъ
Нескушнаго ? Кто не встрѣчалъ шамъ вес-
ны , не провожалъ лѣша ? В .

(9) Савинское, подмосковная Сенатора И. В.
Лопухина. Смотри Вѣспникъ Европы 1809
года, No 4. В .

П л о в е ц ы

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанѣ неизходимый
Буря волнъ мой занесла!
Въ пучахъ звѣздочка свѣтилась!
Не скрывайся! я взывалъ.
Непреклонная сокрылась;
Якорь былъ — и шотъ пропалъ!

Все одѣлось черной мглою;
Всколыхались валы;
Бездны въ мракъ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы!
„Нѣтъ надежды на спасенье!“
Я ропсалъ, унывъ душой.
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайно кормицкѣ твоей!

Невидимою рукою
Сквозь режущіе валы,
Сквозь одѣшны бездны мглою
И грозящія скалы
Мощный вѣлъ меня Хранишель!
Вдругъ . . . все тихо! мракъ исчезъ!
Вижу райскую обитель;
Въ ней трехъ Ангеловъ небесъ

О Спаситель - Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На колѣняхъ, въ восхищеньѣ
Я смотрю на образъ ихъ!
О! кто прелестъ ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дашешь
И невинностью святой!

Неиспытанная радость!
Ими живи, для них дышай!
Их рѣчей, их взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимаешь!
О судьба! одно желанье:
Дай всё блага имъ вкусить!
Пусть имъ радость, мнѣ спрдаанье!
Но . . . не дай ихъ пережить!

В. Ж.

~~~~~

Къ моему другу.

О милой другъ! шепчи съ тобою радость!
А я одинъ, и мой печаленъ путь!
Живи, вкушай невинной жизни сладость!
Въ душѣ неизмѣнись, достойна счастья будь!
Но не оприни въ полюбъ пльняемыхъ тобою
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Ихъ радости дѣли, ему опрадой будь,
Его, мой другъ, не позабудь!

О милой другъ! намъ рокъ велитъ разлуку;
Дни, мѣсяцы, и годы пролетятъ —
Вошче къ тебѣ, проспру отъ сердца руку;
Ни голосъ швой, ни взоръ меня не усладитъ!
Но и въ дали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ, ты мой хранитель. Ангелъ будь!
Меня, мой другъ, не позабудь!

О милой другъ! пусть будетъ прахъ хо-
лодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила!

Есть лучший міръ! тамъ мы любимъ сво-
бодны!

Туда моя душа ужь все перенесла!

Туда всечасное влечетъ меня желанье!

Тамъ свидимся опять! тамъ наше воздаянье!

Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь!

Меня, мой другъ, не позабудь!

В. Ж.

Ж е л а н и е.

Озарися, долъ туманный!

Разступися, мракъ густой!

Гдѣ найду исходъ желанный?

Гдѣ воскресну я душой?

Испещренные цвѣтами

Красны холмы вижу тамъ;

Ахъ! за чѣмъ я не съ врилами!

Полетѣлъ бы я къ холмамъ!

Тамъ поютъ согласны лиры!

Сладкій голосъ тишины!

Мчатъ ко мнѣ оптоль зефиры

Благовонія весны!

Тамъ блестятъ плоды златые

На сѣнистыхъ деревьяхъ!

Тамъ не слышны вихри злые

Въ сладкодышущихъ цвѣтахъ!

О предѣлъ очарованья!

Какъ прелестна тамъ весна!

Какъ отъ юныхъ розъ дышанья

Тамъ душа оживлена!

Полечу туда! . . . напрасно!
Нблв пухей кб симб берегамб!
Предо мной пошокб ужасной
Грозно мчишся по скаламб!

Лодку вижу . . . гдбжб жошамый?
Бдемб! будь что суждено!
Паруса ея крилашы
И весло оживлено!
Вбрь тому, что сердце скажетб!
Нбшб залоговб опб небесб!
Намб лишь чудо пушь укажетб
Вб сей прелесшный край чудесб!
В. Ж.

~~~~~  
Къ Филону.

Блаженб, о Филонб, кшо Харипамб богинямб
жерпвы приносятб.
Какб свбплые дни легкокрылаго Мая вб блескб
весеннемб,
Какб волны ручья озарены улыбкой юнаго
ушра,
Дни его легкимб поленомб лепяшб!

И полный фялб, освященный устами дбвб
полногрудмхб,
И лира, вб кругу окриляемыхб пляской Фав-
новб звеняща,
Да будущб отб насб до низхода вб предблы
пайнаго Мира
Граціамб дбвамб стыдливости дарб!

И горе тому, кто Харисамъ проливенъ! Низ-
кая мысли
Его опъ земли не восходящъ къ Олимпу! Богъ
пбснопбня
И нбжный Ерощъ съ нимъ враждуютъ! На-
прасно лиру онъ спрощъ;
Жизни въ упорныхъ не будещъ спрунахъ!
В. Ж.

Ж а л о б а.

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вбнокъ,
И шумящими волнами
Уносилъ цвбшы попокъ.
„Такъ люшся дни младае
„Невозвращною спруей;
„Такъ всб радости земные
„Цвбщъ увядшй полевой!
„Ахъ! безвременной шоскою
„Умерщвленъ мой юный цвбщъ!
„Все воскресуло съ весною;
„Обновился Божй свбщъ
„Я смотрю — и холмъ весело
„И поля омрачены:
„Для души осиротблой
„Нбщъ цвбщуця весны!
„Что въ природб, озаренной
„Красотою майскихъ дней?
„Есть одна во всей вселенной. . . .
„Къ ней душа, и мысль объ ней!

„Къ ней стремлю, забывшись, руки. . .
Милый призракъ прочь лешишь!
„Ктожь мой услышитъ муки,
„Жажду сердца ушолитъ?“

В. Ж.

П ъ в е ц ь .

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно, тамъ плескаетъ въ брегъ струя!
Чуть вътерокъ шамъ дышетъ межъ листьями!
На вѣтляхъ лира и вѣнецъ;
Увы! друзья, сей холмъ — могила!
Забъсь прахъ пѣца земля сокрыла!
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою,
Но въ мирѣ семъ минутный гость онъ былъ;
Едва расцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ;
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣтилъ онъ конецъ;
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы!
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку —
Но вѣрный другъ во цѣлшъ лѣтшъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!
Теперь всему, всему конецъ!
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь, тиха пивоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь у ручья вечернею порою
 Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
 „О красный міръ, гдѣ я вопще разцвѣлъ!
 „Проси на вѣкъ! съ обманушой душою
 „Я счастья ждалъ . . . мечтамъ конецъ!
 „Погибло все! умолкни лира!
 „Скорѣй! скорѣй въ обитель мира,
 „Бѣдный пѣвецъ!

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья!..
 „Блаженство знаешь, къ нему лѣтѣшь душой,
 „Но пропасть зрѣшь межъ имъ и межъ собой!
 „Желать всякъ часъ, и шепетаешь желанья!..
 „О приспань горестныхъ сердець,
 „Могила, вѣрный путь къ покою,
 „Когда же будетъ взятъ шобою
 „Бѣдный пѣвецъ?“

И нѣтъ пѣвца! его не слышно лиры;
 Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
 И скорбно все въ долину, на холмахъ;
 И все молчитъ; лишь шикіе, зефиры,
 Колебая вянущій вѣнецъ,
 Порою вѣютъ надъ могилой —
 И лира вторитъ имъ уныло:
 Бѣдный пѣвецъ!

В. Ж.

~~~~~

Е л и з и у м ъ .

Роца, гдѣ податель мира,
 Добрый геній смерти, спишь;
 Гдѣ румяный блескъ ефира
 Съ шѣвною зибкихъ сѣней слышь;

Гдѣ испочника журчанье
 Какъ далекій ошзывѣ лирѣ;
 Гдѣ печаль забывѣ ропшанье
 Обрѣшаетѣ сладкій мирѣ.

Сѣ тайнымѣ шрепешамѣ, смяшенна,
 Въ упоеніи боговѣ,
 Для безсмертъя возрожденна,
 Сбросивѣ пепельный покровѣ,
 Входитѣ въ сумракѣ твоей Психея!
 Неприкованна къ землѣ,
 Юной жизнью пламенѣя,
 Развила она крилѣ!

Полетѣла въ шихомѣ свѣтѣ,
 Сѣ обновленною красой,
 Въ долѣ туманной къ тайной Лешѣ;
 Мнилось, легкою рукою
 Теній влекѣ ее незримый!
 Видитѣ мирные луга,
 Видитѣ Лешою кропимы
 Очарованны брега.

Вѣ ней надежда, ожиданье!
 Наклонилася къ водамѣ,
 Усмиряющимѣ спраданье!
 Ликѣ простерся по струямѣ!
 Такѣ безоблаченѣ играешѣ
 Въ морѣ мѣсяцѣ молодой;
 Такѣ въ источникѣ сверкаетѣ
 Факелѣ Геспера златой.

Лишь фіялѣ воды забвенья
 Поднесла къ устамѣ она —
 Дней минувшихѣ припадѣнья
 Скрылись легкой шѣнью она;

Тихимъ лешомъ полетѣла
Къ очарованнымъ холмамъ;
Гдѣ журчашъ, какъ Филомела,
Свѣшлы воды по цвѣшамъ.

Все въ торжественномъ молчанѣ!
Припаились въшерки;
Лавровъ стихло-препепанье;
Спяшъ на розахъ моншылки;
Такъ молчало все шворенье —
Море, воздухъ, берегъ дикъ —
Зря пѣнисныхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Аворы!
Никогда такой красой
Не сіяли рощи, горы,
Обновленные весной!
Мирты съ зыбкими лиспами
Тонуть въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣшлыми звѣздами
Оспразились въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
Въ лѣсѣ Карійскій проникалъ,
Гдѣ ловишвой ушомленный
Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣнивой ропощъ,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Разливался въ лѣсѣ шопощъ:
Пробудись, Евдиміонъ!

Пиршество Александра, или Сила гармоніи.

По страшной битвѣ той, гдѣ Царь Персиды
Оставля рать, вѣнецъ и жизнь въ кровавомъ
паль,
полѣ,

Возвышенъ, возсѣдалъ,
Въ сіяньи на престолѣ,
Красою богъ, Филиповъ сынъ!
Окрестъ — вождей и ратныхъ чинъ!
Вѣнцами розъ главы увиты!
(Вѣнецъ естъ даръ шебѣ, сынъ брани знамени-
тый!)

Таиса близъ Царя сѣдишь,
Любовь очей, восшока диво:
Какъ роза, юный цвѣщъ ланишь;
И полонъ страсти взоръ сшудливой!

Блаженная чеша!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!

✱

И зрѣлся Тимоѳей среди поющихъ клира;
Лепали персты по струнамъ;
Какъ вихорь мощный звонъ взвивался къ не-
бесамъ!

Звучала радостію лира!

Ошъ Зевса пѣснь ведетъ Цѣвецъ:
О власть любви! ошъ горня прона,
Покинулъ громъ, боговъ отецъ,
Подъ дивнымъ образомъ дракона
Низходитъ въ міръ; дугой вѣетъ
Огненешуйчатый хребетъ;
Въ немъ страсти пышетъ вождальнѣ!

Къ Олимпіи летишь; къ грудямъ ея приникъ;
Обвилъ шрикрапы спанъ — и се Зевесовъ ликъ!
Се новый Царь землѣ! се грознаго рожденье! —
И строй внимающихъ воспоргомъ распаленъ;
Кличь шумный: бога зримъ! И спаръ и младъ
воспрянулъ!
И звучно: бога зримъ! по сводамъ ошзывъ гря-
нулъ!

Царь славой упоенъ!
Зрись звѣзды подъ ополою!
И мыслишь: онъ Зевесъ!
И движешъ онъ главою,
И мнишь — подвигнулъ сводъ небесъ!

Хвалою Бахуса воспламенились спруны:
Грядешъ, грядешъ веселій богъ,
Всегда прелестный, вѣчноюный!
Звяцай кимвалъ! раздайся рогъ!
Се Бахусъ свѣшлый, сановишый!
Какъ пурпуръ пламенны ланишы!
Звучи труба! грядели! грядешъ!
Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьешъ!
Кипишь въ ней пламень сладоспращный!
Пей, воинъ, даръ шебѣ сосудъ!
О Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламеневный,
Забудь, сынъ брани, бранный шрудъ!

И Царь, волнуемъ спрунъ игрою,
Въ мечсахъ сзываетъ раши къ бою:
Трикрапы врагъ сраженный имъ сраженъ,
Трикрапы пѣанный ринушь въ пѣнѣ!

Пѣвецъ зрись гѣва пробужденье
Въ сверкани очей, во пламени ланишь;
И небу и землѣ грозящу ярость зрись!
Онъ спруны укрошилъ — ихъ заунывно пѣне;

Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ —
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась!

*

Онъ Дарія поетъ: Царь добрый! Царь Великій!
Кшо равенъ съ нимъ? Но рокъ свой грозный
судъ послалъ!

Онъ палъ! онъ спрашно палъ!

Нѣтъ Дарія владыки!

Въ кипящей зыблешся крови!

Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ!

Нѣтъ въ мирѣ для него любви!

Хладѣетъ на песчаномъ полѣ!

Гдѣ другъ — глаза ему смежишь,

И прахомъ сирую главу его прикрывъ?

*

Сидѣлъ герой съ поникшими очами!

Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ

Стези судьбы, играющей Царями;

За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ;

И пролилась печаль его слезами.

*

И дивный пѣснопѣвецъ зривъ,

Что жаръ любви уже горитъ

Въ душѣ, вкусившей сожалѣнья,

И пѣснь выигралъ онъ наслажденья:

Проснись, Лидійскій брачный гласъ!

Проникни душу пламень сладкой!

О вишазь, жизнь — крылатой часъ!

Мы радость ловимъ зѣбсь украдкой!

Лешучей пѣны клубъ златой,

Надуемый пышно и пустой, —

Вошъ честь, надмѣнныхъ душъ ловитва!

Народамъ казнь — за славу битва!

Слѣщи бытъ счастливъ, богъ земной!

Тамса — цвѣтъ любви съ шобой!

Къ тебѣ ласкается очами!

Въ груди желанья шайный жаръ,

И дышетъ спрашень ея устами:
Вкуси любовь, безсмертныхъ даръ!

*

Воспалъ отъ соима кличь и своды воспенали:
„Хвала и честьъ любви! пѣвцу хвала и честьъ!“

И полонъ сладостной печали,
Очей не можешъ Царь задумчивыхъ опшесъ
Отъ дѣвы, спрашью распаленной;
Блаженъ своей поскою! что взгляды — шо нѣ-
жнѣйшій вздохъ —
Горишь и гаснешъ взоръ, желаньемъ напоенной,
И томный палъ на грудь Таисы полубогъ!

*

Но струны грянули подъ сильными перстами;
Ихъ спрашный звонъ какъ съ прескомъ
падшій громъ!

Звучнѣй! звучнѣй! воспрянулъ Царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ вѣги сладкій сонъ,
Исчезла прелестъ вожелбня!

И слухъ его разитъ тяжелый, дикій шонъ:
Сынъ брани, мщеня! мщеня!
Возникла ярость Евменидъ!
Се дѣвы казни! спрашный видъ!
Смотри! смотри, межъ ихъ власами
Зіяютъ пасти грозныхъ змѣй!
Шипятъ, свистятъ, свѣдись хребтами!
Лють искры изъ очей:

Но что? тамъ блѣдныхъ шбней лики!

Воздушный полкъ на облакахъ!

Се мчатся! свѣшочи въ рукахъ!

Ихъ грозенъ видъ! ихъ взоры дики!

То выпязи твои! Сраженнымъ въ битвѣ нѣшъ

Последней дани погребеня;

Пустынный врагъ ихъ струны рветъ!

И воютъ: мщеня! мщеня!

Бѣжитъ отъ ихъ огней пожаръ по небесамъ!
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещущъ;
Туда погибель мещущъ!
Къ мечамъ! бойницы въ прахъ! огню и домъ
и храмъ!

И сонмы всколебались къ брани!
На щипъ и мечъ упали длани!
И Царь погибельный свѣшильникъ воспалилъ!
Содрогнись, Персеполь! грядешь владыка силъ!
Тайса вождь герою,
Елена новая зажжешь другую Трою.

Такъ древней лиры гласъ, когда еще молчалъ
Органа мѣхъ чудесный,
Перстамъ послушенъ, оживлялъ
Въ душѣ восшоргъ и гнѣвъ и чувства жаръ
преlestный;
Но днесъ другую жизнь Гармоніи дала
Сесилія, творецъ органа;
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Протяжностъ съ быспропой; звонъ лиры,
громъ тимпана,
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ. О древнихъ лѣтъ
пѣвецъ!
Клади къ ея стопамъ заслугъ своихъ въвецъ!
Но нѣтъ! вы равны вдохновеньемъ!
Имъ смертный къ небу вознесенъ:
На землю Ангелъ низведенъ
Въ чудеснымъ сладкопѣньемъ!

Съ Англійскаго В. Ж.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ Изящной Словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ.

Принимая смѣлость, бесѣдовавъ съ Вами (*) объ Изящной Словесности, я чувствую и совершенно увѣренъ, что не могу ничего сказать вамъ новаго, необыкновеннаго. Всѣ мои *членія* суть не что иное, какъ усердная жертва общественному вашему вкусу, вашей образованности, вашимъ знаніямъ, — не что иное, какъ просьбы замѣчанія человека, посвятившаго себя изящнымъ наукамъ, представляемые шѣмъ, которые въ нихъ испытали уже наслажденіе, и довели ихъ до извѣстной степени совершенства; представляемые съ шѣмъ, чтобы повѣришь общественной вкусу свой; замѣчанія любителя Словесности, которой спремится со всѣми раздѣлишь свои удовольствія. — Я думалъ: всякой любитъ воспоминашь о лучшихъ радостяхъ своей

(*) Это относится къ слушателямъ, для которыхъ читана была сія лекція въ прошломъ году. *Изд.*

жизни, занимавшихъ, или занимающихъ его сердце; всякой любитъ слушать объ нихъ, говорить объ нихъ всегда и вездѣ; всякой желаетъ, подобно мнѣ, раздѣлить ихъ съ другими, или быть, по крайней мѣрѣ, участникомъ въ бесѣдѣ общества образованнаго, гдѣ говорятъ и судятъ о Словесности, какъ объ одномъ изъ невинныхъ и сладчайшихъ удовольствій. — Сію-по любовь къ изящному, сію привязанность благородную призываю теперь быть судьей моей смѣлости, — и надѣюсь, что она извинитъ меня; надѣюсь, что вы будете смѣрять болѣе на мое усердіе, нежели на искусство, на мои чувствованія болѣе, нежели на мои знанія. — Все то, что по сіе время извѣстно намъ въ великолѣпной, очаровательной области Словесности и Изыщныхъ искусствъ, не есть плодъ трудовъ одного человека, но плодъ дѣятельности многихъ вѣковъ и многихъ народовъ. — Еще съ одной стороны доказываетъ важность искусства, во всѣ счастливыя времена любимаго; съ другой стороны трудность обнять его всѣ отношенія и подробности. — Но я не спрашусь ешаго. Мнѣ руководителемъ будетъ собственной вашъ вкусъ; меня подкрѣплять будетъ ваша любовь ко всему прекрасному. Правда, вступаю въ сей лабиринтъ неиспытанный, надобно имѣть имѣть Аріаднику — правила,

признанныя уже всѣми умами просвѣщенными съ того времени, какъ науки существоуютъ. — Но что такое сѣи правила? Слѣдствія наблюдений, сдѣланныхъ человекомъ надъ собственными своими чувствами, при воззрѣнїи на предметы занимательные. — Геній, желая удовлетворить вкусу, немогъ ешаго сдѣлать иначе, какъ спараясь тайно замѣчать всѣ его прихоти, всѣ его удовольствія. — Онъ издали невидимо принималъ образъ Аристошеля, слѣдовалъ за нимъ въ роскошной садъ Природы; онъ странствовалъ за нимъ по сферамъ небеснымъ; онъ вился пчелою между пасухами и паспушными; онъ парилъ надъ нимъ въ бесѣдахъ общественныхъ, среди игръ и пиршествъ, среди смѣшнаго и забавнаго; онъ посѣщалъ съ нимъ обитель бѣдствій, горести и унынія; онъ замѣчалъ его при великолѣпныхъ дворахъ, царствующаго на престолахъ, и прятался за уборнымъ сполномъ красавицы, которой ланишы горбли ожиданіемъ ея возлюбленнаго; онъ видѣлъ страшное поле брани, и веселыя обители мира; — видѣлъ вкусъ во всѣхъ безчисленныхъ его измѣненіяхъ, и собравъ сѣи сокровища, съ торжествомъ обнародовалъ ихъ подъ важными именами Курсовъ словесности; Риторикъ, Пѣишикъ и проч. — Вы видите изъ сего, Милостивыя Государыни и Милостивые Государя, что я, предлагаю

вамъ *правила* о словесности, какъ необходимыя приуготовительныя средства для удобнѣйшаго обозрѣнiя храма изящности, ни мало не спану мучить васъ опвлеченною *ученостiю*: всѣ мои Чтенiя будутъ не что иное, какъ исторiя вашихъ собственныхъ удовольствiй, вашихъ занятiй. — Представъше себѣ радушнаго товарища вашей прогулки, представъше въ то время, когда поговоривъ съ нимъ об искусствѣ садовомъ, вы сдѣлали бы ему честь пригласить его прогуляться по цвѣтнику, который сами вы насадили, поливали, возрасшили. Онъ возьмешъ съ собою иногда совѣщавшись съ вами, на своемъ ли мѣстѣ цвѣткѣ, вами посаженной; такъ ли выгодно расположенъ епошъ садъ, которому вы удивляеесь, на своемъ ли онъ мѣстѣ; не поперяны ли гдѣ красоты природы, или силы искусства: онъ раздѣлитъ вмѣстѣ съ вами удовольствiе при поразительномъ видѣ зданiя, развалинъ, пещеры, рожицы или луга, вами въ саду расположенныхъ. Точно то же и любитель Словесности, принимающiй на себя благородную должность *крилика*. Позволише ли вы ему также разбирать съ вами цвѣты поезiи, или прогуляться по неизслѣдимому и великолѣпному саду изящнаго? Цѣль его невинна и доброжелательна: онъ имѣетъ въ виду ваши удовольствiя.

Основаваясь на принятыя всѣми правилами, онъ старается отдѣлить красота отъ недоспашковъ, дабы лучше наслаждаться первыми; дабы приучить взоръ и слухъ къ быспрѣйшему познанію изящнаго, а сердце къ приятнѣйшимъ ощущеніямъ, неизвѣстнымъ сердцу необразованному; онъ ведетъ васъ отъ басни до еклоги, до драмы и поемы; онъ будетъ вмѣстѣ съ вами замѣчать сохраненіе приличій, мѣста времени и обстоятельство каждаго изъ сихъ родовъ; онъ будетъ, или паче, вы сами будете раздроблять цвѣты и пѣни, ошличать блескъ ложной отъ свѣта истины; красоту отъ погоса, что имѣетъ ея наружный призракъ; вы слабаете удовольствіи своемъ разнообразіи, цвѣшущи, неясности. — Вотъ предметъ бесѣдъ нашихъ; правила и образцы, или лучше *разсмотрѣніе образцовъ*. — То и другое суть основа и образованіе вкуса. Въ бесѣдахъ моихъ постараюсь не оскорбить его строгими замѣчаніями: вкусъ есть цвѣшокъ, который начинаешь вянуть, какъ скоро взяли будешь въ руки. — Счастливи буду, если хотя нѣсколько возмогу соопвѣтствовать вашимъ ожиданіямъ, если время употребленное вами на слушаніе моего курса не почтете опинатымъ у вашихъ удовольствій! —

Но я полагаю надежду свою на прелесть самого искусства и на привязанность вашу къ нему: — оно будетъ само ходатайствовать за меня, оно замѣнитъ мою слабость. — О! если бы возмогъ я перелить въ сердце каждаго пѣ наслажденія, которыя почерпаешь человекъ въ занятіяхъ изящныхъ! Возможно ли исчислишь всѣ сіи удовольствія? — нужно ли говорить о пользѣ, произтекающей отъ нихъ въ обществѣ и семействѣ? Нужно ли доказывать благошворное дѣйствіе солнца на природу физическую? она имъ живетъ и движется. Нужно ли говорить о наукахъ, рожденных благородною нравственностію и назидающихъ ее? — Словесность и изящныя науки суть тоже для нравственнаго мѣра, что солнце для физическаго. — Онѣ разсѣяли мрани вредныхъ предрасудковъ, которые нѣкогда опягчали человѣчество, какъ бремя желѣзное, унижительное. Онѣ приносятъ всѣ добродѣтели. Возвышенныя чувства и высшіе примѣры, какіе часто представляють намъ поэзія и краснорѣчіе, воспламеняють въ душѣ нашей любовь къ отечеству, къ славѣ, пренебреженіе суетныхъ прелестей счастья и удивленіе ко всему истинно знаменитому и великому. — Замѣчено безчисленными опытами, что и въ другія искусства, какъ въ музыку, живопись и проч. во мѣрѣ того возвышались, какъ

возвышалась Словесность. — Она служила знаменіемъ народнаго блага, могущества, величія; посредствомъ ея, безъ громовъ разрушительныхъ, одинъ народъ побѣждаетъ другой, и покоряетъ его какому-то умственному подданству. Аѳины, и въ униженіи своемъ, обладали всемогущимъ Римомъ, обладаемымъ вселенной. Словесность соединяетъ вѣки съ вѣками, и безвизвѣстные народы съ опдаленными народами, мертвыхъ съ живыми, прошедшее съ настоящимъ. Великолѣпные города, чудесные памятники, огромныя арміи и флоты исчезаютъ; память царства погибаетъ: но если въ немъ процвѣтали науки и искусства, то изъ мрака развалинъ возникнутъ его изобрѣшенія, возгремѣтъ его пѣсни, изыдутъ самыя забавы его, и народъ несуществующій оживляется для потомства, чтобы принять дани благоговѣнія. — Что намъ теперь до разрушительныхъ ополченій Персовъ и Аѳинянъ? что намъ до походовъ Юліевъ Цезарей? Но Демосѳенъ живетъ и оптимизуетъ всепогубляющему времени за Аѳинянъ; а Юлій Цезарь удивляетъ насъ не столько своими побѣдами, сколько краснорѣчивыми записками, объ нихъ намъ оспавленными! И все это уже ли не въ силахъ возбудить въ насъ благороднаго соревнованія, чувства національной гордости, любви къ

Словесности опечесивенной? Послушаемъ
Горація :

Съ начала смертныя, какъ звѣри, обитали,
Скитаясь по лѣсамъ, другъ друга пожирали.
Орфей, превыспреннихъ посланникъ и пѣвецъ,
Извлекъ огонь любви изъ каменныхъ сердецъ!
Скала, бездушный дубъ, хищенъемъ шигръ жи-
вущій,

Склонилися на гласъ, въ пустынѣ вопіющій;
Спадъ пастырь, Амфіонъ, для Кадмовыхъ
племенъ

Гранишы горъ собралъ въ громады пышныхъ
спѣвъ;

Явился градъ, престоль, ... и счастья начала;
Поэзія узлы взаимности оавзала.

Учила суетности, святыню различать,
Общественно добра всему предпочитать.

Права любви, законъ, щадящія государства,
Спокойствіе гражданъ, предметъ чиновачаль-
ства,

Участникъ пайнъ судьбы изрекъ и начерталъ:
Священный Бардъ, какъ богъ, народомъ упра-
влялъ.

Гомерова труба гремитъ явленья боевъ,
Чудесной лрою Тиршей пворитъ Героевъ,
Оракулъ въ пѣснахъ намъ даетъ небесный судъ
И въ Фебовыхъ садахъ всѣ доблести распушъ!...

Предъ тронами Царей Перида вѣщаютъ,
И злобныя сердца любовью къ ближнимъ шаютъ;
Онъ отрада намъ въ юдоли слезной бѣдъ! . . .
Богатство бѣднаго, богашаго совѣтъ,
Въ уединеньи другъ, младыхъ и старыхъ ра-
доссть,

Близшанье значности, посредственности сла-
доссть! . . .

О Музы! . . . о мой рай! . . . блаженъ, сто-
крашъ блаженъ,
Кто можешь васъ любить, кто вами награ-
жденъ! . . .

Приятности общешнїя, удовольствїя
общественныя, вѣжливостъ, нѣжностъ и
упонченностъ обращенїя, котораго душою
есть безъ сомнѣнїя языкъ образованной:
все зависитъ отъ успѣховъ словесности. —
У насъ, въ несчастїю, ещо еще не такъ
видимо? Молодой человекъ, который хо-
четъ показать себя въ свѣтѣ, кажется,
при всякомъ разѣ какъ сбѣжжаешь со дво-
ра, отправляется далеко изъ Россїи: ибо,
куда бы ни явился, долженъ говорить по-
французски. Когда же онъ живетъ въ сво-
емъ отечествѣ, съ своимъ языкомъ? —
Тогда только, когда принужденъ бываетъ
ходить по судамъ, или давать повелѣнїе
слугѣ своему. — Изящныя науки, при мно-
гихъ своихъ приятностяхъ, имѣютъ еще
шу выгоду, что занимаютъ умъ нашъ,
неутомляя его; онъ вѣдутъ къ изысканї-
ямъ шонкимъ, но не шягоснымъ, глубо-
кимъ, но не сухимъ и отвлеченнымъ: онъ
усыпаютъ цвѣтами сщезю науки. — Об-
разованїе вкуса еще болѣе полезно по шѣмъ
счастливымъ дѣйствїямъ, которыя онъ
производитъ въ человеческой жизни. —
Самой прилѣжной человекъ — въ самомъ
дѣятельномъ кругу — не можешь все-

гда занимаешься своею должностію. Мужъ государственный не можетъ всегда вперять умъ свой въ важныя размышленія. — Вспомнимъ Сципіона, отъ шума побѣдъ и пріумфовъ лежащаго во объятія друга своего Еннія, которой училъ его сочинять стихи и судить о нихъ; вспомнимъ добродѣтельнаго Марка Аврелія, обладающаго извѣстнаго погда міра, послѣ трудовъ царственныхъ, ловящаго драгоценную минушу досуга, чѣобы раздѣлилъ ее съ какимъ нибудь Греческимъ философомъ! Или лучше представимъ себѣ мудрую Законодательницу Сѣвера, которая въ иномъ же волшебномъ храмѣ, гдѣ приводила въ движеніе цѣлую Европу, въ часы отдыха сочиняла Исторію своего народа и забавныя оперы! . . . Самранъ, обладающій несмѣрнымъ богатствомъ, счастливецъ міра, незнающій пренены своимъ желаніямъ, при всѣхъ неиспоцимыхъ своихъ средствахъ не находилъ способа на полнѣе удовольствіемъ всѣ часы своей жизни. Время всегда тяготилъ празднаго. Оно часно будешь тяготишь и дѣловаго челѣвѣка, если онъ не присовокупляетъ вспомогапельныхъ занятій къ тому, что составляетъ его главное упражненіе. Чѣмъ же наполняется пустыя мѣста сіи, тѣ незанятые ничѣмъ промежутки, которые чаще или рѣже встрѣчаются въ жи-

ни каждаго человека? — Какое упражненіе приащивает само по себѣ, или какое болѣе прилично достоинству ума человеческого можешь быть, какъ не образованіе вкуса, или изученіе изящной Словесности? — Какъ щощь счастливы, кто получилъ склонность къ симъ занятіямъ! Онъ имѣетъ невинную, благородную утѣху для своихъ досужныхъ часовъ, и способъ предохранить себя отъ опасностей многихъ пагубныхъ спрассей; онъ не боится быть въ шажость самому себѣ; онъ не принужденъ предаваться другимъ забавамъ разрушительнымъ или шумнымъ, отъ которыхъ грубѣетъ человеческая природа; онъ въ сердцѣ своемъ заключаетъ множество неизсякаемыхъ удовольствій. — Благоразумно древніе мудрецы старались какъ можно ранѣе поселить въ юноцахъ склонность къ удовольствіямъ вкуса. — Опытомъ дознано, что всегда добрую надежду подающъ о себѣ шѣ, которыхъ умъ обращенъ къ сей благородной склонности. Многія добродѣтели родятся отъ нее могутъ. Но когда юноща вовсе не имѣетъ привязанности ни къ краснорѣчію, ни къ поезіи, ни къ другому какому нибудь искусству; ето служивъ вѣрнымъ предвѣспіемъ, что онъ ничего хорошаго необщаетъ, что онъ наклоненъ къ низкимъ забавамъ, или осужденъ погрязнуть въ сажхъ безцѣльныхъ и

посыднхъ удовольствїяхъ. Почти со всякимъ добрымъ расположенїемъ ума и сердца совокуплена образованность вкуса. Образованной вкусъ дѣлаешь насъ чувствительными ко всѣмъ нѣжнымъ и достойнымъ челоѣка спрашамъ, и въ то же время ушгщаешь бурныя, насильственные волненїя духа. Чистая превосходнѣйшїя произведенїя генїя въ стихахъ или въ прозѣ, всякой богатствѣ нѣкоторыми добрыми впечатлѣнїями. По крайней мѣрѣ всѣ ушверждающъ, что не обладая святыми чувствами добродѣтели въ сильной степени, никто же можешь быть отличнымъ поэтомъ и орасторомъ. — Онъ долженъ носить въ душѣ своей все то, что чувствуешь доброй челоѣкъ, если желаетъ сильно шрогаць, или занимать людей. Одно только пламенные восторги чести, добродѣтели, великодушїя могутъ возмечь щощъ огонь генїя и вдохнуть шѣ высокїя мысли, которыя привлекающъ удивленїе вѣковъ; и если шаной духъ необходимъ для того, чтобы достигнуть до самыхъ высокїхъ красотъ вишїйства, то онъ равно необходимъ и для того, чтобы цѣнить ихъ съ надлежащимъ вкусомъ и вѣрностїю.

Таковы влїянїя изящной словесности на наше благополучїе. Всѣ желанїя мои совершались, если сїи чшенїя принесушь

ей хощя малую пользу; если я въ состо-
яніи буду увеличить привязанность вашу
къ сему роду жишейскихъ нашихъ радо-
стей, которыхъ составляющъ лучшія на-
слажденія сердець благородныхъ! Я восхи-
щаюсь усладительною мыслию, что у насъ
удовольствія дитперантуры вспунающъ въ
кругъ удовольствій общественныхъ, и что
съ сей стороны открывается для душъ
образованныхъ новое поле, прежде столь
мало намъ извѣстное, съ котораго столь
мало собирали мы плодовъ, въ сравненіи
съ другими народами! Щедрая природа
надѣлила насъ всеми возможными благами.
Ощечество наше стоишь въ первой линіи
Государствъ Европы; мы имѣемъ сношенія
со всеми другими націями сей части свѣ-
та. Мы превзошли многихъ силами, хра-
бросцію, побѣдами: въ чемъ же осмалось
намъ сравняться съ ними! У насъ, какъ
и вездѣ, царствуютъ моды, балы, концер-
ты; у насъ ещъ для приятнаго препро-
вожденія времени охота и шашеры; у насъ
всѣ прихоти роскоши, нѣги и забавъ; но
не уже ли ещъ одно составляющъ что благо-
родное оплячїе, по которому должны мы
причисляться къ столь достойно почища-
емымъ Европейцамъ? Возмемъ однихъ Фран-
цузавъ, которыхъ нѣкогда слыли учителими
лучшаго образца жизни. — Не уже ли всѣ
Парижскія удовольствія, по крайней мѣрѣ

и прежде, состояли въ однихъ забѣвахъ, изобрѣшенныхъ для разсѣянiя: въ балахъ, концертахъ, картахъ, охотѣ! Неужели усовершенствованiемъ сихъ только шаланцовъ достигли Французы высокой чести, бысть примѣромъ цѣлой Европѣ? Вообразимъ себѣ благородныя общества вѣна Лудовика XIV., вообразимъ себѣ ходъ возвышенiя сихъ, споль много превозносимыхъ Французовъ, и спросимъ самихъ себя: какъ и въ чемъ мы имъ подражаемъ? Французы сами сперва подражали; но все у нихъ, что занято ими у Испанцовъ, приведено въ совершенство; мы осмѣаемся только подражателями, и то въ нѣкоторыхъ мѣлочахъ. Французы не ограничили себя однимъ сосѣднимъ народомъ, но воскресили мертвыхъ Грековъ и Римлянъ для своей славы и чести: мы ничего не хотимъ видѣть кромѣ ихъ однихъ; ибо, кажется, для насъ тяжело, шествовать по трудному пути ихъ образованiя. — Французы съ разборчивостiю брали у Испанцовъ все то, что имѣли сiи послѣднiе лучшаго: мы принимаемъ ихъ костюмы, моды, учители безъ всякаго разбора! Если судьба опредѣлила, чтобы всѣ народы просвѣщались подражанiемъ однимъ другому; то мы спанемъ подражать имъ не въ бездѣлакахъ: мы пославимъ себя на мѣсто ихъ, будемъ подобно имъ любить спеченной языкъ, гордиться имъ, будемъ

подражать имъ въ благороднѣйшихъ занятіяхъ, въ ихъ трудахъ, въ изысканіяхъ. Теперешній предметъ нашъ — удовольствія общежитія. — Посмотримъ на нихъ только съ ея стороны? — Первая Академія въ свѣтѣ, Академія языка Французскаго, основалась въ частномъ домѣ, въ домѣ женщины, любительницы словесности; первое оплечіе молодаго человека въ хорошихъ обществахъ — судъ обошечественныхъ произведеніяхъ, знаніе наукъ изящныхъ; — часы своего досуга проводяетъ онъ въ лицахъ, между учеными; самые приятнѣйшіе разговоры о наукахъ, философіи, политикѣ, словесности, исторіи, о важностяхъ языка и обращенія; первое средство въ чинахъ и славѣ — науки; первыя удовольствія — Авинскіе ужины, гдѣ собирались извѣстнѣйшіе остроумцы сообщать другъ другу новыя обороты, новыя выгоды языка своего; гдѣ не говорили на чужомъ языкѣ, но старались открывать новыя сокровища въ своемъ собственномъ! — Не думайте, Милостивые Государи, чтобъ я говоря такимъ образомъ, хотѣлъ унижать другія удовольствія нашихъ обществъ. Нѣтъ, я хочу доказать только одно то, что любовь къ Словесности у всѣхъ народовъ разливала новыя прелести на всѣ прочія удовольствія, что она была и должна быть ихъ душою. . . .

я радуюсь и поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы удостоили дасть ей мѣсто между прочими вашими приятнѣйшими забавами! За это особенно будемъ мы обязаны тому благодѣтельному участию, которое можете принять въ лицѣ рашурѣ полъ прекрасной. Пальма изящнаго всегда, у всѣхъ народовъ ему принадлежала. Онъ предметъ всѣхъ нашихъ желаній, всего нашего честолюбія; онъ составляетъ жизнь общества; онъ распоряжаетъ нашими удовольствіями; ему предославлено судьбою облагородствовать, образовывать нашу нравственность, слабить насъ ижными, чувствительными, добродѣтельными. — Спрямленіе къ приятностямъ и красотѣ изобрѣло изящныя науки: красотѣ и приятности посвящены онѣ. Подъ чѣмъ же другимъ покровительствомъ могутъ онѣ возвышаться и распространяться! . . . Скоро, скоро подъ попечительнымъ кровомъ Россіановъ, въ ихъ ижныхъ обѣщаніяхъ воспоенныя изящныя науки возрастутъ и украсятъ наши общества! — — —

Можетъ быть, икоторые скажутъ, что у насъ литература еще не весьма богата, и не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ общества; что критика еще не найдеть обильнаго для себя поля, и что ею заниматься рано. Но правда ли, что

Мы такъ бѣдны? Для чего обижаютъ самихъ себя! Мы уже имѣемъ превосходныхъ писателей почти во всѣхъ родахъ словесности! Одинъ Державинъ представляешь огромный, разнообразный садъ для ума и вкуса разборчиваго! Кому неприятно внимать величественной лирѣ Ломоносова? Кто откажется слѣдовать за Богдановичемъ въ очаровательные чертоги Амура? или, оживясь патриотизмомъ, стремишься на крылахъ пламенныхъ за важнымъ Херасковымъ подъ швердыни Казанскія, въ грознымъ пожарамъ Чесмы! Но на что, возражаясь, касаешься сихъ почтенныхъ именъ? Онѣ уже освящены общимъ мнѣніемъ! — Справное благоговѣніе къ Мужамъ великимъ, — думаешь, что мы дѣлаемъ имъ честь, когда не смѣемъ заглянуть въ ихъ сочиненія, не смѣемъ сказать объ нихъ ни слова! Такого рода уваженіе похоже на набожность Кишайцевъ, благоговѣющихъ передъ старыми своими книгами, кошорыя, будучи неприступны для ума просвѣщеннаго, осязающаго корыстію мышей и времени! И у насъ есть Кишайцы въ семъ смыслѣ! Для чегожъ и для кого шрудились сіи великіе Писатели! Хотѣли ль они быть полезными будущему поколѣнію? Если хотѣли, то дали право разбирать свои сочиненія! И когожъ другаго почтешь разборчивъ, какъ не ихъ? — Только швердые камни поли-

рующа; слабыя и легкія не споятъ и не выносятъ полировки!

Справное мнѣніе имѣемъ мы о кришкѣ! Дитя не смотритъ только на подаренныя ему куклы, но ихъ раскладываетъ; даетъ имъ мѣста, разговариваетъ съ ними; хорошій библиошеникъ не кидаетъ книгъ въ куну, но даетъ имъ порядокъ, знаетъ каждой цѣну и достоинство; садовникъ такъ же поступаетъ съ своими любимыми цвѣтами и деревьями: онъ пользуется отъ трудовъ своихъ. По чему же мы, имѣя такія сокровища на языкѣ Россійскомъ, хотимъ знать ихъ только по имени, или, что еще хуже, повпорять объ нихъ чужія мысли, часто невѣрныя? для чего самому не имѣть своего мнѣнія, самому не наслаждаться? Мы докажемъ, что мнѣнія мои ложны — опспускаюсь: но я человекъ и имѣю право — мыслишь. Но у насъ мало писателей! И такъ хотимъ ли, чтобы ихъ число умножилось? Будьте къ нимъ внимательны, или тоже, разбирайте ихъ; отъ чего они и умножаются и скорѣе достигаютъ совершенства. — Умножаются, — по чему? Вниманіе публики возбуждаетъ соревнованіе. Увидѣвъ, что истинное достоинство оплачено, слабость обнаружена, увидѣвъ, сколь почтенно выдти изъ обыкновеннаго круга людей, всякой ла-

хочешь испытать силы свои на столь блистательномъ поприщѣ. Покажите важность искусства: аплеши не замедляшъ явиться. Я сказалъ: *Скорѣе достигаютъ совершенства*; писатель недоспигнешь его, если публика не въ силахъ, или не хочешь судить объ немъ; ибо въ рукахъ публики — его награды; она раздражаешь его честолюбіе, и возбуждаешь къ великимъ усиліямъ. Равнодушіе наше — убійство словесности. Публика и писатель другъ друга награждаютъ: писатель даетъ ей пищу; она его образуетъ; одинъ доспавляетъ ей удовольствія; другая вбичаетъ его славою! Свидѣтели той и другой истины — всѣ просвѣщенные государства Европы. Ни въ какое время не было у нихъ столько хорошихъ писателей, какъ при царствованіи кришки.

Но какая кришка? возражашь мнѣ. — Конечно не та, которая состоитъ въ умѣнн изыскивать однѣ ошибки, въ сухомъ знаніи извѣстныхъ техническихъ шерминовъ, посредствомъ котораго навываемъ мы осмѣивать и хулить по ученому. Это свойственно только педантамъ. Истинная кришка есть благородное и достойное челоѣка искусство. — Она есть плодъ здраваго разума и тонкаго вкуса; цѣль ея — приобрести способность справедли-

вой разборчивости въ подлинномъ достоинствѣ авторовъ. Она увеличиваетъ наслажденія, доставляемыя ихъ твореніями, и предохраняетъ насъ отъ того слѣпаго и чрезмѣрнаго удивленія, которое смѣшиваетъ красоты ихъ съ недостатками. Словомъ, она научаетъ хвалить и порицать разсудительно, и не слѣдовать толпѣ слѣпопослвующей.

Не хочу долѣе удерживать вниманія вашего на сихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ. Но приступаю къ дѣлу. Настоящія бесѣды наши расположилъ я такимъ образомъ: сначала буду имѣть честь предложить общія правила о словесности и всѣхъ родахъ ея; потомъ займусь разсмащриваніемъ знаменитѣйшихъ писателей. — Карпинная галлерей открыта; но мы на время остановимъ свое першвѣе: узнаемъ сперва, какой школы сїи художники, какииъ покоряли они себя правиламъ, дабы, при разсмащриваніи, тѣмъ живѣе наслаждаться.

И такъ, съ позволенія почтеннѣйшихъ моихъ Слушателей и Слушательницъ, прежде всего намѣренъ я воздать обыкновенной старой долгу старымъ ученымъ, которыхъ правила впрочемъ весьма необходимы. Покорнѣйше прошу не пугаться; это значитъ только то, что я держусь принятой методы. Сперва скажу вообще объ иску-

ствѣхъ и наукахъ, дабы шѣмъ удобнѣе перейши къ пришнѣйшему для насъ Искусству.

Искусство вообще есть слѣдствіе правилъ, слѣдствіе науки. сдѣлать чтонибудь хорошее, когда можно это сдѣлать; ибо для того, что не можетъ быть ни лучше, ни хуже, нѣтъ ни правилъ, ни искусства.

Правила сїи, какъ прежде я сказалъ, не внушены намъ небомъ: Аполлонъ не диктовалъ ихъ; мы сотворили ихъ сами, и преврапили въ законы, когда большая часть намъ подобныхъ съ нами согласилась. — Слушая перваго орапора, геній наблюдателя замѣтилъ при нѣкоторыхъ мѣстахъ его рѣчи необыкновенно пришлое волненіе въ сердцахъ слушателей. Мѣста сїи означены надписью: *подражай имъ.* Теряясь въ очаровательныхъ зрѣлищахъ, представленныхъ намъ Гомеромъ, Софокломъ и Еврипидомъ, мы вдругъ почувствовали сладость удивительной гармоніи, располагающей богатствами ихъ воображенія, или природы, — и двадцать вѣковъ швердяшъ въ пользу Гомера, Софокла и Еврипида: *располагай такъ, какъ они, если хочешь правиться.* Читая свои стихи передъ молодою слушательницей, къ внезапному моему

удивленію я примѣшилъ, что она изволила заснуть; въ ту минушу я рѣшился въ присушствіи многихъ несчастныхъ своихъ клеветниковъ сожечь бѣдные свои списки, какъ очистишельную жершву предъ красотой и вкусомъ. Можешъ ли благомыслящій, одинъ разъ посѣпя Русалку, не сдѣлать себѣ правила: все несвязное, неприспойное, уродливое на театрѣ, не можешъ производить, надлежащаго дѣйствія въ сердцахъ благородныхъ. Сіи правила со временемъ будучи собраны и расположены удобнѣйшимъ для понятія образомъ, составили *науку*, коперая пригошоваешъ *искусство*.

Первой изобрѣтатель искусствъ есть *нужда* — самой остроумнѣйшій изъ всѣхъ учипелей на свѣтѣ, и при томъ такой, коперая скорѣ всего слушающъ. Человѣкъ съ минушы рожденія обнаженный, нинутный на обнаженную землю, извѣ имѣющій неприятелями зной, холодъ, сырость, все окружающее; внутри терзаемый жаждою и голодомъ, — человекъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи: онъ началъ искать способовъ къ сохраненію бытія своего и нашелъ ихъ. Первые успѣхи повлекли его въ другімъ; онъ приводилъ въ совершенство свои изобрѣпенія, старался сдѣлать ихъ болѣе вѣрными, болѣе удобными, болѣе достачочными на всякой случай. Дождь безъ

покойлѣ его: онѣ стремишся подѣ дерево; — но дерево не защищаешъ его отѣ вѣтра и сырости. Онѣ стараешся прѣискатьъ самое густое, соединяешъ вѣтви одного съ вѣтвями другаго, переплетаешъ ихъ, дабы разширишь епошѣ благошворной покровѣ не только для себя, но и для своихъ дѣшей, и для шѣхъ живошныхъ, копорыхъ прежде другихъ сдѣлались его пишашелями, шоварищами и друзьями. Наблюденія умножились. Промышленность и вкусъ прибавляли день ото дня къ старымъ опышамъ новые или для большей безопасности, или для удовольствія. Такишъ образомъ первая сѣнь древесная, восприявшая въ себя нашего праотца, была прообразованіемъ шѣхъ великолѣпныхъ чершоговѣ, въ копорые Соломонѣ призывалѣ невидимаго Бога, обшмлющаго вселенную, въ копорыхъ Монархи принимали Монарховѣ себѣ подобныхъ, прообразованіемъ весей и градовѣ; — шакимъ образомъ первое искусство соплеташъ вѣтви было колыбелью искусства великаго, извѣснаго шеперь подѣ именемъ зодчешва, дающаго намъ обштели прочныя, удобныя и приличныя.

Подобныя наблюденія производимы были надѣ всѣми другими искусствами, копорыя относились или къ сохраненію жизни, или къ содѣланію ее болѣе пришшноу: —

Самое слово человеческое сначала едва доспапочно было для извясненія первыхъ нуждъ нашихъ; послѣ сдѣлалось оно предметомъ вкуса, удовольствіи, орудіемъ всемогущимъ, производящимъ миръ и брань, счастье и несчастье народовъ. Его можно сравнить съ одеждою: сначала служила она прикрытіемъ наготы нашей, а послѣ — сдѣлалась предметомъ прихошей и роскоши.

Удовлетворивъ первымъ своимъ нуждамъ, человекъ перешелъ къ *удобности* въ общежитіи; опъ *удобности* одинъ шолько шагъ и почти нечувствительной къ удовольствіямъ. — Онъ сотворилъ новый для себя міръ: самыя прихоши превратились въ необходимыя нужды, часто гораздо для него важнѣйшія, нежели первыя нужды.

Такимъ образомъ инокшорыя искусства имбюпъ предметомъ своимъ *пользу*. — Человекъ подверженъ шоль многимъ несчастьямъ, недугамъ и скорбямъ! Благодѣтельная рука старается оградить его отъ сихъ опасныхъ неприятелей; работа и промышленность берутъ съкиру и компасъ, и переходящъ изъ одной сипраны въ другую, чтобы доставить ему или необходимое, или удобное. Сіи искусства называются *жизническими*.

Средства жизни запасены, грады построены, безопасность утверждена: внутреннее и внешнее благоустройство царствует. Подъ благодѣтельной защиткою покоящейся гражданинъ, въ часы досуговъ своихъ, среди милого семейства, въ кругу друзей, помышляетъ объ удовольствіяхъ. — *Обиліе и сложность* поднимаютъ завѣсу, и Музы на розовыхъ облакахъ спускаются съ высоты Олимпа въ хоръ геніевъ наукъ и художествъ. Онѣ названы, по преимуществу, прекрасными, или *изящными*, какъ вѣчноюныя дѣти удовольствія. Онѣ всѣ родня между собою. Вы ихъ знаете подъ именами: музыки, поэзіи, живописи, ваянія, плясокъ, и пр. —

Но если еще отрасль сего семейства, которая имѣетъ въ виду своемъ пользу и удовольствіе вмѣстѣ. Таковы суть краснорѣчіе и зодчество. — Нужда изобрѣла ихъ, вкусъ привелъ въ совершенство.

Природа есть та огромная хранилищница, въ которой всемогущій Творецъ заключилъ всѣ средства для поддержанія и сохраненія бытія нашего. Но Отецъ милосердый неограничилъ любви своей къ намъ сими благодѣніями — Въ той же самой природѣ заключилъ Онъ и сокровища нашихъ удовольствій, и всѣ драгоценныя

радости слабыхъ , но любезныхъ чадъ своихъ. Изыщныя искусства почерпаютъ богатства изъ природы ; природа есть предметъ ихъ. Человѣкъ ихъ образуетъ , и образуетъ для человѣка.

Онѣ различаются между собою или свойствомъ предмета , которой обрабатываютъ или различнымъ образомъ дѣйствія на разныя чувства , или наконецъ , средствами и знаками , которыми онѣ дѣйствуютъ. Полезныя искусства употребляютъ матеріалы природы такъ какъ они есть — единственно въ пользу ; изыщныя не употребляютъ ихъ , но подражаютъ имъ подобно своимъ видамъ и силамъ. Это доброе семейство , собраніе дѣтей , которыми всѣ по своимъ характерамъ и способностямъ ласкаютъ ивжную мать свою. Если бы я былъ къ нимъ близко , или столь же близко какъ Гердеръ , то бы непременно подслушалъ и рассказалъ вамъ дружеской разговоръ ихъ о взаимномъ преимуществѣ ; ихъ разговоръ конечно не безъ суетности , — (и почему неимѣть Музамъ инокшорыхъ личныхъ слабостей своего пола ?) ; но онѣ очень хорошо опредѣляютъ ихъ отношительныя достоинства. Я не Гердеръ , и потому издали только буду разсматривать ихъ особенную власнь и силы.

Какъ вы жопише ихъ разсматривать: вмѣстѣ, или опдѣльно? — Сперва опдѣльно.

Мнѣ кажется, я вижу прекраснаго юношу, сѣдящаго на высокому утесѣ, омываемомъ волнами. Онѣ безмолвенъ, и по положенію своему, кажется, весь преобращенъ въ слухъ; въ рукѣ его арфа. Персты неподвижны — такъ онѣ прислушивается къ бурямъ шумящимъ надъ его главою, къ громамъ попрясающимъ сводъ небесной, къ унылому шпенанію пшичаи, къ преску деревъ, къ реву волнъ и звону проспника колеблемаго на берегахъ моря! — Лице его оживляется; глаза блискаютъ, и персты полетѣли, и величественной хоръ природы повспорилъ въ его игрѣ онѣ пона до пона. — Но самой сей услухъ изумилъ его; онѣ погружается въ самага себя, и въ сердцѣ своемъ слышитъ голосъ и звуки; сердце его превратилось въ сладостную гармонію; персты какъ будто утомились; онѣ подвѣлъ главу, опверзъ уста свои, и чувства полились пламенною рѣкою, и онѣ воспѣлъ гимнъ Любви всемогущей? — Вошъ Орфей, приведенный сюда любовію: вошъ *всѣй музыки*.

Но кто сей, у котораго предъ руками краски изъ солнца, зелень съ полей и

румянецъ съ листочка розы? Глаза его сіяютъ огнемъ вдохновенія, но уста недвижимы. Самъ онъ кажется въ нѣкопоромъ оцѣпенѣніи; передъ нимъ опверсны всѣ міры, прошедшій, настоящій и будущій; все передъ нимъ въ движеніи, и кажется, все онъ хочетъ оспановить. Епо Рафаель или сама *Живопись*.

Но что мы скажемъ о Поезіи?

Епо есть божественное искусство, которое опредѣлить весьма трудно, которому древніе и новѣйшіе сочинители давали многія пышныя описанія вмѣсто одного опредѣленія, вѣрнаго и почнаго. — Поешь говорилъ объ ней всегда съ излишнимъ энтузіазмомъ, крипикъ съ излишнимъ жаднокровіемъ, — и границы обласпи ея оспанались не размежеваны. Одни ушверждали, что она заключаешъ въ себѣ и *краснорѣчіе*, и *живопись*, и *музыку*; другіе хотѣли только сравнить ее съ сими двумя искусствами. Въ самомъ дѣлѣ, что такое поезія? — Симонидъ называешъ живопись *нѣмою поезіей*, и епо опредѣленіе для живописи достаточное; но если я скажу! поезія есть живопись, одушевленная и говорящая, то не буду еще имѣть объ ней достаточной идеи. Она представляешъ предметъ уму, какъ исторія и краснорѣчіе; она занимаешъ воображеніе, какъ картина.

Алмазна сыплеться гора
 Съ высотъ четьырема скалами;
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
 Ошъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
 Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Какой живописецъ лучше изобразитъ
 епо? Но вошъ разность: — живописецъ берешъ свой предметъ въ дѣйствию, и представляетъ его въ покровъ. — Если бы надобно было живописцу предсавитъ единоборство Ермана съ Мегмешомъ-Куломъ, описанное въ сихъ стихахъ:

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмеша-Кула,
 Сибирскихъ странъ богатыря;
 Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ пула
 И ващимъ жаромъ возгоря,
 Извлекъ онъ саблю смертносну:
 Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
 Влачитъ мнѣ въ плѣнѣ! онъ сказалъ. —
 И въ мигъ на Ермана напалъ.
 Ужасный видъ! они сразились;
 Ихъ сабли молніей блестятъ,
 Удары тяжкіе творятъ,
 И обѣ разомъ сокрушились.
 Они въ ручной вступили бой:
 Грудь съ грудью и рука съ рукой,
 Ошъ вопля ихъ дубравы воютъ;
 Они шопами землю роютъ;
 Уже съ нихъ сыплеть пошъ какъ градъ?
 Уже въ нихъ сердце страшно бьется
 И ребра обоихъ шрещатъ.
 То сей, що оный на бокъ гнется,
 Крушашся, и . . . Ерманъ сломилъ

Ты мой шеперь! онъ возопилъ:
И все опнынъ миѣ подвластно!

Онъ бы не могъ ешаго сдѣлать иначе, какъ предспавивъ двухъ аплеповъ въ одинакомъ положенїи, или для каждаго изъ стиховъ сихъ сдѣлалъ бы особливую каршину.

И такъ поезїя не есть только каршина, но зеркало природы. —

Въ самомъ зеркалѣ предметы слѣдуютъ одинъ за другимъ и уничтожаютъ другъ друга. Поезїю можно сравнить съ рѣкою, которая извиается по полямъ, и въ теченїи своемъ изображаетъ вдругъ многіе предметы, по берегамъ разбѣянные. — Она дѣлаетъ болѣе: она представляетъ разные предметы не только въ порядкѣ послѣдовательномъ, но и совокупномъ; такимъ образомъ одинъ стихъ можетъ изобразить два обстоятельство несовмѣстныхъ.

Авроры свѣтлый взоръ зашмиль блестящи
звѣзды.

Или:

Но Промыслъ въ глубину десницу простираетъ,
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ,
Какъ въ равныхъ разбѣжась свирѣпой конь
полянъ,
Ржетъ, пышетъ, опъ коньтъ восходивъ въ
хремъ прахъ;
Однако доскакавъ до высоты круныя,
Вдохнувъ, кончаетъ бѣгъ, льетъ токи по
шова;

Такъ съверъ укротясь, въ послѣдни возспеналь,
По усталымъ валамъ понѣ пѣну разспилаль.

Въ приведенныхъ примѣрахъ: картины, зеркала и рѣки видимъ мы только одну поверхность. Поезія обращается около своего предмета какъ ваяніе, и представляешь его со всѣхъ сторонъ.

Она повторяешь предметы и дѣйствіе предметовъ. Сіе подражаніе вѣрное, и близкое — сколь великаго впрочемъ паланша бы оно ни пребывало, составляетъ еще не главное изъ ея достоинствъ. Поезія изобрѣшаетъ и соединяетъ: она выбираетъ и располагаетъ свои образцы, совокупляетъ части по своей волѣ, осмѣливается поправлять самую натуру въ подробностяхъ и въ цѣломъ, даетъ жизнь и душу шѣламъ, видѣ и цвѣты мыслямъ, расширяетъ предѣлы вещей и шворишь новую вселенную. Въ образъ вымышляетъ и сославляетъ живопись осмѣливалась послѣдовать за нею; но она могла слѣдовать только издалека, и шамъ, гдѣ болѣе удобностей. Ибо не въ физическомъ, но въ нравственномъ мѣрѣ прудно дашь существо возможному и подражаетъ вымысломъ тому, что не существовало, шакъ какъ бы оно имѣло истинное бытіе.

Предметъ изящныхъ искусствъ неограниченъ самъ въ себѣ; онъ ограниченъ

только ихъ средствами: — всеобщій образъ, природа представляется всѣмъ художникамъ; но живописецъ, имѣя однѣ краски, не можешь подражать ничему кромѣ того, что подвержено чувству зрѣнія. Кисть Вернеша никогда невыразитъ:

И вдругъ быстропроходящимъ блескомъ
И горь сердца прясущимъ прескомъ
Концы вселенной колебалъ. —

Или:

Въ сердцахъ великой страхъ сугубящъ скрываетъ снасти.

Точно также музыкантъ, имѣя одни звуки, подражаетъ только тому, что подвержено чувству слуха.

Музыка призываетъ на помощь панцы и живопись, что случается часто въ нашихъ лирическихъ зрѣлищахъ. — Правда и то, что каждое изъ сихъ искусствъ живѣе представляетъ предметъ свой нежели поэзія, пошому что каждое употребляетъ знаки натуральные, которые совершенно схожи съ шѣмъ, чему подражаютъ: краски и звуки. Въ поэзіи напротивъ отношеніе знаковъ или словъ съ вещами совершенно вымышленное и условное. — Но слово наше равновѣситъ всѣмъ средствамъ другихъ искусствъ; оно столь шѣсно соединено съ нашими мыслями, что всегда можешь производить очарованіе. — При

первомъ словѣ мы воспоминаемъ прошедшее со всею живоспїю, и возобновляемъ для очей душевныхъ мїръ нравственной и физической.

Поезїя одна проникаетъ въ глубину души и развертываетъ предъ глазами все ея стигмы; ни самые нѣжные опшѣнки чувствованій, ни сильные порывы страстей отъ нее не скрываются. — Великость духа, чувствительность, сила жара и дѣятельности, которая составляетъ въ характерахъ безчисленные степенни, переходы страстей, ихъ порывы: все сїи качества и все имъ противныя живописуются въ поезїи. Одна и та же добродѣтель, одинъ и тотъ же порокъ имѣетъ бесконечно много опшѣнки. Поезїя имѣетъ тысячу цвѣтотвъ для опличенїя сихъ опшѣнокотвъ. Она творитъ души точно также какъ живопись творитъ шѣла.

Поезїя имѣетъ средствомъ своимъ условные знаки; и такъ ей недостаетъ той степени вѣроятности, которая одна прогаетъ. — Чтожъ дѣлаетъ она въ такомъ случаѣ? Спремится придашь своему подражанїю все постороннїя пособїя, чтобы произвести очарованїе. Такимъ образомъ въ драматической поезїи смѣсь вымысла и истины составляетъ всю прелесть зрѣ-

лицъ. Анприса, которую я вижу — не Ксенія; но она плачетъ. Ешаго довольно: я забываюсь, и люблю пакую забывчивость. Декорація еще болѣе умножаетъ сіе обвороженіе. — Сверхъ того поэзія недовольна пѣмъ, чшобы угождаць зрѣнію; она спарается пѣннпъ самой слухъ, сего нѣжнаго и чувспвипельнаго судію, которому одолжена была первыми своими успѣхами. — Къ изображенію чувствъ и предметовъ присоединяетъ выраженія голоса, и пѣняетъ уже физическою красотою поновъ. Вотъ какъ образъ живописи и музыка соединяются съ поэіею; вотъ почему обласпъ поэіи обширнѣе нежели обласпъ всѣхъ искусствъ вмѣстѣ; вотъ когда она достойна называться перворожденною дочерію Громодержапеля, — языкомъ безсмертныхъ.

Сіе соединеніе музыки и живописи даетъ намъ понятіе о той поэіи, которая существовала у Грековъ. Сей народъ, одаренный опъ природы нѣжнѣйшимъ вкусомъ, кажется, нарочно сотворилъ для себя языкъ гармонической и подражательной, котораго тоны и звуки придавали словамъ характеръ самыхъ вещей. Обвороженный слухъ располагалъ душу къ живѣйшимъ впечатлѣніямъ картинъ и чувствованій, которыя ему ввѣрялись.

Римляне подражали Грекамъ; но языкъ Латинской, не столько гибкой и сладкой какъ Греческой, не могъ доставить стихамъ ихъ сего музыкальнаго выраженія. — Многіе новѣйшіе языки въ своемъ образованіи неспрашивались, какъ сказать, ни съ природою, для того чтобы живописать ее, ни съ древними языками, для того чтобы подражать имъ. Они вычищались съ духомъ и нравами народа; они приобрѣли простоту, гибкость и плавность: но не заняли ничего въ разсужденіи акцентовъ, и очень мало похожи на древніе въ разсужденіи количества слоговъ.

Нѣкоторые почитаютъ вымыслы существомъ поэзіи. — Конечно, Поетъ желающій украситъ, исправитъ и оживитъ природу, желающій сдѣлать самую истину для насъ привлекательнѣе, долженъ непременно прибѣгнуть къ вымысламъ. Но всегда ли это бываетъ необходимо нужнымъ? — Не уже ли природа сама по себѣ довольно прекрасна, довольно привлекательна безъ сихъ нарядовъ? — Это неподвержено ни малѣйшему сомнѣнію. — Даръ вымышлять долженъ быть талантомъ поэта; потому что ему надобно иногда украшать предметъ свой: но вымыслъ не есть существенное свойство поэзіи, потому что предметъ, живописуемый ею, мо-

жеяв бытъ прекрасенв по себѣ, и не имѣшь никакой нужды въ украшенїяхъ.

Наконецъ какая цѣль поэіи? — *Удовольствїе*. Если оно порочно, безчестнѣе ее; если благо, возвышаетъ ея славу. — Но теряетъ ли оно для насъ свои прелести, будучи только чисто, безъ всякой другой пользы, кромѣ той чшобы уладать горести наши, чшобы усыпать цвѣтами тернистой пущь истины? — Гораций опличаетъ въ поэіи приятное безъ пользы, и полезное безъ приятности. — Первое бываетъ очень часто; послѣднее почти невозможно. — Самая дидактическая поэма должна понравиться, чшобы научить насъ.

Вспомнимъ стихи Тасса :

И правда, въ прелести поэіи одѣта,
Веретъ во плѣвь сердца, кормиломъ правитъ
свѣта;
Такъ врачъ болящаго младенца ко ушамъ
Несетъ фіалъ, сладкими ушанъ по краямъ;
Щастливцевъ обольщенъ, пьетъ горькое дѣленъ;
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ его спасенъ!

И такъ соберемъ теперь идеи наши о поэіи, чшобы сдѣлать ей опредѣленїе.

Она есть подражанїе въ гармоническомъ слогѣ, — иногда вѣрное, иногда украшен-

ное — всему тому, что природа можетъ имѣть прелестнаго, — подражаніе, сообразное съ намѣреніемъ поэта, съ его воображеніемъ и чувствами.

Изъ сего опредѣленія происходятъ всѣ правила поэзіи: но надобно сперва знать основу сихъ правилъ; она должна быть общая со всеми изящными искусствами.

Мрзакъ.

Нѣчто о Туркахъ и объ ихъ обмѣчаяхъ.

Ни объ одномъ народѣ въ свѣтѣ не судили столь различно, какъ о Туркахъ. Нѣкоторые писатели, принимаясь изображать картину нравовъ ихъ и обычаевъ, по видимому искали только случая писать крипичу на нравы и обычаи Европейцовъ; пользуясь отдаленностію мѣста и дѣйствительнымъ несходствомъ между Турецкимъ народомъ и нами, они сочиняли объ немъ сказки: за то другіе провозглашали Турковъ насоящими варварами, которыхъ надобно бы какъ можно скорѣе выгнать изъ Европы: но всѣ вообще заманивали читателей, и возбуждали въ нихъ любопытство — такъ сильна для воображенія чело-

вѣческаго прелеснь повѣспованїя о та-
комъ народѣ, копорой на позорищѣ мїра
блиспалъ великими подвигами! Въ самомъ
дѣлѣ, неудивительно ли, что Скиеское пле-
мя, долго никому неизвѣстное, потомъ
презираемое, разширило господство свое на
развалинахъ смятеннаго Калифата, опрек-
лось отъ идолопоклонства, приняло вѣру
шѣхъ государей, коихъ владычество имъ
же разрушено, и распостраняло исла-
мизмъ съ такою же ревностїю, какъ и
первые послѣдователи Магометовы. Вѣра,
воспламенившая сперва Аравитянъ, была
побудительною причиною успѣховъ и для
сихъ бродящихъ жите. ей Туркеспана; и
кто знаетъ, до какой степени возрасло бы
могущество сего народа, движимаго крѣ-
постїю дикой независимости и порывами
изступленнаго суевѣрїя, еслибы Турки, при-
соединившіеся къ ереси Суннитовъ, не сдѣ-
лались непримиримыми врагами послѣдо-
вателейъ Алїя. Взаимная ненависть ме-
жду ними споль же сильна, какъ и пипа-
емая всѣми вообще мусульманами относи-
тельно къ Хрїстіанамъ.

Въ то время, какъ при Калифата, возникшіе на основанїи обширной Имперїи Магометовой, исчезали на земномъ шарѣ, копорому грозили они всеобщимъ поработче-
нїемъ; тогда оставши другой еще знамени-

пбйшей Монархіи , развалины Августова преспола, спбсненныя въ углу Фравіи, служиди единспвеннымъ оплошомъ, защищавшимъ Европу отъ нашествія Туркоуъ. Хотя сей оплошъ и неуспрашалъ дерзновеннаго народа ; но безъ кораблей не лъзя было ему переправиться черезъ Восфоръ , а Турки ниодного корабля неимбди.

Солиманъ, сынъ Орвана, въ одну шемную ночь дблаетъ изъ досокъ при порома, положенныхъ на корковомъ деревѣ, переправляешся на нихъ черезъ проливъ съ осмьюдесятью отважными воинами , нападаешъ на уврбцленной замоуъ и мвсна прилежащія , откуда страхъ имени Опшоманскаго распросширанился по всей Европѣ, и опшимаешъ у Грековъ нѣсколькo судовъ , при семъ берегѣ находившихся !

Каждой народъ , содблавщійся знаменитымъ , обыкновенно основывалъ величье свое на какихъ-либо частныхъ учрежденіяхъ. Первые Императоры Турецкіе собирали молодыхъ Хрїстіанъ, захваченныхъ или въспребоваанныхъ у племенъ покоренныхъ. Сїи дбши воспитываемы были со строгостію , кошорая могла сравниваться развъ только съ Лакедемонскою , и попомъ опредблялись въ должностямъ военнымъ и гражданскимъ. Бывъ съ самаго младенчества опчужден-

ными отъ родины своей и вѣры, сїи рабы единственно повинчались волѣ Государя, отъ котораго получали всѣ милости и награды; судьба ихъ всегда сопряжена была съ судьбою верховнаго ихъ повелителя: такимъ образомъ въ первые вѣки сїе собраніе ичоглановъ было разсадникомъ героевъ. Когда войска почти во всей Европѣ состояли изъ неученыхъ и непокорныхъ ополченій; въ то время Орханъ, впорый Императоръ Турецкій, опредѣлилъ жалованье пѣхотѣ и набралъ корпусъ спаговъ. Амурашъ I учредилъ янычарское войско, и узаконилъ дополнять его пятою частію плѣнныхъ, принимающихъ магометанскую вѣру. Магометане всегда имѣли довѣріе къ пѣмъ людемъ, которые не могутъ, безъ стыда, возвратиться въ свое отечество. Ешонъ же Амурашъ учредилъ шимары или участки земель въ пользу храбрыхъ воиновъ, съ пѣмъ чтобы сїи участки переходили въ наслѣдство къ старшему сыну, вмѣстѣ съ обязанностію содержать въ войскѣ одну лошадь и нѣсколько солдатъ, смотря по важности помѣстья. — Пушки употреблены были противъ Турковъ въ 1435 году; дѣйствіе сего огнеспрѣльнаго орудія поразило ихъ изумленіемъ и ужасомъ, такъ что они постыдно ушли изъ подъ Бѣлграда, въ осадѣ ими содержаннаго. Но при Магометѣ II, вступившемъ на престолѣ

въ 1451 году, они имѣли уже самую страшную артиллерію, преимущественно передъ всѣми народами въ Европѣ. Скоро по завладѣніи Константинополемъ Магометъ II вознамѣрился соорудить флотъ, и Турки были обладателями Средиземнаго моря даже до Лепантскаго сраженія. Арабскія слова *арсеналь*, *адмираль*, перешли къ намъ Европейцамъ отъ Турковъ, вмѣстѣ со многими другими, касающимися до мореходства, и до нынѣ употребляющимися въ употребленіи у Испанцевъ и у жителей Прованса.

Представимъ себѣ почти непрерывный рядъ Императоровъ воинственныхъ и побѣдоносныхъ; набожный воспоръ въ народѣ, поддерживаемый полишикою; прочныя учрежденія; прибавимъ къ тому всегдашнія войны, раздиравшія государства на западѣ и препящивовавшія имъ соединиться; слабость Грековъ, занимавшихся богословскими спонностями подъ выстрѣлами Турецкихъ пушекъ; враждебное соревнованіе между Венеціанами и Генуезцами, которые для частныхъ торговыхъ выгодъ вредили общему дѣлу хрістіанства — и мы удобно понять возможемъ, отъ чего такъ успѣшно и такъ быстро усилились гордые мусльмане. Набожной воспоръ ихъ и ненависть къ имени хрістіанскому еще и теперь неослабѣли; но уже измѣнились первоначаль-

ныя установленія, вознесшія ихъ славу; сверхъ того Турки неумѣли дать поспояннаго хода шѣмъ выгодамъ, которыя предоспавлены имъ были опнощеніями государствъ западныхъ.

Сїи краткія черты изъ исторіи Опшмановъ почеркнушы изъ любопытнаго описанія Турецкихъ обычаевъ, сочиненнаго г-мъ Каспелланомъ и недавно напечатаннаго (*). Сочинитель говоритъ подробно о сералѣ и обо всемъ въ немъ находящемся, начиная опъ Султана до послѣдняго балпаджи или дровосѣка. Послѣ того что сказано о спротомъ воспитаніи ичоглановъ или пажей, наиболѣе любопытно видѣть въ сей каршищѣ, какое почтеніе Султанъ оказываетъ своей матери. Султанша - Валида можетъ, по своему произволу, опмѣнять и учреждать въ сералѣ все, что ей за благо разсудится; Султанъ даже принимаетъ женъ изъ рукъ своей матери, которая выбираетъ для него изъ числа одалисовъ достойнѣйшую Императорскаго ложа. Весьма часто Монархъ сообщаетъ государственнымъ тайны Августѣйшей своей матери. Сїя Государыня подв покрываломъ бесѣдуетъ съ Великимъ Визиремъ и съ Муфшіемъ,

(*) Moeurs, usages, costumes des Ottomans, et abrégé de leur histoire; par A. L. Castellan, VI vol, in 18. Paris.

даешъ имъ повелѣнїя какъ самодержавная особа, и приказываешъ вѣрно служишь своему сыну.

Умѣренность и воздержанїе наблюдаются Государемъ съ такою же строгостїю, какъ и всѣмъ народомъ. Были Султаны, которые содержали себя посредственнымъ доходомъ отъ своихъ садовъ; а нѣкоторые до того проспирали свою умѣренность, что пишались трудами рукъ своихъ. Въ Адрианополѣ показывающъ ремесленные орудїя, съ помощїю коихъ Амурашъ дѣлалъ стрѣлы для продажи въ свою пользу. Надобно думать, что придворные плашили не дешевую цѣну за сїи издѣлїя своего Государя.

Кромѣ евнуховъ черныхъ и бѣлыхъ, во дворцѣ Его Султанскаго Величества живутъ нѣмые, шушы и нарлики. Садясь на верховую лошадь, вмѣсто спремани Султанъ употребляетъ спину нарла, на которую кладущъ бархатную подушку. Бываютъ примѣры, что человекъ самой безобразнѣйшей, глухой и нѣмой отъ рожденїя, и сверхъ того удостоенный чести быть евнухомъ, становится весьма значительною особою при Султанѣ.

Придверники, садовники и дровосѣки составляющъ особливья военныя команды.

и даже очень многолюдныя; правда что и должности ихъ простираются далѣе черпы, опредѣляющей значеніе ихъ званія. Капиджи-Баши, или старшіе надъ придверниками, суть Каммергеры Султанскіе. Всѣ Капиджи состоятъ подъ начальствомъ Капу-Агасія, старѣйшины бѣлыхъ евнуховъ; на нихъ возлагаются всѣ чрезвычайныя препорученія. Капиджи-Баши заготовляютъ свѣспные припасы, собираютъ войска, посылаются къ Пашамъ съ утвердительными граматами, съ преобаніемъ отъ нихъ денегъ, а иногда и головы, и отвозятъ Пашей въ започеніе.

Вообще думаютъ, что Турки не занимаются ученостію; пусть епо и правда, однакожь не недоспаютъ въ книгахъ пому виною. Ученый Мусшафа, по прозванію Гаджи-Калла, издалъ въ свѣтъ библиографію Арабскую, Персидскую и Турецкую, заключающую въ себѣ болѣе тридцати тысячъ сочиненій различнаго названія; и при всемъ томъ книга его весьма не полна, если въришь Константинопольскимъ книгопродавцамъ, которые утверждаютъ, что въ ней не упомянуты весьма многія сочиненія.

Чтобы дать читателямъ надлежащее понятіе о томъ сочиненіи, мы предложимъ здѣсь цѣлую главу о народныхъ баяхъ.

„Сказано выше, что Турки моются въ недѣлю по нѣскольку разъ, и ешо двѣ аютъ они по внушенію религіи; вопъ причина всеобщаго упопреленія теплыхъ бань на востокъ. Въ каждомъ городѣ и даже въ каждой деревнѣ ешь торговья бани, всегда топовья. По большей части строятся особья бани для каждаго пола; но ешь и шакія, въ копорыхъ моются попеременно женщины и мужчины, первья днемъ, а послѣднѣ ночью. За входъ платятъ отъ 12 до 40 су съ человѣка. Такихъ общественныхъ заведеній вездѣ очень много, потому что люди всякаго званія имъють нужду пользоваться ими. Въ Конспаншинополѣ считаешся болѣе шрехъ сотъ бань публичныхъ, изъ копорыхъ многія могутъ вмѣщать въ себѣ человѣкъ по шестидесяти. Для бѣдныхъ построены особья на иждивеніи казны Султанской. Бань частныхъ несравненно болѣе; при всякомъ домѣ, хоть мало отличаемся отъ бѣдной хижины, ешь непременно и баня; ибо изъ всѣхъ правилъ Магомешанской вѣры съ наибольшею точностію исполняешся то, коимъ предписываешся омовеніе.

„Бани сїи очень походятъ на теплицы древнихъ: ешо большія каменные зданія, обложенныя мраморомъ или гипсомъ; въ

сводахъ оставлены отверстія, которыя на-
 крываются стекляными колоколами, пропу-
 скающими лучи свѣта внутрь храмины и
 обезпечивающими отъ нескромности любо-
 пышства. Комнаты запираются двойными
 дверьми войлочными; сею предосторож-
 ностью удерживается въ нихъ степень
 теплоты, для каждой особо предназначен-
 ная, на шибъ конѣцѣ чтобы переходъ изъ
 свѣжаго воздуха въ нагрѣтый былъ менѣе
 чувствителенъ. Сдѣланная близко подъ
 поломъ огромная печь наплавляется
 съ наружи, и въ ней огонь горитъ без-
 престапно. Мраморныя плиты закрыва-
 ютъ находящійся подъ ними кошелъ съ
 кипящею водою. Отъ кошла проведены
 въ стѣны трубы, которыми выходитъ
 паръ надъ сводомъ бани. Посредствомъ
 другихъ трубъ, также сокрытыхъ въ
 стѣнѣ, доставляется горячая вода внутрь
 еданія. Въ баняхъ сихъ искусственнымъ
 образомъ построенія теплота до того уве-
 личивается (отъ 30 до 40 градусовъ по
 Реомюрову термометру), что скинувши
 плащъ во внѣшней комнатѣ, не иначе мож-
 но войти въ другую, какъ остановившись
 на минуту между войлочными дверьми и
 пригнотивъ свою грудь къ перенесенію
 жара. Потомъ входи въ наполщую баню,
 сяди, нужно употребилъ ту же предосторож-

рожность. Первымъ дѣйствіемъ столь сильнаго жара бываетъ испареніе, которое по полчаса ручьями польется изъ сваяннѣ шѣла; не смотря на то, женщины сядутъ въ банѣ часовъ по пяти и шести, и пощипаютъ ихъ весьма нерѣдко. При входѣ опоясываютъ себя бумажнымъ или шелковымъ передникомъ, закрывающимъ нагнупы груди до ногъ. Внутри бани кругомъ и на срединѣ сдѣланы мраморныя лавки и лежанки. На извѣстныхъ разстояніяхъ висѣтъ чаны мраморныя же, въ которые наливается посредствомъ крановъ вода холодная или горячая, по произволѣнью. Турки не любятъ погружаться въ воду, но могутъ обыкновенно разныя части шѣла порознь и посредствомъ обливанія. Полъ бани до того разгорячается, что иначе ходить по немъ не можно какъ въ высокихъ башмакахъ деревянныхъ.

„Женщины проводятъ самыя приятнѣйшіе часы жизни своей въ банѣ: шамъ онѣ наряжаются; туда провожаютъ ихъ рабыни и особливымъ именемъ (*делланъ*) называемыя женщины, которыя дѣлаютъ надъ господами своими довольно странныя операціи: онѣ пожимаютъ и трутъ всѣ части шѣла рукою и даже щеткою (подобною Римскому *strigilis*); при этомъ дѣй-

спвѣи хрусчатѣ всѣ соспавы , и оно сна-
 чала кажется неприятнымѣ , по послѣ до-
 стпавляетъ всѣмѣ членамѣ шѣла гибкость
 и какое-то оощуеніе легкости , о кото-
 ромѣ имѣтъ можетѣ понятіе только тотѣ
 кто на себѣ испыталѣ его. Онѣ употре-
 бляютъ также нѣкоторой родѣ глины , на-
 зываемой *олъ* , весьма бѣднаго свойства , для
 истребленія на шѣлѣ излишнихѣ волосовѣ ,
 вѣ слѣдствіе правила всѣми Магомешанами
 строго наблюдаемаго , сколько по внушенію
 вѣры ихѣ , столько же и для опрятности.
 Онѣ моютъ и чистятъ волосы свои паху-
 чимѣ мыломѣ и особеннымѣ родомѣ земли
 смѣшанной съ розовыми листьями ; потомѣ
 чешутъ ихѣ , раздѣляютъ весьма искусно
 на косички и намазываютъ благоухающими
 влагами ; обрѣзываютъ себѣ ногти , приго-
 товляють все нужное къ убору , и на-
 конецѣ переходятъ изъ бани вѣ комнату не
 столь жаркую (у Римлянѣ *teridarium*).
 Тамѣ на чистыхѣ и мягкихѣ постеляхѣ
 наслаждаются онѣ ошдыхомѣ приятнѣй-
 шимѣ и необходимо нужнымѣ послѣ омовенія,
 опворившаго всѣ связки шѣла и осла-
 бившаго всѣ фибры. Имѣ подають осве-
 жительные напитки и кофе ; а когда жен-
 щины , пришедши цѣлымѣ обществомѣ , на-
 нимають для себя на весь день комнаты
 бани , то онѣ приказываютъ приносить

шуда обѣдѣ, и проводящѣ время до вечера, наиболѣе занимаясь нарядами, для копорыхъ Турчанки распочающѣ все, что ни находятѣ изящнѣйшаго въ природѣ, искусствѣ и богатствѣ.

„Почти никогда неимѣя случаевъ быти въ обществѣ, онѣ пользующся симъ временемъ; спаряющя щеголяющѣ всѣмъ посреди своихъ приятельницъ, усиливаюцца превзойти одна другую блескомъ пышности и природною красою, и сѣ торжество иногда бывающѣ для нихъ предвѣстїемъ другаго приятнѣйшаго, которое ожидаетѣ ихъ въ гаремѣ.“

(Изъ *Espr. de Journ.*)

Объ искусствѣ плавать и летать по воздуху.

Человѣкъ покорилъ всю землю подѣ свое владычество; океанъ неприспунный, казался для смертныхъ, обратился въ обширный пушь народовъ: самый огонь, грознѣйшая стихїя въ мїрѣ, повинуетѣя, какъ полезное орудїе, трудолюбїю человѣческому. Воздухъ, которымъ дышемъ, который отъсюду насъ окружаетѣ, есть ша стихїя, которая болѣе другихъ укрываетѣ

ея опѣ нашего побѣдоноснаго испытанія; а между тѣмъ мы подвигли и епу легкую и неосязаемую спихію на службу нашу. Не только въпры, обращенные мореходцемъ въ покорныхъ ему служителей, скоро переносятъ наши корабли съ тяжелымъ грузомъ; но мы умѣемъ идти и прошивъ сихъ въпровъ, когда ихъ направленіе для насъ не способно: Steamboat или судно паровое, изобрѣшенное г. Фултономъ, идетъ прошивъ въпра и прилива, переплывая семь Англійскихъ миль въ одинъ часъ; и сіе дивное судно, которое съ начала считалось игрушкою воображенія, употребляется нынѣ вмѣсто парашота на рѣкѣ Гудсонской между Албани и новымъ Йоркомъ.

Послѣ многократныхъ примѣровъ великой силы разума, постоянства и прудолубія человеческого; никакъ не можетъ опровергнути, какъ безразсудную мысль, намѣреніе странствовать по воздуху и свободно облетать тѣ обширныя страны атмосферы, куда возлещаетъ не только сильная птица, но и слабое насекомое. Въ самомъ дѣлѣ, какая побѣда, какое торжество для ума человеческого освободиться, такъ сказать, отъ узъ тѣлесности или матеріи, и въ нѣсколько мгновеній вознестися въ тѣмъ мѣстамъ, куда влечетъ насъ благородное любопытство науки! Какъ

было бы важно и величественно взирать съ высоты облачнаго міра на царства у ногъ нашихъ лежащія, на воинства по землѣ рассыпающіяся, на флоты по морямъ бѣгущія! Но если такая мысль сама по себѣ льститъ воображенію, то и холодный разумъ признается, что изслѣдованія, ведущія къ ея исполненію, могутъ всегда подъ руководствомъ истинной мудрости и науки принести великую пользу и любопытныя открытія, хотя бы и не лъзя было достигнуть до главной и желаемой цѣли. Трудясь надъ составленіемъ золота, Саксонцы открыли способъ дѣлать фарфоръ.

По возрожденіи наукъ, многіе физики занимались изслѣдованіемъ способовъ летать и собою управлять на воздухѣ. Скоро узнали, что механизму птицъ будемъ мы подражать безъ всякой пользы, если не найдемъ способа придать себѣ такую *возносящую силу*, которая была бы въ перѣвѣ съ тяжестью нашего тѣла. Птица есть нѣкоторымъ образомъ живой шаръ; обширная впадина у ея груди, дупловатыя кости, и стволыстыя перушки содержатъ въ себѣ воздухъ рѣдющій отъ жара, и безпрестанно возобновляющійся: къ сей особенной легкости (зависящей отъ жизни) присоединяется въ птицѣ великая сила грудныхъ мускуловъ, которые позволяютъ

ей махать крылами весьма пространными въ отношеніи къ малости ея пѣла, крылами, которыя ударяя во время движенія по нижнему слою воздуха, дѣйствуюшъ на подобіе рычаговъ, а въ состояніи покоя сославляюшъ съ хвостомъ и перьями легкое и на поверхности распротертое пѣло, воздухомъ поддерживаемое на подобіе лешучаго бумажнаго змѣя.

Насѣкомыя, которыя неимѣютъ ни павой силы въ мышцахъ, ни павихъ перистыхъ крыльевъ, какія есть у птицъ, насѣкомыя поглощаюшъ, кажешся, большее количество гидрогеннаго газа, нежели птица, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, вбираешъ въ себя сего газа болѣе человека. И павъ насѣкомое, на примѣрѣ муха, есть цилиндрической и большой шаръ, въ которомъ легкостию и равновѣсіемъ постояннымъ вознаграждаешся слабость крыльевъ. Не смотря на сѣ дивное строеніе, птица и насѣкомое повелѣваюшъ своимъ полетомъ только въ тихую погоду; часто онѣ принуждены бываюшъ лавировать двойнымъ образомъ: направляя свой путь по линіи діагональней къ теченію вѣтра, а съ земли поднимаясь по линіи носвенной. Другое гораздо любопытнѣйшее лавированіе видно въ хищныхъ птицахъ, которыя опускающся, кружася по линіи винтовой. Нако-

нецѣ многихъ пшицѣ увлекаютъ порыви-
стые вѣтры; отъ сильной бури онѣ те-
ряютъ равновѣсіе и спремглавъ падая на
землю, убиваются до смерти. Я былъ оче-
виднымъ свидѣтелемъ крушенія стаи во-
ронѣ и сорокѣ; онѣ падали навзничь,
распустя крылья; уносяцій ихъ вѣтеръ и
вихрь дули при небольшомъ снѣгѣ; но пши-
цы не коснулись отъ спужи, которая бы-
ла средспвенная. Вѣроятно, что свободою
полета и движенія обязаны пшицы своей
способности надувать грудь по волѣ и по-
требности.

Не входя во глубину сей теоріи, мало
объясненной въ книгахъ; не разсматривая
тѣхъ безчисленныхъ вопросовъ, которые
намъ предшавлялись во время изслѣдованій
сего предмета: мы смѣемъ утверждать,
что полетъ насѣкомыхъ и пшицѣ есть
дѣйствіе, подчиненное сложнымъ законамъ
и зависящее отъ снеченія многихъ общо-
ительствъ, которыхъ не подозревали доны-
нѣ сочинители или исполнители воздуш-
ныхъ путешествій.

Въ семнадцатомъ и въ осмомнаде-
сятомъ столѣтіяхъ многие физики дума-
ли, что искусство летать по воздуху бу-
детъ найдено, какъ скоро найдутъ ту воз-
носящую силу, которая превозмогла бы тя-

жесть человеческого тѣла. Сїи физики говорили съ важностію о спроенїи *воздушныхъ кораблей*. Іезуитъ Лана составлялъ снарядъ изъ четырехъ мѣдныхъ шаровъ, неимѣющихъ внутри воздуха, весьма тонкихъ, и припомъ очень проспорныхъ, копорымъ надлежало по ихъ чрезвычайной легкости поднятъ человека съ лодкою, гдѣ онъ самъ сидѣть располагался (*). Но его шары лопнули бы отъ давленія атмосферы. Французской физикъ, по имени Гальень (**), предлагалъ наполнить корабль воздухомъ особымъ, гораздо легчайшимъ воздуха атмосферическаго; онъ надѣялся увеличить корабль и наконецъ обратишь его въ плавущій по воздуху городъ; и сей городъ показалъ бы намъ въ существенности оспроумный вымыселъ Аристофана въ *Плутухъ*. Кажется, что Гальень приближался къ началамъ *аэростатики*; но какъ онъ не указывалъ ни на какой дѣйствительный способъ для исполненія сего намѣренія, по мысли его оставлены были безъ всякаго вниманія.

Когда Кавендишъ, въ 1776 году, замѣшилъ, сколько воздухъ горючій или газъ водородный по особливому своему свойству

(*) *Lana*, prodromo dell'arte maestra. Brescia, 1670.

(**) *Gallien*, l'art de naviguer dans les airs. Avignon, 1755.

легче воздуха атмосферическаго, тогда не трудно было найти способъ поднять на воздухъ тяжелое тѣло. Между тѣмъ его открытіе не содѣйствовало ни въ какомъ отношеніи первымъ опытамъ аэростатическимъ. Монгольфьеръ, наблюдая феноменъ плавающихъ въ атмосферѣ облаковъ, возбудилъ мысль въ 1782 году одѣшь легкимъ покровомъ облако искусственное, составленное изъ паровъ, которые бы произошли отъ сжженія разныхъ веществъ животноныхъ и растительныхъ. Повторяемые опыты скоро доказали, что пары были излишніе, и что покровъ шара поднимался отъ одного рѣдѣнія воздуха, согрѣтаго теплою. Тогда увидѣли, что человекъ, привѣшенный къ шару, съ огнемъ на жаровнѣ, поставленной подъ отверстіемъ шара, можетъ держаться на воздухѣ сколько ему угодно. По симъ началамъ построенный *Монгольфьеровъ шаръ* служилъ для первыхъ воздушныхъ путешествій Г. де Розье и Дарланда.

Искусный физикъ и членъ Института, Шарль, обратясь къ замѣчанію Кавендиша, предложилъ расширяемый воздухъ замѣнить газомъ водороднымъ, который въ 13 разъ легче воздуха атмосферическаго. Онъ составилъ оболочку для сего газа изъ паффы, наклеенной камедью, распущенною

въ шерпеншинномъ маслѣ. Посредствомъ сего шара, извѣснаго нынѣ подъ именемъ *аеростата*, Шарль предпринималъ воздушное путешествіе и возносился на высоту 1700 шазовъ.

Таковы оба способа, черезъ которые удалось человеку подняться на воздухъ. Возносящая сила найдена; она съ излишкомъ достаточна, ибо шаръ Гр. Біоша и Ге-Люссака поднимался до 3600 шазовъ выше поверхности моря. Но можно ли надѣяться до того достигнуть, чтобы управляя сими машинами по волѣ, или надобно, означавшись опѣ сей надежды, ограничить себя познаніемъ употребленія воздушныхъ шаровъ, безъ всякаго старанія объ искусствѣ управлять ими? Вошъ вопросъ, надъ которымъ Золинъ прудится, но которые, судя безъ лишняго энтузіазма и безъ лишней холодности, достойны изслѣдованій ученаго, равно свѣдущаго въ анапомѣи птицъ, въ наблюденіи ихъ полета, въ таинствахъ механики и физики. Въ ожиданіи этого вниманія, которое геометры, физики и натуралисты должны обратить на любопытный вопросъ, мы постараемся показать заблужденія общаго мнѣнія о сѣмъ предметѣ.

Новое слово: *воздушные плаватели*, доказывающъ уже ложное понятіе, ко-

второе мы имѣли вообще о способѣ управлять шаромъ. Мы хошѣли *плавать* по воздуху; но какое заблужденіе сравнивать шаръ, совершенно погруженный въ одной и той же жидкости, съ кораблемъ, который несется по легкой поверхности сплошной влаги, его поднимающей, и движется впередъ насавозъ другой жидкости гораздо легчейшей, будучи побуждаемъ или сею жидкостьюю закрадывающеюся подъ парусы, или дѣйствіемъ гребущихъ веселъ! Покушенія управлять шарами посредствомъ парусовъ или веселъ недостойны вниманія.

Метеорологія указала на другой способъ достойнѣйшій вниманія ученыхъ. Известно отчаспи, что направленіе воздушныхъ потоковъ перемѣняется съ каждымъ слоемъ атмосферы; въ самый шолъ часъ какъ съверной въперъ дуешь на поверхности земной, въ вышнихъ слояхъ атмосферы свирѣпствуетъ можетъ быть въперъ южный, или западный, или восточный. И такъ если воздухоплаватель, пускась на югъ по нижнему печенію въпра, поднимется черезъ возносящую силу своего шара въ ту часть атмосферы, гдѣ дуешь, на примѣръ, юго-западный въперъ; то шаръ его двинется снова по направленію къ сѣверо-востоку; и такимъ образомъ, погружаясь попеременно въ разные спрем-

нины воздушныя, шаръ будетъ описывать кривыя линіи, и будетъ двигаться впередъ, на подобіе лавирующаго корабля. По средству сего излучистаго пуши, воздухоплаватель могъ бы до нѣкоторой степени повелѣвать своимъ странствіемъ.

Сей способъ, правда ненадежный, не былъ испуанъ. И какъ могъ онъ быть испуанъ, пока опыты сего рода, которые пребуютъ быть миллионъ разъ повторенными, производятся надъ аеростатами съ газомъ гидрогеннымъ дорого сплющимъ? Монгольфьеровъ шаръ имѣетъ въ сихъ отношеніяхъ великое преимущество передъ аеростатомъ; надобно только предупредить опасность отъ присутствія жаровни съ горючими веществами; но, кажешся, легко опровергнуть сіе зло. Снарядъ, составленный изъ покрывной жаровни и нѣсколькихъ легкихъ шрубъ, гдѣ теплопроводная матерія проходила бы сквозь воду, — сей снарядъ можешъ, по моему мнѣнію, довести къ желаемой цѣли. Нельзя думать, чтобы въ Европѣ, богатой искусными строителями химическихъ снарядовъ, не нашли способа довести до совершенства прекраснаго Монгольфьерова изобрѣтенія.

Обратимся къ способу управлять шарами. Мы видѣли, что парусы и весла

будущи всегда бесполезны. Воздушные пошви так же ненадежны. Очевидно что одинъ полетъ птиць и насекомыхъ можешъ служить образцомъ машины, способной къ летанію по воздуху, и что сему образцу можешъ только подражать человекъ, когда захочешъ свободно управлять на воздухъ какимъ ни есть снарядомъ, поднятымъ по возносящей силе, которую производяшъ обь аэростатическія методы.

Можешъ бытъ легче подражать полету насекомыхъ, нежели полету птиць; но мы занимались собственно симъ послѣднимъ. Первый предметъ для наблюденія въ пареніи птиць есть разсвѣтѣ возносящей силы или газовъ, которые будучи поглощаются птицею и въ ней измѣняясь отъ жизненной теплоты, обращающъ въ ничто тяжесть ея тѣла. Не только оба грудные мышечка, которые птица можешъ раздувать по волѣ, отдѣлены одинъ отъ другаго, и находяшся по обимъ сторонамъ центрального пункта, вокругъ котораго движущся крылья; но еще полость костей и стволы наполненная въ состояніи жизни воздухомъ, который легче атмосферическаго, составляетъ какъ бы нѣсколько шариковъ возносящихъ, расположенныхъ въ равномъ разстояніи вокругъ центра движенія. Пошомъ, мы видимъ, что въ дви-

спѣи летанія, шло, голова и хвостъ пилицы содѣйствуютъ направленію крыльевъ, и что все вмѣстѣ составляетъ горизонтальную или слегка наклоненную плоскость, такъ что (не говорю уже о легкомъ воздухѣ въ шлѣ пилицы заключенномъ) она бываетъ немного поддержана низшимъ воздухомъ, и не можетъ никогда, пока распущены крылья, унасти иначе какъ по косвенному направленію. Но вопи другое важнѣйшее слѣдствіе сего горизонтальнаго расположенія въ аероспалическомъ снарядѣ пилицы: геометрическое средоточіе въ той фигурѣ, которую пилица представляетъ, совершенно соотвѣтствуетъ центру тяготѣнія и центру движеній. Если проведемъ мысленно двѣ прямыя линіи, одну отъ головы къ хвосту, а другую отъ конца праваго крыла къ концу лѣваго; то пересѣкающая сѣи линіи точка означитъ упомянутыя при средоточіи, но крайней мѣрѣ у пилицъ, какова ласточка и другія подобныя мастерицы летать. Большее или меньшее уклоненіе сихъ центровъ въ сторону опредѣляетъ большую или меньшую способность летать въ пилицахъ плавающихъ, и у насѣкомыхъ, Когда центръ тяготѣнія назади или впереди геометрическаго центра фигуры; не лзя тогда пилицѣ имѣть вѣрнаго и продолжительнаго движенія: но если бы оба центра и не разошлись

спвовали почно одному пункту, лишь бы находились полько на одной перпендикулярной линіи; по уклоненіе не мѣшаетъ полешу; пшица имѣетъ полько болѣе или менѣе быспрошы, возвышенія и безопасности.

Всякой здравомыслящій человекъ можетъ легко приоровить сѣи начала къ способамъ управлять шарами. Г. Лаландъ, который при насъ поднимался на воздухъ, позволилъ намъ въ то время объяснить ему нѣкоторыя идеи о семъ предметѣ, которые, казалось, заслужили его одобреніе. Мы предлагаемъ публикѣ сѣи самыя идеи. Поспараемся доказать, какъ бы можно было, по нашему мнѣнію, сдѣлать снарядъ, который, имѣя выгоды шаровъ, а не имѣя ихъ неудобства, могъ бы служить для опытовъ гораздо важнѣйшихъ и рѣшительнѣйшихъ.

Кладемъ для основанія снаряда двойное окруженіе изъ твердаго и крѣпкаго дерева, представляющее еллипсисъ, котораго большая ось имѣла бы отъ 18 до 21 футовъ, а маленькая ось три футовъ; на немъ начертанъ былъ бы кругъ въ 3 футовъ въ діаметрѣ; въ центрѣ круга опредѣляется мѣсто для воздухоплавателя, или въ клѣпкѣ, изобрѣщенной Г. Дегеномъ, или въ дру-

гомъ подобномъ снарядѣ , но такимъ образомъ , чтобы центръ пягошвнїя человѣческаго шблѣ находился въ перпендикулярной линїи къ центру еллипсиса , и чтобы плоскость крыльевъ соотвѣтствовала , сколько возможно , горизонтальной площадкѣ сего еллипсиса . Ко внѣшней окружности привязываемъ мы шесть шаровъ , наполненныхъ газомъ водороднымъ и доспачочныхъ для поднятїя всего снаряда и съ человекомъ въ немъ сидящимъ . Изъ сихъ шаровъ два должны находиться на обоихъ концахъ большой оси въ еллипсисѣ , а четыре другїе на четырехъ концахъ параметровъ , проходящихъ черезъ оба фокуса , такъ что всѣ части деревяннаго строенїя будутъ равно подняты , и что шары 1 и 2 , 3 и 4 , 5 и 6 будутъ каждой перехватывать теченїе воздуха , который долженъ дѣйствовать на ихъ поверхность въ направленїи большой оси еллипсического круга . Въ обоихъ фокусахъ находились бы два шара такъ укрепленные , чтобы ихъ центры отвѣчали площадкѣ еллипсиса . Девятый шар висѣлъ бы надъ головою воздухоплавателя . Всѣ эти шары должны имѣть опдушины , которыя лешатель могъ бы открывать посредствомъ веревочекъ , привязанныхъ къ объединенному кругу , на которой можно равномерно привинчивать и другїе инструменты , въ семъ случаѣ нужные .

Нѣтъ сомнѣнїя, что сія машина, которую мы назовемъ *аеролоромъ*, поднимется такимъ же образомъ, какъ поднимающіяся *аеростаты*. Ею легче управлять, ибо возносящая сила, размѣщенная на девяти шарахъ, можетъ скорѣе быть уменьшаема, когда потребуетъ нужда. Нѣтъ сомнѣнїя, что поднявшись до нѣкоторой высоты, воздухоплаватель можетъ, опорожнивши два шара, находящіеся на обоихъ фокусахъ, удержашъ свое шестивіе на какой ему угодно высотѣ. Аеролоръ будетъ и безопаснѣе аеростата, ибо изъ девяти шаровъ два могутъ только, и конечно не болѣе двухъ, лопнуть въ одно время. Но, оставивъ сіи дальнѣйшія разсужденїя, посмотримъ, какія выгоды общаетъ новый снарядъ, въ отношенїи къ управленїю. Онъ будетъ подспавлять печенїю воздуха одну небольшую поверхность въ перпендикулярной вышинѣ; его не будетъ двигать впередъ такая великая сила, какая подвигаетъ обыкновенный большой нынѣ употребляемый шаръ; въ то же время онъ будетъ имѣть круговращенїе на самомъ себѣ, къ тому клонящееся, чтобы подспавлять въпру большую ось. Сообщаемое ему въпрямъ движенїе должно такимъ образомъ дѣлиться въ каждое заданное мгновенїе на два особенныя и противоположныя движенїя; ибо или впередъ его подвигающій порывъ силь-

нѣе другихъ, и тогда круговращеніе не можетъ никогда быть полное, или круговое обращеніе, имѣя болѣе скорости, уменьшивъ силу вѣтра. Равновѣсіе между обѣими силами будетъ рѣдко случаться. Здѣсь то можетъ человекъ дѣйствовать самъ собою, и пользуясь бореніемъ двухъ физическихъ силъ, умбрыть одну черезъ другую. Естественныя орудія бывающъ намъ подвласны, по тому что мы пересиливаемъ однѣ другими. Эллиптическая форма аэропора имѣетъ великія выгоды для достиженія сей цѣли. Въ эллипсисѣ, на самомъ себѣ обращающемся, не всѣ точки окружности движутся съ равною скоростью; ближайшіе къ верху большой оси пункты описываютъ и болѣйшій кругъ, нежели пункты близкіе къ верху маленькой оси. Если теперь съ помощію крыльевъ, приснавленныхъ къ прошиженію маленькой оси, можемъ мы сообщить центральному частямъ снаряда новое приращеніе движенія въ направленіи вѣтра, такъ чтобы сіе приращеніе имѣло силу пресѣчь круговое движеніе, то мы воспріятемъ совершишься вполне круговому обращенію, и принудимъ машину лавировать по діагональной линіи квадрата, описываемаго силою передоваго и боковаго движенія. Тогда мы будемъ только вспомогательными орудіями вѣтра, самими собой подвигающаго машину, и не проши-

вась стремленію несущей насъ спихіи, будемъ только пользоваться ея всеильнымъ дѣйствіемъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ первоначальное понятіе о снарядѣ аэропора, или сбѣ искусствѣ спранспортировать по воздуху. Намъ кажется, что мы соображали только извѣстные дѣйствія, изъ которыхъ каждое гдѣ особенности взятое доказывається опытомъ; но для опредѣленія сѣ, точности сихъ началъ и слѣдствій, пребуеши ученыхъ вычисленій и дорого стоющихъ опытовъ. Когда истрашишь деньги на повшореніе ежедневныхъ воздушныхъ путешествій, давно извѣстныхъ; то не лучше ли истрашишь деньги на испытаніе новаго способа, который по всѣмъ вѣроятностямъ доведеть до новыхъ мыслей, и до новыхъ открытій?

Начала, нами положенныя, суть:

1 е. Помѣстить главное управляющее орудіе въ центрѣ снаряда.

2 е. Разсѣять или раздѣлить восносящую силу по горизонтальной плоскости.

3 е. Прислать крылья къ плоскости на ровнѣ со всѣми шарами.

4 е. Вывести изъ одной общей силы вѣтра двѣ отдѣленныя силы.

5е. Упошребляшь дѣйствіе крыльевъ на то единственно, чтобы замѣнять одну силу другою.

(Изъ *Esprit des Journaux.*)

В. II.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

О планѣ оборонительной войны противу Французовъ 1812 года (*).

Противъ врага споль сильного и коварнаго, Россія должна была возложить всю надежду свою на собственныя силы. Она принуждена была прибѣгнуть къ необыкновеннымъ средствамъ, и сдѣланныя ею пожертвованія не представляють примѣра въ Лѣтописяхъ народовъ.

Несчастный опытъ доказалъ неудобство коалицій, которыя оставались безуспѣшны и обращались во вредъ союзникамъ.

(*) Изъ книжки: *Разсужденія о войнѣ 1812 года, съ таблицами.* Соч. Полковника и Кавалера Чуйкевича. С. П. В. 1813.

Каждая представляла огромную силу, мощную подавить Францію; но разность образа мыслей Государей ее соспавлявшихъ, спраспи миниспровъ ею руководспвовавшихъ, опдаленіе опъ цбли первоначально предначершанной, несогласіе главнокомадующихъ союзными войсками и недовѣрчивость Государей поручить управление хода коалиціи одному, были причинами, что хитрый и предпріимчивый непріяшель билъ по часпямъ народы, и поржеспвовалъ надъ коалиціею, прошивъ коей, казалось, не могъ бы онъ устоять.

Благодареніе Всевышнему, что Россія должна была одна прошивоборспвовать своимъ врагамъ. Она могла найти въ самой себѣ всѣ нужныя силы и пособія къ опраженію врага. Ничто ей не препяпспвовало въ ея дѣйспвіяхъ; она могла избрать планъ войны и слѣдовать оному съ швердосптію безъ всякихъ поспороннихъ вліяній. — Силы всей Европы не спрашны народу, любящему Вѣру, Опечеспво и преданному Государямъ своимъ.

ИМПЕРАТОРЪ Россійскій, испощившій всѣ мѣры къ сохраненію мира съ Франціею, и непреложный въ своихъ правилахъ умѣренности, не хотѣлъ бытъ нарушителемъ святости правташовъ. Сердцу Его

пропивна была мысль начать войну ко-
порой предупрежденіемъ въ началѣ прошедша-
го года могли бытъ заняты земли до Ви-
слы. Рѣшившись опражать нападенте си-
лою оружія, Онъ былъ убѣжденъ, что вой-
на оборонительная, состоящая единствен-
но въ упорномъ защищеніи своихъ границъ,
и при самомъ счастіи, продлила бы толь-
ко войну, но не могла имѣть рѣшитель-
ныхъ слѣдствій. Сія истина и другія
уваженія, которыя излишне здѣсь упоми-
нашь, преклонили ИМПЕРАТОРА въ вы-
борѣ плана войны, коего несомнѣнный ус-
пѣхъ можно было предвидѣть. Сообразно
сему войска наши были расположены отъ
Балтійскаго моря до Дибстра.

Такоже раздробленіе силъ въ виду не-
приятеля, положившаго морваться въ наши
предѣлы, конечно представлялось съ пер-
ваго взгляду вопреки правиламъ военного
искусства: оно давало удобность непри-
ятелю, имѣвшему свои силы соединенны-
ми, истребить наши войска по частямъ.
Но мѣры принятыя для соединенія корпу-
совъ, разстроили соображенія Наполеона,
и не взирая на его покушенія, всѣ отдѣ-
ленные части соединились въ цѣлости.

Сіе самое расположеніе нашихъ силъ
доставляло важныя выгоды: 1, въ удобно-

ести продовольствія войскъ; 2, доказывало всей Европѣ, что мы не для завоеваній, но единственно для своей защиты собрали на границѣ войска, и 3, главнѣйшее, скрывало отъ неприятеля истинный планъ войны, который Правительство наше избрало какъ наилучшій и удобнѣйшій противъ такого врага какъ Наполеонъ.

Очевидная представлялась истина, что наступаящая сторона, имѣющая столь много важныхъ преимуществъ, должна была терять другія выгоды, удаляясь отъ средопочія своихъ пособій, и раздроблять свои силы занятіемъ и прикрытіемъ многихъ мѣствъ. Напротивъ того обороняющаяся, сосредоточивала силы по мѣрѣ своего отступленія, и находила такъ сказать на каждомъ шагу новыя себѣ подкрѣпленія. Сверхъ того она непримѣтно завлекала неприятеля во внутренность земли, въ которой не возможно ему было держаться и могла затруднять обратное возвращеніе, особенно при наступленіи суровой погоды, которая обратилась ему въ гибель.

Главнѣйшее правило въ оборонительной войнѣ состоитъ: *предпринимать и дѣлать совершенно проливное тому, чего неприятель желаетъ*. Наполеонъ хотѣлъ при самомъ началѣ кампаніи принудить

насѣ къ генеральному сраженію; но собственная наша польза и твердое слѣдова-
ніе принятому плану войны налагали обя-
занность уклоняться отъ рѣшительныхъ
дѣлъ до времени. Наполеонъ часно пред-
принималъ дѣла свои и движенія на удачу,
и не жалѣлъ воиновъ; намъ должно было
щадить ихъ для важныхъ случаевъ, со-
ображать свои дѣйствія съ осторожностію
и оспанавливаясь на вѣрномъ.

Хотя оборонительная война и несход-
ственна съ мужественнымъ духомъ Россій-
скаго народа; но вспомнить было надобно,
что сія брань ведется за цѣлость, неза-
висимость и славу Монархіи. Временное
занятіе непріятелемъ нѣкоторые нашихъ
областей не должно было насъ ни устраи-
вать, ни дѣлать малодушными; ибо спа-
сеніе и цѣлость Государства состоятъ въ
цѣлости его армій. — Посупки Веллинг-
тона и ошибки навлекшія пораженія при
Маренго, Ульмѣ и Іенѣ, должны были слу-
жить сильными примѣрами для Россій-
скихъ Полководцовъ.

Наполеону совершенно былъ извѣстенъ
образъ войны, порожденный Французскою
революціею и стоившій народамъ столь
дорого. Надобно было вести противъ него
такую войну, къ которой онъ самъ еще

не привыкъ, и успѣхи свои основывать на свойственной ему неперпѣливости опѣ продолжающейся войны. Сія неперпѣливость могла вовлечь его въ ошибки, коими должно было безъ упущенія времени воспользоваться, и тогда оборонительную войну перемѣнишь въ наступательную.

Уклоненіе на нѣкоторое время опѣ генеральныхъ сраженій, рѣшительность въ продолженіи войны, истребленіе неприятельскаго продовольствія, недопусканіе до фуражировки и партизанская война легучими опрядами, особенно на операціонной неприятельской линіи, были для врага нашего мбрами новыми, упоминательными и гибельными.

Знаменитыя побѣды нами одержанныя, быстрые успѣхи нашего оружія и великость попери враговъ нашихъ доказываютъ, что Правишельство не ошиблось въ избранномъ имъ планѣ войны. Полководцы наши спяжали незабвенную славу исполненіемъ сего плана; Россійской же воинѣ показалъ въ высочайшей степени свою храбрость и непреодолимое мужество.

Выписка изъ новой книжки (*).

Почти все нынѣ выходящія сочиненія о разбойническомъ вторженіи Бонапарта въ Россію заслуживаютъ вниманіе публики, и хотя степени достоинства ихъ различны и хотя онѣ взаимно противурѣчаютъ другъ другу въ нѣкоторыхъ историческихъ показаніяхъ. Противурѣчій не заключаютъ истины, и важнѣйшія происшествія останутся ясными въ исторіи; между тѣмъ въ каждомъ новомъ о нынѣшней войнѣ сочиненіи есть весьма любопытныя замѣчанія и анекдоты, представляющія богатую жатву для собирателя, которой захочетъ изъ разныхъ отрывковъ составить что-нибудь цѣлое и полное. Книжка: *Рускіе и Наполеонъ Бонапартъ* заключаетъ въ себѣ матерію не только для собирателя но и для историка. Предлагаемъ прашкой изъ нее отрывокъ. Изл.

Россійская армія, которая расположена была вдоль по границамъ Польскимъ, и распянуша на разстояніе сѣмь миль Нѣ-

---

(*) Рускіе и Наполеонъ Бонапартъ, или разсужденіе о поведеніи нынѣшняго обладателя Франціи съ Тильзитскаго мира по изгнаніе его изъ Москвы. Писано Московскимъ жителемъ 1813 года. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго.

ицкихъ, не могла конечно защититьъ сихъ
 Провинцій отъ стремленія четырёхсотъ-
 тысячной арміи (*), которая ускоряла
 свои марши, дабы сдѣлать внезапное на-
 паденіе и опрѣзавъ цѣлые корпусы Рос-
 сійскіе, поспѣшавшіе къ генеральному со-
 единенію. Планъ сего похода, начертан-
 ный Наполеономъ, былъ весьма дерзокъ.
 Онъ твердо увѣренъ былъ, что въ поло-
 винѣ Августа мѣсяца его Роландъ (Удино)
 будетъ въ Петербургѣ, а онъ съ главны-
 ми силами, воспретяшисшовавъ соединенію
 первой и второй Западной арміи, истре-
 битъ ихъ по частямъ, и что въ то же
 самое время падетъ предъ побѣдителемъ
 своимъ Москва, гдѣ и предложенъ будетъ
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ великодуш-
 ный миръ, съ умѣренной уступкою Фран-
 ціи всей Россійской Польши и Курляндіи. —
 Потомъ предполагалъ предусмотрительный
 Наполеонъ перевести на зиму побѣдонос-
 ные свои войска въ теплый климатъ Мол-
 давіи и Валлахіи, а къ будущей веснѣ и-
 ти съ 700,000 войска въ Византію, осво-
 бодить Хрисціанъ отъ ига невѣрныхъ,
 просвѣтитъ послѣднихъ, ограбитъ обоихъ,
 а наконецъ принесетъ на жертву нѣсколь-
 ко милліоновъ изъ оныхъ въ переходахъ

(*) Выключая корпусы Князя Шварценберга,
 Маршаловъ Магдональда и Ожера. *Сок.*

по ужаснымъ песчанымъ пустынямъ Африки, завоевашь богатшыя страны малой Азіи, и уничтожишь навсегда могущество и торговлю Англїи въ Остѣ-Индїи.

Безпрерывное опшупленіе Россїянъ, которое было слѣдствїемъ обширнаго и благоразумнаго плана, было исполковано во Французской арміи различными образами. Емиссары (*), наемники Наполеона, разбѣланные въ Столицахъ и провинціяхъ Россійскихъ, сообщали ему весьма благопрїятныя и сообразныя его мыслямъ извѣстія — нѣкоторыя увѣряли его, что во всей Россїи царствуетъ великое негодованіе : „Дворянство (писали они), неимѣя болѣе довѣренности къ Правительству и къ Полководцамъ, командующимъ арміями, оставяетъ военную службу. Купеческое сословіе, обѣднявшее отъ прекращенія торговли, ропщетъ; а народъ, удрученный

(*) Они были большею частію иностранцы, въ разныхъ мѣстахъ Россїи поселившіеся, и занимавшіеся непопулярными порями, воспішанїемъ, или лучше сказать развращенїемъ юношества, и тому подобное. Изверги сіи, забывъ кому они были обязаны своимъ призрѣнїемъ, благоденствїемъ и обогащенїемъ, въ надеждѣ большей корысти, слагали съ себя званіе благодарнаго гражданина, для облеченія себя блистательнымъ шпшломъ шпціоновъ великаго Наполеона. Сов.

„налогами, непрестанными рекрутскими
 „наборами, жаждешь вкусить спаситель-
 „ные плоды Наказа величайшаго законода-
 „теля въ свѣтѣ.“ Другіе же утверждали,
 что „Украинскіе и Донскіе жили не мо-
 „гутъ дать для сей войны болѣе десяти
 „тысячъ человекъ, поелику земли ихъ опу-
 „стошены войнами, а особливо послѣднею
 „противъ Турціи.“ Сіи басеньки дѣлались
 извѣстными по дѣлой арміи и превраца-
 лись въ устахъ Французскихъ Генераловъ
 и офицеровъ въ достовѣрныя оффиціальныя
 извѣстія. Воины Наполеоновы ничѣмъ бо-
 лѣе не занимались, какъ знаменитымъ по-
 ходомъ, который полагали они, не подвер-
 гая себя кровопролитнымъ битвамъ съ Рос-
 сіянами, скоро окончить, и потомъ воз-
 вратиться въ свое отечество со славою и
 обремененные богатствами.

Разбитіе Маршала Удино Графомъ
 Витгенштейномъ при Себевѣ сдѣлало пер-
 вое распроеисіе въ планѣ кампаніи Фран-
 цузовъ. — Релиція сего сраженія была при-
 крыта разными лжами и прикрасами,
 сквозь копорыя однакожь являлась истина,
 хотя и сказано было въ приказахъ, что
 „придцать тысячъ опытныхъ войскъ
 „(Elites) Маршала Удино цѣлыхъ два дня
 „упорно сражались противу восьмидесяти
 „тысячъ Рускихъ, копорые не успѣли при-
 „чинить имъ малѣйшаго вреда Французскому

„корпусу, въ правильной его ретирадѣ, хо-
„пя и пожертвовали сей разъ болѣе двад-
„цати тысячъ человекъ лучшаго войска.“ —
Маршалъ Даву въ своемъ предпріятіи имѣлъ
также не лучшій успѣхъ. — Князь Багра-
тіонъ, подѣ Могилевымъ, сдѣлалъ ему
сильный оппоръ, послѣ котораго соверши-
лось генеральное соединеніе Россійскихъ кор-
пусовъ (*).

Послѣ сихъ важныхъ событій, уни-
чожившихъ главныя основанія плана сего
похода, Наполеонъ принялъ всѣ мѣры для
ускоренія взятія Смоленска, яко главной
защиты Москвы. — Онъ надѣялся найсти
въ ономъ изобильные магазины сѣвсныхъ
припасовъ, въ коихъ армія его терпѣла
величайшій недостатокъ, особенно кавале-
рїя. — Она по недостатку фуража чув-
ствительнымъ образомъ ежедневно ослабѣ-
вала (**). Всѣ корпусы, исключая гвардію
Императорскую, питались пареною рожью,

(*) Въ сей день Князь П. И. Баграціонъ по-
слалъ предупредить Маршала Мортье, что
будетъ въ Россійскомъ лагерѣ пущечная
пальба для празднованія извѣстія, получен-
наго о заключеніи съ Турками мира. Соу.

(**) Главнѣйшій Баварскій Генераль Грѣфъ Прей-
сингенъ, пробѣжавшій въ Январѣ мѣсяцъ
чрезъ Москву, на вопросъ знатной одной
особы: отъ чего такъ много умирало лоша-
дей во Французской арміи? отвѣчалъ: „не

изрѣдка мясомъ. — Таковое продороль-
 ствіе причинило шяжкія болѣзни — на
 всякомъ ночлегѣ корпусы оставляли въ
 бивуакахъ своихъ множество больныхъ безъ
 пищи и безъ всякой возможности облег-
 чить участь ихъ и дать имъ пособіе,
 хотя въ деньгахъ у нихъ было большое
 изобиліе, и сіи новые Таншалы, плавая по

говоря о другихъ полкахъ, скажу вамъ о
 своемъ; у меня убивалось ежедневно по пя-
 ти, шести и семи лошадей для кормленія
 кирасиръ; кромѣ сего и падало много отъ
 усилій по несоразмѣрности тяжестей, ко-
 ими были нагружаемы; кормили же ихъ
 чѣмъ ни попадется: капустою, рожью,
 картофелемъ, всякими овощами и проч.“

Неусмотрительность Наполеона, или слѣпое
 упованіе его на скорый миръ были столь
 велики, что онъ, вступая въ наше Отече-
 ство, не подумалъ заготовить зимними под-
 ковами. Кавалерія его на возвратномъ пути
 изъ Москвы въ иныхъ мѣстахъ съ трудомъ
 могла дѣйствовать. Выщерченный
 Генералъ Баварскій уабрялъ, что въ Смо-
 ленскѣ, для подкованія своей верховой ла-
 щади на зимній ходъ, заплатилъ онъ кона-
 валау Императора Наполеона при дундора.
 По всѣмъ симъ подробностямъ, кои должны
 быть вѣроподобны въ устахъ Генерала, на-
 зывавшаго угнешателя своего отечества и
grand genie militaire (великимъ гениемъ воен-
 нымъ), можно судить, съ какою страсною
 прогрессіею исчезала Французская кавалерія.

горло въ награбленномъ золотѣ и серебрѣ, умирали съ голоду. — Войска громогласно роптали на свое положеніе; Наполеонъ спарался ушущать негодованіе сіе леспными приказами, давая имъ разумѣнь, что, взятіе Смоленска рѣшитъ судьбу Сполицы; и положишъ конецъ войнѣ.

~~~~~

Двадцать девятый бюллетень большой Французской арміи съ замѣчаніями къ нему одного Русскаго Офицера ().*

Молодечно, 3го Декабря 1812 года.

До 6го Ноября погода была прекрасная, и движеніе арміи продолжалось съ наилучшимъ успѣхомъ. Съ 7го числа началась спужа. Съ ешаго дня мы въ каждую ночь теряли по нѣскольку сотъ лошадей, которыя падали на бивуакахъ. При вступленіи въ Смоленскъ мы лишились уже значительнаго количества лошадей спроевыхъ и артиллерійскихъ.

Россійская Воынская армія находилась прошивъ праваго крыла нашей, которое

(*) Сей славный бюллетень, о которомъ такъ много писали, достоинъ быть известнымъ нашей Публикѣ. Онъ есть надгробное слово большой Французской арміи. *Мад.*

оставивъ операціонную линію Минскую, направило дѣйствія свои по линіи къ Варшавѣ. Императоръ 9го Ноября въ Смоленскѣ увѣдомился о сей перемѣнѣ линіи операціонной, и угадалъ что предприметь неприятель. Сколь ни труднымъ ему казалось въ такую ужасную пору года отважиться на дальнѣйшее движеніе; однакожъ новыя обстоятельства содѣлали оное необходимымъ. Онъ надѣялся предупредить неприятеля въ Минскѣ, или по крайней мѣрѣ при Березинѣ; 13го числа отправился изъ Смоленска, и 16го ночевалъ въ Красномъ. Спужа, начавшаяся 7го, внезапно увеличилась, такъ что съ 14го на 15е и 16го числа Реомюровъ термометръ показывалъ отъ 16 до 18 градусовъ ниже точки замерзанія. Дороги были покрыты гололедицею; спроевые артиллерійскія и обозныя лошади въ каждую ночь валялись не сотнями, а тысячами, особливо же Нѣмецкія и Французскія. Въ нѣсколько дней погибло ихъ болѣе 30,000; большая часть нашей конницы снѣжилась; артиллерія и обозы остались безъ лошадей. Мы принуждены были большую часть пушекъ своихъ бросить, и большую же часть военныхъ и свѣстныхъ припасовъ предать употребленію 1).

Сія армія, 6го числа бывшая столь прекрасною, 14го числа предстала уже

одну только пѣнь первой, и почти совсѣмъ уже не имѣла ни конницы, ни артиллеріи, ни обозовъ. Безъ конницы не могли мы ниже на четверть мили отойти отъ большой дороги, а безъ артиллеріи не лзя намъ было дать сраженіе и спать твердо ногою противъ непріятели; однимъ словомъ, мы должны были продолжать походъ безоспановочно, дабы избѣжать сраженія, котораго не могли мы желать по недостатку въ военныхъ снарядахъ. Мы должны были растягиваться на большомъ пространствѣ, чтобы не дозволилъ непріятелю обойти насъ, и все это сдѣлано безъ конницы, необходимо нужной для рекогносцированія и для соединенія колоннъ. Сіе затрудненіе, къ которому присоединилась еще сильная, внезапно наступившая стужа, сдѣлало положеніе наше весьма тяжкимъ. Люди, не одаренные отъ природы способностію пренебрегать игру судьбы и счастья, по видимому смупились, потеряли бодрость свою и единственно мечтали о бѣдствіяхъ и ужаснѣйшей кончинѣ; а тѣ, коихъ натура создала побѣдоносными, сохранили присутствіе духа и обыкновенную свою бодрость; они видѣли въ затрудненіяхъ, которыя преодолѣть намъ должно, новые пути ко славѣ.

Непріятель, примѣтивши на большой дорогѣ слѣды ужаснаго бѣдствія, послѣго-

наго армію, спарался онимъ воспользоваться. Онъ окружилъ всѣ колонны своими козаками, которые, подобно Аравіяннамъ пустыннымъ, захвапывали повозки, хощь мало опдалившіяся или оцспавшія. Сія презрѣнная конница, которая только производитъ тревогу, не будучи въ состоянїи пробиться ниже сквозь одну роту волшижировъ, сдѣлалась страшною по причинѣ благопріятствовавшихъ ей обстоятельствъ. Однакожь неприятель долженъ былъ оплакивать каждое свое покушеніе, сколько-нибудь значительное; онъ былъ опрокинутъ Кице-Королемъ, передъ которымъ дерзнулъ явиться, и потерялъ много людей при семъ случаѣ 2).

Дюкъ Влхингенскій (Ней), начальствовавшій въ арріергардѣ, изъ 3000 человекъ состоявшемъ, взорвалъ на воздухъ Смоленскія стѣны. Онъ былъ опрѣзанъ, и находился въ положенїи сомнительномъ; онъ опспунилъ со свойспвенною ему неупрашимоствію, удерживавши 18го числа цѣлой день неприятеля и всегда его опрокидывая; ночью онъ подвинулся къ правому флангу, перешелъ черезъ Дибрѣ и уничтожилъ всѣ планы неприятеля. 19го Числа армія перешла черезъ Дибрѣ у Орши, и здѣсь-то Русская армія, утомленная и ослабленная поперею множесства людей, прекратила свои покушенія 3).

Уже 16 го числа Волынская армія вступила въ Минскъ, и двинулась опшуда къ Борисову. Генераль Домбровскій съ 3000 человекъ защищаль мостовыя укрѣпленія при Борисовѣ. 23 го Числа онъ уступилъ превозмогающей силѣ и долженъ былъ оставитъ свою позицію. Тогда неприятель переправился черезъ Березину, и пошелъ къ Бобру; Ламбертова дивизія соспавляла авангардъ.

Вспорой корпусъ, предводительствуемый Дюкомъ Реджіо (Удинопомъ) и споявшій при Черевъ, получилъ приказаніе идти къ Борисову, дабы обезпечитъ арміи переправу черезъ Березину. 24 го Числа Дюкъ Реджіо за 4 часа опъ Борисова напикнулся на дивизію Ламберта, напалъ на нее, побилъ ее, взялъ въ полонъ 2000 человекъ, 6 пушекъ, 500 шельгъ съ тяжесными Волынской арміи, и перебросилъ неприятеля на правую сторону Березины. — Генераль Берггеймъ съ четвертымъ кирасирскимъ полкомъ опличился прекраснымъ нападеніемъ. Неприятель только шѣмъ спасъ себя, что сжегъ мостъ длиною больше 300 шазовъ.

Между шѣмъ неприятель охранялъ все переходы черезъ Березину. Едва сія имѣншъ въ ширину 40 шазовъ; по ней много идѣтъ

льду, и берега ея болѣе нежели на 300 шаговъ состоятъ изъ болотъ — ешо весьма затрудняетъ переправу 4).

Неприятельскій Генералъ расположилъ свои дивизіи при выходахъ изъ горъ въ разныхъ мѣстахъ, черезъ которые, по его мнѣнію, надлежало идти Французской арміи. 25 Числа Императоръ обманывалъ неприятеля разными движеніями; на другой день на разсвѣтѣ онъ пошелъ къ деревнѣ Студенцамъ, и тогдаже приказалъ, не смотря на присутствіе дивизіи неприятельской, и передъ ея глазами навесити два моста черезъ рѣку.

Дюкъ Реджіо перешелъ на другой берегъ рѣки, напалъ на неприятеля и гналъ его два часа. Неприятель отступилъ къ мостовымъ укрѣпленіямъ при Борисовѣ. Генералъ Лепранъ, мужъ отличнаго достоинства, раненъ тяжело, однакожь неопасно. 26го и 27го Чиселъ армія перешла черезъ рѣку при семъ пунктѣ 5).

Дюкъ Беллуно (Викторъ), начальствующій надъ девятымъ корпусомъ, получилъ приказаніе идти за Дюкомъ Реджіо, составить арріергардъ и держать въ страхъ Россійскую Дуинскую армію, которая за нимъ слѣдовала.

Дивизія Генерала Шарпюнно вышла ночью изъ Борисова. Одна бригада сей дивизіи, составлявшая артѣргардъ и имѣвшая препорученіе сжечь мосты, выступила въ 7 часовъ вечера. Она пришла на мѣсто въ 11 часу, искала первую бригаду и своего дивизионнаго Генерала, которой вышелъ раньше ея двумя часами, и не могла найти его на дорогѣ. Всѣ ея спаранія были тщетны. Тогда начали беспокоиться о Генералѣ. Только и могли свѣдать, что первая, въ 5 часовъ вышедшая, бригада въ 6 часовъ сбилась съ дороги; что она вмѣсто лѣвой стороны, пошла въ правую и продолжала часа 2 или 3 путь свой по сему направленію; что она окоспѣвши отъ спужи, ночью приблизилась къ огнямъ неприятельскимъ, пошла ихъ за огни Французскіе, была окружена и захвачена. Отъ сей ужасной ошибки лишились мы 2000 человекъ пѣхоты, 300 лошадей и 3 пушекъ. Служь носится, что дивизионный Генералъ не находился при своей колоннѣ, но ѣхалъ особо б).

Послѣ переправы всей арміи 28го числа поутру, Дюкъ Беллуно охранялъ мостовыя укрѣпленія на лѣвомъ берегѣ. Дюкъ Реджіо и за нимъ вся армія находилась на правой сторонѣ Березины.

Но оставленіи Борисова, Двинская армія и Волынская были уже въ сообщеніи между собою. Онѣ условились сдѣлать нападеніе. 28 Числа на разсвѣтѣ Дюкѣ Реджіо извѣстилъ Императора, что на него наступаютъ; черезъ полчаса равнымъ образомъ сдѣлано нападеніе и на Дюка Беллуно, коимъ находился на лѣвомъ берегу. Армія ухватила за оружіе; Дюкѣ Елхингенскій пошелъ за Дюкомъ Реджіо, а Дюкѣ Тревизо (Мортъе) за Дюкомъ Елхингенскимъ. Сраженіе было жаркое; неприятель хотѣлъ обойти наши фланги. Генералъ Думервь, начальствующій 5 кирасирскою дивизіею, принадлежавшею во второму корпусу, на Двинѣ оспающемуся, приказалъ 4 му и 5 му кирасирскимъ полкамъ учинить нападеніе въ самое то время, когда Висленскій легіонъ дрался въ лѣсу, дабы проломить центръ неприятеля, коимъ былъ опрокинутъ и поражаемъ въ преслѣдованіи. Сіи знаменитые кирасиры прорубились сквозь шесть пѣхотныхъ карей и обратили въ бѣгство неприятельскую конницу, пришедшую на помощь пѣхотѣ. Намъ досталось 6000 пѣхотныхъ, 2 знамени и 6 пушекъ 7).

Дюкѣ Беллуно съ своей стороны также направилъ стремительно на неприятеля, разбилъ его, взявъ въ полонъ оныхъ 500 до 600

человѣкъ, и не допустилъ его на каршечный выстрѣлъ до мостовыхъ укрѣпленій. Генералъ Фурнье сдѣлалъ прекрасное кавалерійское нападеніе.

Въ сраженіи надъ Березиною Волынская армія много прешерпѣла 8). Дюкъ Реджіо раненъ. Рана его не опасна; онъ прострѣленъ въ бокъ.

На другой день, 29го, мы оспавались на полѣ сраженія; намъ должно было выбрать одну изъ двухъ дорогъ, на Минскъ, или на Вильну 9). Минская дорога идетъ черезъ лѣсъ и невѣдомыя болота. Армія не могла бы, пошедши ея, найсти себѣ продовольствія. Напротивъ того Вильненская дорога проложена черезъ хорошія мѣста; армія, неимѣющая конницы и съ весьма немногими военными припасами, ужасно утомленная пятидесятидневнымъ походомъ и влекущая за собою больныхъ своихъ и раненыхъ послѣ споль многихъ сраженій, необходимо должна была спѣшить въ свои магазинамъ. 30го Числа главная квартира находилась въ Плещеницѣ, 1го Декабря въ Шлярахъ, а 3го въ Молодечномъ, гдѣ армія получила первые транспорты свои изъ Вильны.

Всѣ раненые Офицеры и солдаты, и все то что могло бы произойти за-

спрудненіе въ походѣ, на прим. поклажа и проч. опсправлены въ Вильну.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что армія имѣетъ нужду въ возспановленіи подчиненности военной, въ опдыхѣ, въ лошадяхъ для конницы, въ новой аршиллеріи и въ другихъ существенныхъ пособіяхъ. Спокойствіе есть необходимая для нее поспребность. Нѣкоторыя вещи и лошади уже прибыли. Генералъ Брюеръ доставилъ уже изъ разныхъ мѣстъ болѣе 20,000 лошадей ремонтныхъ. Равнымъ образомъ вознаграждена управа аршиллеріи (10). Генералы, офицеры и солдаты много претерпѣли отъ безпокойствъ и голода; многіе отъ утравы лошадей, а другіе по причинѣ засадъ отъ козаконъ, лишились своихъ обозовъ. Козаки взяли въ плѣнъ многихъ опдѣлившихся людей, инженеръ-географовъ, которые снимали положенія мѣстъ, и раненыхъ офицеровъ, которые шли неоспоржно, желая лучше подвергнуться опасности, нежели спокойно слѣдовать за обозомъ.

Генералы, начальствующіе надъ опдѣленными корпусами, представляютъ донесенія объ офицерахъ и солдатахъ, наиболѣе опличившихся, и подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ сихъ достопамятныхъ происшествіяхъ.

При всѣхъ движеніяхъ Императоръ находился среди своей гвардіи; надъ конницею начальствовалъ Маршалъ Дюкъ Испрійскій (Бесьеръ), а надъ пѣхотою Дюкъ Данцигскій. Его Величество былъ весьма доволенъ мужественнымъ духомъ гвардіи; она всегда готова была идти туда, гдѣ обстоятельства требовали бы ея присутствія; но обстоятельства всегда располагались такимъ образомъ, что одного только ея присутствія было довольно, и что ей не нужно было вступать въ сраженіе 11). Князь Невшательскій, Оберъ - Маршалъ двора (Дюрокъ), Оберъ - Шталмейстеръ (Коленкуръ), всѣ адъютанты и военные чиновники Императорской свиты всегда находились при Его Величествѣ,

Конница наша имѣла такой недостатокъ въ лошадяхъ, что изъ офицеровъ, которые сберегли по одной лошади, составлены 4 роты, каждая изъ 150 человекъ 12). Генералы занимали мѣста Капитановъ, а офицеры отправляли унтеръ-офицерскія должности. Сей священный эскадронъ, начальствуемый Генераломъ Груши, подъ повелѣніями Короля Неаполитанскаго, при всѣхъ движеніяхъ не упускалъ изъ виду Императора.

Его Величество никогда еще не наслаждался сшоль возделаннымъ здравіемъ 13).

Примѣчанія.

1) Слава бюллетеней, которая никогда не была знаменитою, еще ниже упала со славою Французской арміи. Ихъ читають по привычкѣ и изъ любопытства; но когда жи и противурѣчія, на каждой строчкѣ вспрѣчающіяся, производятъ пошному въ благоразумномъ читателѣ; то не лучше ли при видѣ ихъ оплодить строгую точность правдолюбія? Надобно имѣть снисхождение къ тѣмъ, которые защищаютъ несправедливое дѣло, и надобно знать, что писатель, борющійся съ очевидною происшествіемъ, находится въ большомъ замѣшательствѣ.

Предложивши весьма любопытныя замѣчанія о погодѣ, которая почеснь можно преполезными для военныхъ людей метеорологическими наблюденіями, сочинитель 29 го бюллетеня пускается въ необходимо нужныя для конныхъ офицеровъ изслѣдованія о чудесномъ вліяніи холода на лошадей Французскихъ и Нѣмецкихъ. Дѣйствіе сего холода было таково, что въ одно прекрасное утро Французская армія проснувшись на бивакѣ, нашла всѣхъ лошадей своихъ замерзшими! Представьте себѣ, какое впечатлѣніе въ начальникахъ и солдатахъ сдѣлалось отъ сего несчастія! Начальники обезумѣли, а солдаты потеряли бодрость. Эта ужасная ночь была единственною причиною всѣхъ бѣдствій, претерѣнныхъ Французскою арміей! Кто будетъ прилѣжно читать исторію сей войны достопамятной; тотъ долженъ напередъ съ надлежащимъ тщаніемъ оградившись осторожностію касательно нѣкоторыхъ необдуманныхъ мнѣній, которая дѣйствительно захотятъ передать припомнившіе

Они скажутъ, на примѣръ, якобы Наполеонъ предпринялъ походъ, превышающій его силы. — Вздоръ! Ешотъ походъ превышалъ только силы лошадей Наполеоновыхъ. Они скажутъ, что Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи единственно по своевравію приказалъ конницѣ своей ударить на лѣвое наше крыло, конницѣ, которая почти вся, послѣ многократныхъ нападеній, истреблена пушечными выстрѣлами. — Вздоръ! наши выстрѣлы никакого вреда не причинили: холодъ, одинъ холодъ, среди лѣта, истребилъ ешу многочисленную конницу. Они скажутъ, будто упрямое желаніе Наполеоново пожить въ Москвѣ заставило его посылать во всѣ стороны за девять Нѣмецкихъ миль отъ главной квартиры для фуражированія на лошадахъ артиллерійскихъ, и будто по сей причинѣ артиллерія сдѣлалась неспособною перенести дальній походъ отступленія. — Вздоръ! лошади артиллерійскія неупомимы, точно также какъ и кавалерійскимъ нестрашны картечи, которыми отъ нихъ онскакиваютъ: за тѣми и другими одинъ только порокъ — бояться холода. Они скажутъ, что худо расположенный планъ отступленія Французовъ претря колоннами, которыя шли по одной и той же дорогѣ, будучи раздѣлены одна отъ другой цѣлымъ переходомъ, былъ для нихъ пагубенъ, и что большая Русская армія боковымъ маршемъ вездѣ предупреждала арріергарды колоннъ Французскихъ. — Опять вздоръ! сіе отступленіе Французовъ было прекраснѣйшее, премудро начертанное и очень хорошо исполненное: холодъ, только! холодъ возмогъ его разстроить. Они скажутъ, что Русскіе, доказавшіе неупомимость свою въ преслѣдованіи

неприятели, неудовольствовались тѣмъ, что побили его въ Маломъ Ярославцѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ и Красномъ, взяли 80,000 человѣкъ въ плѣнъ и до того времени овладѣли 500 пушекъ, но что сообразили еще движенья Волынской арміи и Двинскаго корпуса къ Березинѣ, при которой Французская артиллерія совсѣмъ разрушена. — Вздоръ, вздоръ и опять таки вздоръ! Французы никогда не были ни опрѣзаны, ни биты. Холодъ умертвилъ лошадей. А когда лошади померли, то и люди не пережили ихъ; конница спѣшилась, пѣхота стала въ пень, пушки брошены, планы разстроились, началось замѣшательство, и такимъ образомъ холодъ погналъ Французовъ за Вислу, а Наполеона даже до Парижа. Сіе прекрасное извѣщеніе всѣхъ бѣдъ спвій, постигшихъ Французскую армію, столько же занимательно какъ и подробности всѣхъ сраженій, на которыхъ Французы безпрестанно побѣждали Русскихъ, брали плѣнныхъ и завоевывали землю даже до Нѣмена. Надобно замѣтить, что во всѣхъ сихъ описаніяхъ термометръ предспзвляетъ весьма важную роль, и что въ нихъ съ такимъ же тщаніемъ показываются градусы ниже нуля, какъ и выгоды, приобретенныя Французами. На послѣдокъ ведутъ насъ отъ одной подробности къ другой, отъ одного расчета къ другому, по мѣрѣ ежедневнаго увеличенія стужи и уменьшенія Французской арміи, и доводятъ къ окончательному слѣдствію, о которомъ сочинитель бюллетеня скромно умалчиваетъ, но которое провозглашается молвою, не смотря на бюллетени. Сіе слѣдствіе есть конечная гибель Французской арміи, совершенное очищеніе Россійскихъ областей и бѣгство

побѣдителей въ Германію, гдѣ они спануть ошдыхать на лаврахъ, поблекшихъ опѣ спужи.

2) Въ самомъ дѣлѣ, разница была весьма ощущительная! Сія прекрасная армія, состоявшая изъ 400,000 воиновъ, выбранныхъ почти изъ всѣхъ народовъ Европы, воиновъ, которые сначала единственно мечтали о завоеваніи всей Россіи, и изъ коихъ каждой съ безразсуднѣйшими надеждами спановился подѣ знаменами Наполеона, сія армія выведенная изъ перпѣнія мужественнымъ сопротивленіемъ Русскихъ, удивленная продолжительнымъ и постояннымъ ихъ опспупленіемъ, попомъ побѣжденная въ разныхъ кровопролитныхъ битвахъ, уменьшившихъ ее до четвертой части, — сія, говорю, армія оставшись безъ всякихъ пособій и безъ запасовъ передѣ храбрымъ, наблюдающимъ строгой порядокъ войскомъ, которое и при опспупленіи своемъ научило ее бояться, на сраженіи подѣ Краснымъ явилась съ робостію полны бѣгущей. Сіе сраженіе, котораго совѣмъ даже непримѣтно въ бюллетенѣ, нанесло послѣдній ударъ Французской арміи. Не входя въ подробности, описанныя въ донесеніи Фельдмаршала Князя Кутузова, мы предложимъ одинъ только анекдотъ, засвидѣтельствованный бывшимъ въ плѣну Россіяниномъ, которой былъ очевидцемъ происшествія и на другой день избавился отъ неволи. Наполеонъ, находившійся при началѣ дѣйствія, самъ устроилъ войско къ оборонѣ. Пока нападеніе продолжалось прямо на линію, до тѣхъ поръ непріятель защищался; но дѣло рѣшилось въ одну минуту, какъ скоро наши колонны достигли праваго крыла Французскаго. Тушъ великой полководца совѣмъ пошералъ голову. Онъ пришиормалъ свою лошадь,

и бѣжалъ до самыхъ Лядъ, неоспознавливаясь, Маршалъ Даву, осипавленный начальствовать, по видимому не почелъ для себя выгодною должностію управление такою арміею, которая была поражена на флангахъ. Онъ за благо разсудилъ пуститься въ слѣдъ за своимъ повелителемъ, безъ сомнѣнія вспомнивъ о влѣшѣ своей никогда не оставлялъ его. Онъ скинулъ съ себя генеральское платье, бросилъ ордена свои и жезлъ маршальскій, которые попомъ dospались въ руки козакамъ; поручилъ себя быспрымъ ногамъ своей лошади, и погнался изо всей мочи за своимъ обладателемъ, конечно для того чтобы съ нимъ поговѣшавшись о важномъ планѣ новаго опснупленія. Наполеонъ нашелъ въ Лядахъ часть своей гвардіи и большіе обозы. Слѣдъ на свѣжую лошадь, приказалъ какъ можно скорѣе приготовить къ походу, самъ принялъ начальство надъ симъ опснупающимъ войскомъ — и все это исполнено въ одно мгновеніе ока. Оруженный гвардіею, онъ забылъ объ остаткахъ своей арміи, которая брошена будучи самой себѣ, предалась бѣгству, и съ своей стороны забыла о корпусѣ Маршала Нея, ожидавшемъ онъ нее своего избавленія. Сочинилъ бюллетеня, человекъ по видимому болтливый опъ природы, умѣлъ однакожь и молчать гдѣ надобно. Онъ бѣгство сіе называетъ опснупленіемъ, бѣгущую армію называетъ побѣдоносною, а предводителя ея величайшимъ изъ полководцовъ! Сіи козаки, сіи несчастные Аравинице, которые нападаютъ только на обозы, и неумѣютъ пробиться сквозь одну рощу полшижировъ, истребили почти цѣлую часть непритительской арміи! Виватъ презрѣнная конница!

3) Дюкъ Елхингенскій прибылъ съ корпусомъ своимъ и съ остатками перваго корпуса, при Маломъ Ярославцѣ и Вязьмѣ побитаго, на другой день сраженія подъ Красной. Онъ шелъ изъ Смоленска, гдѣ занимался подорваніемъ городскихъ стѣнъ и сожженіемъ домовъ обывашельскихъ. Онъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Россійская армія стояла въ боевомъ порядкѣ и была готова принять его. Какое изумленіе приготовилъ для него Наполеонъ! Какъ бы то ни было, но положено сдѣлать нападеніе. Колонны идутъ впередъ съ примкнувшими штыками, и ихъ вдругъ не стало! Тупъ Маршалъ, какъ человекъ умной, не долго оставался въ недоумѣніи: онъ бросилъ свой корпусъ, какъ Наполеонъ армію. Каковъ господинъ таковъ и слуга. Вѣгущій Ней принявъ былъ съ распростертыми объятіями отъ Императора, котораго увидѣвши его, сказалъ: „Я и самъ тоже бы сдѣлалъ на его мѣстѣ!“ Какъ будио онъ не сдѣлалъ того же, убѣжавши изъ подъ Краснаго, еще прежде нежели произнесъ достопамятное сіе изреченіе!

Въ епомъ же параграфѣ бюллетеня есть важная типографическая ошибка. У Ней было не 3,000, но 15,000 человекъ, изъ которыхъ 12,000 положили ружья. И такъ могло статься, что онъ побѣждалъ съ 3000; однакожъ прибылъ въ квартиру своего Императора не болѣе какъ со 150. Наполеонъ почитая его погибшимъ, прокричалъ нѣсколько разъ: „Я дамъ 2 милліона; я выкуплю Ней!“ По крайней мѣрѣ публика теперь знаетъ, чего стоитъ Французскій Маршалъ на чистыя деньги. Цѣна назначена; однакожъ суди потому какъ посту-

паешъ съ ними Государь ихъ, кажешся, что ихъ можно покупать еще дешевле.

4) Великое знаменитое дѣло! Французская армія, большая армія, разбила два полка егерскіе! Полки сіи, преслѣдуя Домбровскаго, набѣжали на цѣлой 2й корпусъ, непосредственно подкрѣпляемый всею арміею; долго защищавшись, какъ прилично храбрымъ, они принуждены были оставитьъ 200 или 300 своихъ раненныхъ при Борисовѣ, и зажгли мостъ перешедши черезъ Березину. Великое чудо! знаменитая побѣда! Правда что это были тѣ самые егери, которые овладѣли окопами при мостовыхъ укрѣпленіяхъ у Березины, и истребили почти всю дивизію Домбровскаго; но за то уже Французская армія опшмсила имъ ужаснымъ образомъ. Она полонила 2000 чело-вѣкъ, хотя и всѣхъ ихъ было не болѣе 1,500. Она взяла у нихъ 6 пушекъ, хотя при нихъ не было ни одной пушки; взяла 500 повозокъ, хотя едва ли вѣроятнымъ покажется, будто бы при двухъ неполныхъ егерскихъ полкахъ могло бытъ 500 повозокъ. Вотъ какъ у насъ пишутъ исторію!

5) И такъ чудесной переходъ черезъ Березину произведенъ въ дѣйство! Побѣдитель народовъ могъ сказать самъ себѣ: „я не пропалъ!“ Сколько подробностей о рѣкѣ Березинѣ и о переправѣ черезъ нее! Недоснаешъ только одного маленькаго замѣчанія, а именно: если бы къ Адмиралу Чичагову подоспѣла ожидаемая помощь, то ни одинъ Французъ не перешелъ бы черезъ Березину. Въ самомъ дѣлѣ двадцати тысячамъ, въ числѣ которыхъ находилось только 15,000 пѣхоты, трудно бы-

до занять всѣ переправы на такой рѣкѣ, коей берега покрыты кусшарникомъ и болотами; и копорая наполнена иломъ, а особливо когда съ пылу угрожали 40,000 Австрійцевъ и Саксонцевъ. Наполеонъ неимѣлъ нужды ни въ хипросши, ни въ искусствѣ, чшобы совершить ему переправу; ему спило только предиринять ее: Это случилось 14го (26 числа по нов. силлю). Русскіе Генералы не могли шумъ удерживать его. Впрочемъ арміи нашей немного было въ томъ 'нужды, при переправѣ ли черезъ Березину испребленъ будетъ неприятель, или послѣ. Надлежало дать отдыхъ большой Россійской арміи и упошребить свѣжія войска для преслѣдованія неприятеля. Чпожъ касается до особы Императора Французовъ, Короля Испаліи и проч. и проч., шо попадется ли онъ въ плѣнъ, или спасенся бѣгствомъ, довольно что жизнь его будетъ имѣть очень малое вліяніе на судьбу Россіи.

б) Очень ясно! Признаться должно, что сочинитель бюллетеня великой мастеръ писать военнымъ слогомъ. Какъ онъ водитъ въ разныя стороны дивизію Генерала Шарноно! какъ раздѣляетъ ее на бригады и заставляетъ ихъ ходить туда, сюда, впередъ, назадъ, на лѣво! Образцовое произведеніе искусства! Какъ забавно эта дивизія ошибается, подходя къ огнямъ нашихъ пикетовъ, чтобы обогрѣться! Никогда еще несслыхано такой путаницы. Бюллетень описываетъ ошибку сію не такъ плачевною, какъ она была на самомъ дѣлѣ. Дивизія Генерала Шарноно, ошавленная при арріергардѣ и преданная такъ сказать на жертву несчастливой судьбѣ своей, выступила изъ Бори-

сова для того чтобы идти въ слѣдъ за Французскою арміею; на дорогѣ попалась она Графу Вишгенштейну, которой принудилъ ее возвратиться въ Борисовъ. Находясь въ столь ужасномъ положеніи, она должна еще была выдерживать нападеніе оцѣ козаковъ, подоспѣвшихъ изъ Бобра, и оцѣ Чичагова егерей, которые заняли Борисовъ. Храбрые солдаты, подъ предводительствомъ одного изъ лучшихъ Французскихъ Генераловъ, принуждены были сдаться, по мужественномъ сопротивленіи. Тщетно бюллетень старается поведеніе Генерала Парпонно представлять въ видѣ сожнательномъ. Самые неприятели отдають ему должную справедливость. Онъ неощѣблялъ судьбы своей оцѣ судьбы вѣрренныхъ ему воиновъ и въ самыхъ даже условіяхъ о сдачѣ. Каждой оцѣ удовольствіемъ видящъ, что душевныя качества его были выше обстоятельствъ. Его поведеніе ибѣмъ большую заслуживаетъ похвалу, что Маршалы Даву и Ней и самъ Императоръ подали ему весьма худой примѣръ подъ Краснымъ. Но не всякому опредѣлено быть великимъ человекомъ.

7) Ничего ибѣмъ забавнѣе подробностей о нападеніи неприятельской конницы, котораго въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не бывало, кромѣ какъ въ головѣ сочинителя. Какъ храбро сіи знаменитые кирасиры пробиваются сквозь шесть колоннъ! и въ цѣвшущее время они такъ чудесъ не шворили! Но чего не въ состояніи сдѣлать кавалерія, имѣющая лошадей столь прекрасныхъ? Въ то самое время какъ Висленскій легіонъ проникнулъ во глубину льса, чтобы пробиться сквозь центръ нашъ (какъ будто въ льсу можно расположить вой-

ско въ линію, которая имѣетъ центръ и фланги!), кирасиры берутъ въ полонъ 6.000 человекъ и 6 пушекъ, потомъ берутъ 6 же пушекъ при Борисовѣ, потомъ опять 6 при Березинѣ! Вотъ каковы наши неприятели! они иначе неберутъ пушекъ какъ полдюжинами. Лучше было бы, когдабы они менѣ думали объ отнятіи у насъ пушекъ, и болѣе заботились бы о сохраненіи своихъ собственныхъ; но не всегда шо дблается, чего хочешь.

8) Какъ непомерныиъ большаго вреда отъ кирасиръ, которые въ лѣсу спрѣляли! Еша побѣдная армія есть однакожь самая та, которая въ конецъ истребила остатокъ Французской артиллеріи въ преслѣдованіи до Вильны.

9) Французская армія прекрасно поступила, выбравши для себя дорогу на Вильну. Правда что Мичская дорога была занята войскомъ; но иѣмъ лучше. Вильненская дорога изобиловала всякими запасами; особливоже довольно надивинься нельзя опической о продовольствіи солдатъ понечистельности, которую Наполеонъ опличился въ продолженіе сего достопамятнаго похода.

10) Да, конечно нужно возстановить воинскую подчиненность во Французской арміи, которая никогда ее не имѣла, — дать ей оцдыхъ, которымъ не дозволяиъ ей воспользоваться, и снабдишь ее лошадьми, которыхъ нигдѣ найши не можно. Чтожь касается до унрашы артиллеріи — ешо суцци бѣдѣва; артиллеріи оцдыхъ походниъ въ прежнемъ порядкѣ. Мудрено ли унрашениа пушкы (а ихъ унрачено ошъ 900 до 1000) замѣнати новыми?

ii) Въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть до-
вольну поведеніемъ ешой гвардіи! Она всегда
послѣдняя въ огнѣ, и всегда первая на промы-
селѣ грабительства! Дымящіяся развалины Мо-
сквы суть памятники ея мужества и воин-
скаго порядка. Маршалы и Короли не усту-
пали ей въ знаменитыхъ подвигахъ. Е. В. Ко-
роль Неаполитанскій между прочимъ осмавал-
ся на цѣлой день въ Ковно для перелитія
и пережиганія серебра и золота, украденныхъ
и награбленныхъ въ церквахъ. Какъ восхити-
тельно видѣлъ Монарха, пожинающаго столь
славные плоды великихъ своихъ подвиговъ!

12) Какъ? общій итогъ, *summa summarum*?
Французская кавалерія, состоящая всего на
все изъ 600 всадниковъ!

13) Объ его арміи этого сказать не можно.

Der Patriot.

IV. С М Ъ С Ъ.

*Павлу Ивановичу Голенищеву - Кузь-
пузову на смерть Генераль-Фельд-
маршала К. Смоленскаго.*

Пусть праведну печаль Россѣ каждый раздѣ-
ляетъ :
Твой стонъ — геройскій дужь во гробъ возму-
щаетъ ;
Не вѣрь молвъ, что вѣкъ Смоленскаго погасъ ;
Тощь живъ, безсмертенъ стонъ, Отечество
кто спасъ.

Г. Хвостовъ.

3го Мая.

*Къ Сочинителю стиховъ подъ на-
званіемъ: Надлись на лолъ Бородин-
скомъ (*).*

Пѣвецъ молодой! пѣвецъ отечественной славы!
Пѣвецъ Бородина — Фарсалии второй,
Гдѣ Цезарь нашъ владалъ всемошною Судьбой,
Склонившей къ намъ свои правдивые уставы —

(*) См. Вѣстн. Евр. N 5 и 6 стран. 27. Сія стихи были бы прекраснымъ мѣстомъ героической поэмы. Молю Феба, чтобы онъ

И дерзкимъ случаемъ возникнувший *Пожлей*
Начало испыталъ своихъ превратныхъ дней!
Пѣвецъ любезнѣйшій! мы слезы проливали
Изъ пронувшихъ сердецъ, когда тебѣ внимали
Въ вѣщаньи спарика ко внучатамъ своимъ
На мѣстѣ славныхъ жертовъ — на полѣ Боро-
динскомъ,
Унизившемъ врага въ киченьи исполинскомъ,
И въ умиленьи душъ мы поклонялись имъ:
Пѣвецъ! возьми свою вновь арфу золотую
И возгреми на ней безсмертныя дѣла
Героевъ-Россіянъ и славу ихъ свящую:
Достойна ихъ пѣвоя хвала!

К. II. III — въ

Біографическое извѣстіе о Савлѣй- шемъ Князѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ- Смоленскомъ.

Хвала вѣчная Мужу, достопамятную
жизнь свою ознаменовавшему долговремен-
ною и полезною службою Государямъ, по-
чищенному ошачною довѣренностію ошъ
Монарха и ошъ всего народа, — Мужу,
кошорато вышній Промыслъ избралъ для
преодовлѣнія счастливѣйшаго полководца,
могущесивнѣйшаго обладателя и ужас-
нѣйшаго опустошителя, для избавленія
Отечества и цѣлой Европы ошъ поштыд-

цавшушему талантомъ поэту внушилъ же-
ланіе написать оъ. К. III.

нѣйшаго униженія, — Мужу, положившему великую эпоху въ Исторіи міра, вознесшему славу Россіи!

Князь Михаилъ Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій произшелъ отъ древней благородной фамиліи, раздѣлившейся на многія опрасли. Ему дано было щцательное и строгое воспитаніе, которое образовало природныя въ немъ дарованія, и сдѣлало его способнымъ къ опправленію различныхъ должностей, обратившихъ на него вниманіе и милости Россійскихъ Государей, коимъ знаменитая служба его была полезнаю. Онъ имѣлъ основательныя познанія въ разныхъ наукахъ, а особливо въ математикѣ, артиллеріи и въ двѣхъ инженерномъ; хорошо говорилъ и писалъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, и преимущественно любилъ Нѣмецкую словесность. По обширнымъ свѣдѣніямъ въ наукахъ политическихъ онъ былъ весьма искусенъ въ дѣлахъ дипломатии. Сими науками занимался онъ не только въ молодости, но и въ прочее время жизни, и даже въ старости своей посвящалъ имъ часы свободные, остающіеся отъ важнѣйшихъ разнообразныхъ упражненій по службѣ. Съ отличными дарованіями и свѣдѣніями и съ быстрой провицательностію соединялся въ немъ характеръ челоѵко-

любивый, высокій, презирающій всѣ низкія спраспи. На войнѣ всегда былъ онѣ однимъ изъ отличнѣйшихъ Полководцевъ, умѣлъ вдругъ обозрѣть всѣ часни цѣлаго, предусмотрѣть и сообразить всѣ обстоятельства; сверхъ того личная храбрость его и предпріимчивость каждому извѣстны. Служба его, болѣе пятидесяти лѣтъ непрерывно продолжавшаяся, ознаменованная вѣрностію и усердіемъ къ Государямъ и Опечеснву, приобрѣла ему справедливое и неопъемлемое право на довѣренность и почтеніе всѣхъ воиновъ.

Сія достопамятная служба его началась въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Кушуровъ первоначально вступилъ въ артиллерію капраломъ 1759 года; въ оберъ-офицеры произведенъ 1761.

При Императорѣ Петрѣ III былъ онѣ Адъютантомъ Генералъ-Фельдмаршала Принца Голштейнъ-Бекскаго.

Въ славное царствованіе Екатерины II 1762 го Кушуровъ пожалованъ въ Капитаны, 1770 го въ Оберъ-Квартирмейстеры Премьеръ-Маіорскаго чина; 1771 го въ Подполковники; 1777 го въ Полковники; 1782 го въ Бригадиры; 1784 го въ Генералъ-Маіоры;

1791 го въ Генераль-Поручики. Императоръ Павелъ I 1798 го произвелъ его въ Генералы ошъ Инфантерїи.

Нынѣ дослославно царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, при Которомъ служба Купузова ознаменована блиспательнѣйшими подвигами, 1811 года возвелъ его въ Графское достоинство, а 1812 го Іюля 29 дня въ Княжеское съ титуломъ Свѣтлости; потомъ за Бородинское сраженіе пожаловалъ въ Генераль-Фельдмаршалы, и за побѣды, одержанныя 5 го и 6 го Ноября надъ Маршалами Даву и Неемъ подъ Краснымъ, увѣнчалъ подвиги его проименованіемъ Смоленскаго.

Князь Купузовъ имѣлъ всѣ Россійскіе и разныя чужестранныхъ Державъ ордены, и сверхъ того въ награду заслугъ своихъ получилъ многія другія ошлицїи.

(Продолженіе въ слѣд. книж.)

Внутреннія известїя.

Въ Апрѣлѣ мѣсцѣ, въ С. Петербургѣ, предано землѣ шло умершаго Пастора Англиканской церкви, Доктора Богословїи, г ма Пичча. Погойникъ, жившій долго въ Столицѣ, заслужилъ всеобщее уваженіе своимъ

душевными качествами и отличными свѣдѣніями. Похороны его почтены были присутствіемъ многихъ знатныхъ Особъ ~~Цвѣтскаго~~ званія. Между прочимъ достойно примѣчанія, что тамъ же были, и на одной скамьѣ помѣщались, Министръ Римско-Католическій, иъкоморой Епископъ и другая духовная особа Греко-восточнаго исповѣданія и шесть протестантскихъ пасторовъ, отправляющихъ Божію службу на разныхъ языкахъ: Нѣмецкомъ, Французскомъ, Шведскомъ, Финскомъ и Голландскомъ. Можеть быть нигдѣ, кромѣ Россіи, иътъ зрѣлища, которое предсавля. о бы столь восхищительный примѣръ братолюбія Хрістіанскаго! Цвѣти и благоденствуй любезное Опечество наше, къ ошрадѣ угнетаемаго челоуѣчества!

— Изъ Риги увѣдомляють, что изъ числа *ста* Французовъ, по удостовѣренію официальной Императорской газеты, Монитера, взятыхъ въ Люнебургъ, привезено въ упомянутый городъ уже болѣе *тысячи двухъ сотъ*. Они препровождаются во внутренность Россіи для посироенія городовъ сожженныхъ неистовыми земляками ихъ, дабы подобные варвары впредь были помирѣе. Нѣмцы, служившіе въ корпусѣ Морана, оставлены въ Колбергъ, и всѣмъ находящимся въ Ригѣ Саксонцамъ, вздымъ въ прежнее время, объявлена свобода.

Заграничныя известія.

Въ первый день Апрѣля, въ день, въ который дозволяется для шутки солгать и обмануть безъ зазрѣнія совѣсти, Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Дюкъ Бассано прочиталъ въ Сенатѣ передъ Наполеономъ донесеніе свое о поступкахъ Прусскаго правительства. Сказка началась отъ ящъ Леды, или, что все одно, отъ войны 1806 года и отъ Генскаго сраженія; потомъ говорено было о неблагодарности Пруссіи противъ Наполеона, которой великодушно *спасъ* ее, принявши подъ высокое свое кровительство; потомъ о путешествіи Короля Прусскаго въ Дрезденъ, когда Наполеонъ велъ шайку свою на добычу въ Россію; потомъ объ оппаденіи Генерала Торка; потомъ о военныхъ приготовленіяхъ Пруссіи, когда узнала она о бѣдствіяхъ большой Французской арміи; потомъ о поѣздкѣ Короля изъ Потсдама въ Бреславль. Вошъ здѣсь-то уже Кабинетъ Прусскій, по словамъ господина Бассано, сбросилъ съ себя личину, и объявилъ войну Франціи. Удвѣленный сими новостями Наполеонъ тотчасъ приказалъ набрать 180,000 рекрутъ, изъ которыхъ половина должна быть взята на честное слово въ зачетъ набора 1814 года. Донесеніе Дюка Бассано и принадлежащія къ нему бумаги, служащія, по его мнѣнію, къ обнаруженію виновныхъ поступковъ Пруссіи, напечатаны въ вѣдомостяхъ.

Три дни спустя послѣ упомянутого происшествія, Депутация отъ Сената, изъ 30 членовъ состоящая, приносила Императрицѣ Французской поздравленіе со вступленіемъ

ея въ правительство по случаю отъѣзда Наполеона въ армію. Ея Величество произнесла къ Депутации отвѣтственную рѣчь слѣдующаго содержания : „Господа! Императоръ, мой августѣйшій и возлюбленный супругъ, въ-
 „дастъ, какими чувствами любви и усердія
 „ко Франціи преисполнено мое сердце. Докъ-
 „зательства приверженности, ежедневно явля-
 „емая предъ нами націею, еще болѣе во мнѣ
 „укрѣпляютъ доброе мнѣніе, которое имѣла я
 „о свойствѣхъ и величіи нашихъ народовъ. Душа
 „моя сильно огорчается, видя удаленіе сего
 „столь желаннаго мира, которой одинъ ма-
 „жетъ содѣлать меня благополучною. Импера-
 „торъ не менѣе прогаается великими жерт-
 „вами, коихъ принужденъ требовать отъ сво-
 „ихъ народовъ ; но поелику непріятель, вмѣ-
 „сто того чтобы даровать миръ міру, хо-
 „четъ возложить на насъ предосудительныя
 „условія, и поелику онъ повсюду проповѣ-
 „дуетъ войну междуособную, измѣну и непо-
 „виновеніе ; то Императоръ принужденнымъ
 „находится прибѣгнуть къ своему оружію,
 „всегда (?) побѣдоносному, дабы повергнуть
 „враговъ своихъ и спасти просвѣщенную Евро-
 „пу и ея Государей отъ безначалія, которое
 „имъ угрожаетъ. Меня чувствительно тро-
 „нули изъявленные вами чувства отъ имени
 „Сената.“

Въ послѣдней половинѣ Апрѣля пустился Наполеонъ во Франконію, къ собранной тамъ своей арміи, и началъ военныя дѣйствія. Саксонскій Король получилъ отъ него письмо въ Регенсбургъ, и тотчасъ уѣхалъ, но не въ Парижъ, куда приглашали его, а въ Линцъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Императоромъ Фран-

цомъ, потомъ въ Прагу. Гроссъ-Герцогъ Вирцбургскій также спасся бѣгствомъ въ Прагу отъ ярости Наполеоновой. Ко всѣмъ Государямъ Рейнскаго союза опиравлены были письма; но объ ихъ расположеніяхъ теперь ничего еще не извѣстно. Чтожъ касается до Австріи, то оба посланника ея, Бубна и Шварценбергъ, выѣхали изъ Парижа обратно въ Вѣну, а сверхъ того извѣстно, что Австрійская сила приводится въ военное состояніе, Сказываютъ, и Швейцарія дала разумѣнь Бонапартю, что она выспавляетъ противъ него 30,000 человекъ въ горахъ своихъ. При такихъ обстоятельствехъ оставалось Наполеону попытаться, не льзя ли будетъ перену-гашъ всѣхъ удачнымъ походомъ. Вотъ онъ и подвинулъ большой корпусъ отъ Везера къ Эльбѣ; въ слѣдствіе чего Даву занялъ Гаарбургъ; Вице-Король пошелъ черезъ Галле къ Лейпцигу, а съ претей стороны самъ Наполеонъ вмѣстѣ съ главною вновь собранною арміею, перешедши черезъ Саалу при Наумбургъ, равнымъ образомъ приближался къ Лейпцигу. Не въ дальнемъ разстояніи отъ сего города при Люценѣ произошло знаменитое сраженіе, копорымъ Графъ Вишгенщпейнъ уничтожилъ коварные замыслы Бонапарта. Увѣряютъ, что Бессьеръ убитъ на семъ сраженіи, и что Ней и Сугамъ ранены; впрочемъ подробности о немъ уже извѣстны, и не требуютъ повторенія. Сну-сшая два дни послѣ сраженія главная квартира Графа Вишгенщпейна находилась въ Рожлицѣ, Бюхерова въ Колдицѣ, Наполеонова въ Кверфуртѣ. При устьѣ Эльбы дѣла Французомъ не въ лучшемъ состояніи. Нашъ Тешенборгъ приказалъ отворить шлюзы, и гондода санкюлоты нестерпиво посяматривающъ

на Гамбургскія башни. Изъ Висмара идутъ 12 тысячъ Шведовъ къ Бойценбургу. И такъ первая попытка Наполеонова неудалась; можетъ быть въ другой разъ, когда подойдутъ корпусы наши къ Ельбѣ, онъ будетъ счастливѣе — чего всякой безъ сомнѣнiя пожелаетъ такому великому герою, которой подвемлетъ Геркулесовы труды для блага всего человѣчества, и у котораго хотятъ оспорить всемирный престолъ, по всѣмъ правамъ, какъ извѣстно, ему принадлежащiй!! Жаль только, что онъ иногда слишкомъ гнѣвнелся, и тѣмъ вредилъ безцѣнному своему здравiю. По слову, на примѣръ, *Нѣмецкаго Наблюдателя*, вѣрно въ припадкѣ бѣшенства, обнаруговалъ онъ черезъ Моншеръ свой, что „Домъ Гогенцоллернскiй (Брандебургскiй) пересмалъ царство; каждой Маршалъ получаетъ себѣ во владѣнiе всякую завоеванную имъ провинцiю; каждой солдатъ воленъ располагать собственностiю Прусскаго подданнаго, и по своему произволу можетъ за всякое упрямство казнить смертiю.“ Развиренный Бонапартъ не подумалъ о своихъ солдатахъ, безъ которыхъ ему будетъ очень плохо. Знаетъ ли онъ, что симъ нелѣпнымъ объявленiемъ заставляешь *свѣхъ* Пруссаковъ обороняться до послѣдней капли крови? Они уже почти все готовы принять своихъ мучителей. „При угрожающей опасности — такъ сказано въ Королевскомъ повелѣнiи — все должны быть готовы къ оборонѣ; женщины, дѣти и старики должны удалиться. Припасы, которыхъ не льзя увезти съ собою, будутъ истреблены, мѣльницы сожжены, колодези засыпаны; хлѣбъ полевою, ежели онъ близокъ къ жатвѣ, превращенъ въ щель, зрѣющаго овощъ изруб-

дѣла, всякая скопина и лошади угнаны; всѣ правительствующія мѣста удаляшся, равно какъ врачи, аптекари, и шакъ далѣе. Всѣ мосты и перевозки будутъ уничтожены, однимъ словомъ земля будетъ превращена въ пустыню. Въ городѣ, занятомъ непріятелемъ, никто не долженъ посѣщать зрѣлищъ, баловъ, или какихъ-либо другихъ увеселеній; священники не должны давать брачнаго благословенія. Кто по доброй волѣ дастъ присягу непріятелю, или будетъ служить ему проводникомъ, или сообщитъ ему какія-либо свѣдѣнія, тотъ наказанъ будетъ смертію.“

Честь и слава патриотизму Прусаковъ! Каждой изъ нихъ кладетъ передъ жертвенникомъ отечества свое приношеніе, смотря по силамъ и возможности. Императоры и художники, которые въ Пруссіи, какъ и вездѣ, вмѣсто всякаго богатства имѣютъ одну пользу свои дарованія, обращаютъ и ихъ на пользу общаго дѣла. Въ Берлинѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Бреславлѣ, объявляешся въ газетахъ о продажѣ гравированныхъ рисунковъ, географическихъ картъ, разныхъ книгъ, о концертахъ, о театральныхъ представленіяхъ, и вырученныя за все это деньги употребляются на снаряженіе защитниковъ отечества. Учреждены конторы, куда приносятся золотыя и серебряныя вещи. Патриотъ, вмѣсто росписки, за даръ свой получаетъ желѣзное кольцо съ надписью: *Я отдалъ золото за желѣзо 1813 года.* Никогда еще не было такъ много охотниковъ доставать себѣ кольца! Усердіе заставляетъ выдумывать различные способы. Иной, неимѣя ни денегъ, ни дорогихъ утварей, продаетъ вещи свои, и полученную за

нихъ цѣну несеть къ жертвеннику отечества: Въ семъ священномъ соревнованіи женщины не уступаютъ мужчинамъ. Слѣдующій примѣръ достоинъ быть сохраненнымъ для потомства. Въ Бреславлѣ одна молодая и пригожая дѣвушка хочетъ принести даръ отечеству на обмундированіе егерей, добровольно вступившихъ въ службу; но она ничего неимѣетъ. Все богатство ея состоитъ въ прекрасныхъ русыхъ волосахъ, за которые перукмахеръ не однажды уже предлагалъ ей хорошую цѣну: Но она любовалась природнымъ своимъ нарядомъ и не хотѣла съ нимъ разстаться. Теперь, когда всѣ желанія преодолеваются любовью къ родинѣ, дѣвушка побѣжала къ перукмахеру, продала ему золотистые свои волосы и принесла деньги къ жертвеннику отечества. Сей прекрасной поступокъ неостался въ неизвѣстности; многие захотѣли имѣть волосы этой великодушной дѣвушки, выплели изъ нихъ кольца и украсили ихъ золотыми дощечками съ слѣдующею надписью: *рѣдког. приношеніе*. И воиначствъ хочеть одолѣть Пруссію въ такое время, когда всѣ жители ея одушевлены споль благороднымъ патриотизмомъ! — Почти во всѣхъ уѣздахъ военной губерніи между Ельбою и Одеромъ устройство земскаго войска окончано было къ 1 числу Мая, а къ 9 му окончано между Вислою и Россійскими границами, слѣдственно и во всемъ Королевствѣ. Во многихъ мѣстахъ являешся болѣе охотниковъ, нежели сколько ихъ нужно. Юношество Прусское полпами приходитъ къ знаменамъ отечества и спановишся въ рядахъ воиновъ. Сей священный подвигъ въ описаніи Дюка Бассано на бумагу Прусскаго Посланника Крузмарка названъ *возмущеніемъ*, а юноши,

ошѣ которыхъ отечество ожидаетъ своего избавленія, названы *жятежниками*! Въ Наполеоновомъ лексиконѣ слова имѣютъ значеніе совсѣмъ отличное отъ обыкновеннаго.

✱

По извѣстіямъ, полученнымъ въ Лондонѣ изъ Испаніи, видно, что Лордъ Веллингтонъ соединяетъ свои войска, до 130,000 человекъ просиращіяся. Полагали, что кампанія должна была начаться въ концѣ Апрѣля, что Французы перейдутъ за Дууро, и будутъ избѣгать главнаго сраженія.

✱

Греческій Патріархъ въ Константинополѣ смѣненъ; мѣсто его заступилъ Епископъ Адрианопольскій.

✱

Въ прибывшихъ стихахъ къ дверямъ жительствова Аббана Сикара, учителя глухонемыхъ въ Парижѣ, совѣтуютъ ему отказаться отъ своей науки въ такое время когда тиранъ запретилъ всѣмъ Французамъ видѣть, говорить и слышать.

Renonce désormais à ton art admirable ;
 Quel bien l'humanité peut-elle en recueillir ?
 Lorsque à tous les Français un tyran exécutable
 A défendu de voir, de parler et d'ouïr ?

— Хотя Наполеонъ и обѣщалъ народу миръ черезъ два мѣсяца; однакожь видно перемѣнили уже полагаться на его предсказанія. Ибо скоро послѣ того видѣна въ Тюильрийскомъ дворцѣ слѣдующая надпись: Palais à vendre, contonno à reprendre, tyran à rendre. Если перевести слова сіи рифмованнымъ художествомъ на

Русской языкѣ, по онѣ будутъ значить: *объявляется о продажѣ дворца, о снятїи съ головы вѣнца, и о висѣлицѣ для тирана стражца.*

Успѣхи просвѣщенїя между нынѣшними Греками должны быть приятны всѣмъ друзьямъ человечества. Для того не излишнимъ почитаемся приложить здѣсь краткое извѣстїе о нѣкоторыхъ новыхъ произведенїяхъ Греческой литературы. Прошлаго года напечатанъ въ Венеціи *Словарь Еллинскаго языка*, составленный Архимандритомъ Анѣимомъ Гази въ трехъ Томахъ, въ листъ. Сочинитель выбралъ городъ Венецію для печатанїя своей книги, по удобности доставить опшуда экземпляры въ Константинополь и въ прочїя мѣста Греціи. Онѣ принялъ за основанїе въ трудъ своемъ извѣстные словари *Генриха Стефана* (Henry Etienne), *Іоанна Скапулы* и второе изданїе *Іоанна Шнейдера*. Въ предисловіи предложено разсужденїе о первоначальномъ образованїи Греческаго языка, о нарѣчїяхъ онаго и о нынѣшнемъ языкѣ Греческомъ. — Архимандритъ Анѣимъ уже третїй годъ съ успѣхомъ продолжаетъ издавать печатаемый въ Вѣнѣ Греческій Журналъ подъ названїемъ: *Ερις ὁ λόγιος* (Ученый Меркурій). Учредившеся въ Бухарестѣ 1810 года, по спаранїю Валахскаго Митрополита Игнашїя, Филологическое Общество приняло на себя первыя издержки сего изданїя, выходящаго два раза въ мѣсцѣ по одной тетради, и разсылаемаго безденежно во всѣ Греческія училища, въ Европѣ и въ Азіи находящїеся. Между многими любознательными спашьими, въ пер-

выхъ пепрадкахъ помѣщенными, особенно замѣчательны: извѣстія о Философическихъ школахъ, существующихъ нынѣ въ Бухарестѣ, въ Константинополѣ, въ Кидоніи, на горѣ Аѳонской, и во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Греціи; разсужденіе о переложеніи въ прозу стиховъ Гомеровыхъ, сдѣланномъ, какъ думать должно, въ двенадцатомъ столѣтїи и находившемся въ библіотекѣ Александра Маврокордато, умершаго въ Константинополѣ; хронологическое показаніе о важнѣйшихъ открытіяхъ въ географіи и о путешествіяхъ, которыя предприняты и совершены были по морямъ и по сушѣ во времена древнія и новыя; краткое начертаніе древней Греческой Исторіи; критическое разсмотрѣніе Бровновой системы, соч. Іоанномъ Ассаніемъ; извѣстіе о почитаніи огня у древнихъ, соч. Дмитриемъ Говделою, и проч. — Издатель Меркурїа, Архімандритъ Анѳимъ, уроженецъ Ѳессалійскій, находящійся нынѣ при Греческой церкви въ Вѣнѣ. Онъ издалъ въ свѣтъ многія книги на Греческомъ языкѣ, имъ самимъ сочиненныя, или переведенныя, какъ то: Исторію Греческой Литтературы до покоренія Турками Константинополя; Греческій Словарь въ 4 Том.; Вольтерову исторію Карла XII; Мартеневу Грамматику Философическихъ наукъ; Лаландову сокращенную Астрономію; Краткую химію г-на Фуркроа и проч.

Другое періодическое изданіе *Ελληνικός Τηλε-γραφος* (Греческой Телеграфъ) печатается также въ Вѣнѣ, и содержитъ въ себѣ извѣстія политическія. Въ прошломъ году листки сіи выходили по два раза въ недѣлю; но съ 1 го Января они раздаются ежедневно, кромѣ празд-

никовъ. Ихъ выписываютъ во все почти города Греціи. До начала прошлаго Іюля и къ намъ въ Москву Телеграфъ доходилъ исправно; впрочемъ здѣсь немного нашлось охотниковъ до него, равно какъ и до Греческаго Меркурія.

Георгій Сакулларій, Врачъ славнаго Али-Паши Яннинскаго, сочинившій многія извѣстныя книги, и между прочими весьма уважаемую *Краткую Археологію*, нынѣ обанчиваетъ большое свое твореніе *о Греческихъ Древностяхъ*, которое, какъ увѣряютъ, составитъ болѣе десяти Томовъ въ 4 ку, и будетъ печататься въ Вѣнѣ подъ надзоромъ ученаго и неутомимаго Архімандрита Анеіма.

Учрежденное въ Смирнѣ Греческое училище находится теперь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; оно устроено лучше всѣхъ другихъ школъ, заведенныхъ въ Греціи. Смирнскіе Греки, любя славу предковъ своихъ не щадящъ никакихъ издержекъ для успѣховъ полезныхъ свѣдѣній. Они призвали изъ Вѣны г-на Кумаса, Эссалійскаго уроженца, весьма ученаго мужа, извѣстнаго многими сочиненіями о наукахъ и словесности, и поручили ему управлять училищемъ. Г. Кумасъ учредилъ кафедру Латинской словесности и приумножилъ число Профессоровъ по всѣмъ часнымъ наукамъ и искусствамъ изящнымъ. Уже выписаны изъ Европы все нужные инструменты астрономическіе и физическіе; сверхъ того учреждена химическая лабораторія подъ управленіемъ Доктора Стефана Иконома, имѣющаго весьма обширныя свѣдѣнія въ Химіи. Г. Ку-

масъ, при помощи Смирнскаго Архіепископа Анеіма, такъ воспламенилъ усердіе въ жителяхъ сего богатаго города, что уже теперь училище его имѣетъ достойныхъ Профессоровъ математики, астрономіи, физики, физиологіи, анатоміи, химіи, естественной исторіи и въ особенности ботаники, нравоучительной философіи, краснорѣчія, поэзіи, языковъ Греческаго, Латинскаго, Французскаго и Италіянскаго, исторіи, географіи и проч.

Не бесполезно въ часы безсонницы иногда просматривать Французскіе листки, въ которыхъ описываются подвиги Парижскихъ забавниковъ. Въ одномъ изъ нихъ, на примѣръ, говорится о мелодрамѣ въ трехъ актахъ подъ пшудомъ: *Рожановскій, или Поляки въ Бѣлой Россіи*. — мелодрамѣ сѣгранной на театрѣ de l'Ambigu-comique 17го Ноября новаго стилия, а по нашему численію въ 5й день погожѣ мѣсяца, именно тогда какъ Даву и Ней плясали подѣ Краснымъ и когда Бонапарть убѣжалъ съ поля сраженія. Въпѣ содержаніе мелодрамы: храбрые Поляки изнемогаютъ въ неволѣ въ Бѣлой Россіи, бывъ осуждены къ тяжкой работѣ за любовь ихъ къ опечесству. Они соглашаются между собою распоргнути оковы свои, и выбираютъ себѣ начальникомъ Графа *Рожановскаго*. Заговорщики одушевляются бодростію, слыша о побѣдахъ Французовъ и о скоромъ ихъ пришествіи; умысла ихъ открытъ въ самую минушу исполненія однимъ вѣроломнымъ (куда сунуло!) Булгаромъ, по имени *Владимѣромъ*. Поляки опчаянно деруся; они уже начинаютъ изнемогать, но вдругъ являющія торжествующіе

Французы. Избавители провозглашаютъ, подъ знаменіемъ побѣды, независимость Польши! Сіе мастерское произведеніе таланта было сопровождено свисномъ начиная со второй половины до закрытія занавѣса. Нѣкоторые зрители однакожь, болѣе уважая *похвальное намѣреніе* нежели искусство, потребовали сочинителей. Явилось ихъ съ полдюжины: два либреттера, одинъ сочинитель принадлежащаго къ мелодрамѣ *козацкаго* бала па и два композитера.

Спустя двѣ недѣли, то есть около того времени когда Русскіе подъ старымъ Борисовымъ взяли руками цѣлой корпусъ наприятельской и когда Графъ Випгенштейнъ весьма неучливо билъ Наполеона при Студенцахъ, на театрѣ des Varietes показывали зрѣлице *совсѣмъ уже другаго рода* — это была сенсиментальная драма *Московское семейство*, сочиненная съ тѣмъ чтобы распробовать всѣхъ прекраснѣйшимъ примѣромъ Французскаго великодушія. Одна дама скитаешся по окрестностямъ Москвы; домъ ея и имущество сожжены и разграблены; она едва держитъ на рукахъ младенца, которой тщетно ищетъ молока въ засохшихъ ея сосцахъ. Съ нею встрѣчаются нѣжные и человеколюбивые солдаты большой Французской арміи; они прослезились отъ жалости, собрали между собою нѣсколько денегъ, купили козу, подарили несчастной матери эту четвероногую кормилицу для ея малюшки, и проч. и проч. Вотъ таковы-то господа Французы: одни разбойничаютъ въ дальнихъ сторонахъ, крадутъ, грабятъ, безчинствуютъ, мучатъ, зажигаютъ, дѣлаютъ фаль-

вля монеты, и все съ дозволенія и по руковод-
ству своего Атамана ; а другіе у себя дома
описываютъ въ книгахъ и представляютъ на
театрахъ мнимые подвиги человеколюбія и
геройства опсуществующихъ земляковъ сво-
ихъ. И къ несчастію есть галломаны, кото-
рые болѣе вѣрятъ Французскому хвастовству
нежели собственнымъ глазамъ своимъ, по не-
преодолимой силѣ привычки и по слѣдствію
невѣжественнаго воспитанія !

22 Мая.

КОНЕЦЪ LXVIII ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стран.

П Р О З А.

Удовольствіе. - - - -	3
Анторъ и книгопродавецъ. - -	10
О Гуннахъ и о переселеніи народовъ.	94

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Пѣснь великому Вождю героевъ. -	17
Спихи въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, мащери опѣ дѣтей. -	21
Надпись на полѣ Бородинскомъ. -	23
Къ Ж. - - - -	26
Къ сѣпующей Нинѣ. - - -	30
Описаніе Русскихъ садовъ. -	190
Пловецъ. - - - -	195
Къ моему другу. - - - -	198
Жиланіе. - - - -	197
Къ Филону. - - - -	198
Жалоба. - - - -	199
Пловецъ. - - - -	200
Елизіумъ. - - - -	201
Паршество Александра, какъ сла гармонія. - - - -	204

II. ИЗЯЦНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

	Стран.
Шиллеровы мысли о томъ, что низко и обыкновенно въ изящныхъ искусствахъ. - - - -	31
Изслѣдованіе о розѣ. - - - -	42
Судъ о Вольтерѣ. - - - -	52
О Греческомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.	56
Объ Изящной Словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ. - -	209
Ничто о Туркахъ и объ ихъ обычаяхъ.	245
Объ искусствѣ плавать и летать по воздуху. - - - -	257

III. КРИТИКА.

Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славыихъ мужей. - -	66
--	----

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

Король Фридрихъ Второй и вѣкъ его.	82
Положеніе Европы. - - - -	125
Что на умѣ теперь у Наполеона. -	150
Папская Грамата о проклятіи Бонапарша. - - - -	154
Извлеченіе изъ статьи Вестфальскаго Монитера съ замѣчаніями. -	158
О планѣ оборонительной войны противъ Французовъ 1812 года. -	274
Выписка изъ новой книжки. -	280
Двадцать десятый бюллетень Большой Французской арміи съ замѣча-	

	Справ.
ніями кѣ нему одного Русскаго Офицера.	286

V. С М Ъ С Ь.

Ловля дикихъ свиней на островѣ Су-матрѣ.	143
Павлу Ивановичу Голенищеву - Кушугзову на смерть Генерала Фельдмаршала К. Смоленскаго.	308
Кѣ сачисителю стиховъ подѣ названіемъ: Надпись на полѣ Бородинскомъ.	—
Біографическое извѣстіе о Свѣшлѣишемъ Князѣ Голенищевѣ-Кушугзовѣ-Смоленскомъ.	309
Внутреннія извѣстія.	150 и 312
Заграничныя извѣстія.	151 и 314

О Ш И Б К И.

Въ 3 и 4 NNо *Вѣстника Европы*

напечатано :

чистый :

Стран.	Стр.		
254	28	Литшперашурѣ	Литшпературы
282	18	господину	и господину
310	16	Спилицѣ	Сполицѣ
319	7	жипелей	жипелей,
—	13	до цыфрѣ	до цыфрѣ;
326	5	<i>souciset</i>	<i>soucis et</i>
—	14	великаго	сего великаго

